

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р
ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

А. М. ВАСИЛЬЕВ

ПУРИТАНЕ ИСЛАМА?

ВАХХАБИЗМ И ПЕРВОЕ ГОСУДАРСТВО

САУДИДОВ В АРАВИИ

(1744/45—1818)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Главная редакция восточной литературы

Москва 1967

Ответственный редактор

Н. А. ИВАНОВ

Книга посвящена исследованию истории, идеологии, социальному и политическому строю государства Саудидов, возникшего в XVIII в. на основе ваххабитского движения на Аравийском полуострове.

Автор рассматривает эмират Саудидов в развитии, выясняет его экономическую, административную, военную структуру, его силу и слабость, предпосылки его гибели. Много места уделяется военно-политической истории государства, его взаимоотношениям с соседними странами и Англией.

ВВЕДЕНИЕ

В начале XVIII в. центральные районы Аравии — а практически почти весь полуостров — казались полностью оторванными от мировых событий и погрязшими во внутренних неурядицах и феодально-племенной анархии. На поверхности не было никаких признаков того, что в аравийском обществе происходили процессы, которые вызвали ваххабитскую бурю, охватившую полуостров в XVIII — начале XIX в. Ваххабизм, зародившийся в виде религиозной доктрины, сравнительно быстро превратился в религиозно-политическое течение. На глазах у изумленных современников на месте прежнего конгломерата племен и оазисов появилось обширное государство, сильное и динамичное.

Государство Саудидов, развившееся на основе ваххабитского движения, бросило вызов Османской империи, столкнулось с европейскими странами и на какой-то момент оказалось на авансцене ближневосточной политики. Оно рухнуло под ударами египетской армии гораздо быстрее, чем возникло, и Центральная Аравия вновь была ввергнута в состояние упадка. Через некоторое время эмират Саудидов возродился под ваххабитским знаменем на ограниченной территории и опять пал под ударами соперников. Однако в начале XX столетия один из Саудидов стал во главе объединительного движения в Неджде, взял на вооружение приспособленный к изменившимся условиям ваххабизм и завоевал большую часть полуострова, которая составляет ныне Саудовскую Аравию, государство сложной и противоречивой судьбы.

История раннего ваххабизма и первого государства Саудидов лишь в очень незначительной степени осве-

щена в советской востоковедной литературе. Поэтому обращение к данной теме представляет интерес со многих точек зрения.

Всестороннее исследование этого периода аравийской истории связано с разработкой широкого круга вопросов. Среди них на первое место в данной работе поставлены проблемы социально-политической обстановки в Аравии XVIII в., конкретных исторических предпосылок появления ваххабитского движения, успехов завоевательных войн Саудидов. Ваххабизм как идеология интересен для нас не столько с догматическо-богословской стороны, сколько в социально-политическом аспекте: чьи интересы он выражал, кому служил, какова была его миссия в государстве Саудидов? Поставлена также задача рассмотреть эмират Саудидов в развитии, выяснить его экономическую, административную, военную структуру, его силу и слабость, предпосылки его гибели. Большое место уделяется военно-политической истории государства, его взаимоотношениям с соседними странами и Англией.

В качестве базы для разработки истории раннего ваххабизма и первого государства Саудидов было использовано несколько групп источников. Это прежде всего арабские хроники того периода, написанные как ваххабитами, так и их противниками и нейтральными наблюдателями, как жителями Аравии, так и уроженцами сопредельных стран. (Часть из них введена в научный оборот лишь за последние полстолетия). Затем идут работы Ибн Абд аль-Ваххаба и первых ваххабитов. Следующую группу источников, составляют записи европейских путешественников, дипломатов, ученых, разведчиков, посетивших Аравию и соседние с нею страны в XVIII—XIX вв. Использованы также документы, содержащие сведения о ваххабитах, из Архива внешней политики России.

Арабские хроники. Лишь одна из известных нам арабских хроник написана человеком, который наблюдал за развитием ваххабитского движения и государства Саудидов почти с первых лет их существования. Это «История Неджда, называемая садом мыслей и понятий» Хусейна ибн Ганнама¹. Летописец был богословом,

¹ حسين بن غنم، تاريخ نجد المسمى روضة الأفكار والافهام،
الجزء الاول والثاني (далее — Ибн Ганнам).

принадлежал к знати Хасы, прославился и как поэт; умер в 1811 г. В первой части работы Ибн Ганнам воспроизводит некоторые сочинения Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба. Во второй части он подробнейшим образом излагает историю войн ваххабитов с 1746 по 1796/97 г.

Ибн Ганнам — фанатичный последователь учения Ибн Абд аль-Ваххаба. Действия ваххабитов, по его мнению, вдохновлялись самим аллахом, а их врагов подталкивала рука дьявола. Поэтому поражения «истинных мусульман» он несколько замазывает. Вся хроника написана рифмованной прозой; славословия аллаху, пророку, святым, знаменитым богословам, Саудидам, рассказы религиозного содержания занимают много места и нередко затуманивают смысл. Иногда возникают сомнения: скрывается реальное содержание за теми или иными фразами или же это набор слов, используемых для рифмы? Данные о социальной и политической структуре государства Саудидов приходится отыскивать буквально по крупинам. Тем не менее летопись Ибн Ганнама — исключительный по значению источник. Собранный в ней материал является результатом личных наблюдений автора и содержит подробное описание исторических событий и их даты.

Вторая хроника — «Символ славы в истории Неджда» — принадлежит перу недждийского летописца XIX в. Османа ибн Абдаллаха ибн Бишра². Ибн Бишр был одним из известных богословов оазиса Шакра провинции Вашм, считался членом подразделения бану зайд племени бану тамим. Своими глазами он видел многие события в Аравии после момента, на котором оборвалась хроника Ибн Ганнама. Умер Ибн Бишр в 1871/72 г., оставив после себя несколько сочинений на различные темы.

Ибн Бишр также придерживался ваххабитского учения, но отличался несравненно более широкими взглядами, чем его предшественник. Это позволило ему включить в летопись в высшей степени ценные факты о структуре государства Саудидов и общественной жизни Аравии. Хроника, которую он ведет с 1745 г., сопровождается постоянными экскурсами в более давнюю ара-

---

² عثمان بن بشر، عنوان المجد في تاريخ نجد، الجزء الاول والثاني
(далее — Ибн Бишр).

вийскую историю; труд его завершается описанием событий 1854 г.

Вот что сообщает он об источниках своих сведений: «Я знаю, что жители Неджда и их улемы не заботились об описании истории своей родины, не сообщали ни о том, кто строил оазисы, ни что случилось в них, пришло в них и вышло из них, за исключением диковинных происшествий, записанных некоторыми богословами. Если они упоминают год, то говорят: такой-то сын такого-то убит в этом году, но не упоминают... причины его убийства. Если они упоминают битву или происшествие, то говорят: в этом году произошла такая-то схватка, и не упоминают ни ее отличительной особенности, ни ее места; а мы знаем, что со времени Адама до наших дней все продолжается битва, но мы желаем знать истину и причину, а также то, что произошло из странных и удивительных вещей. Все это в их записях отсутствует. Я хотел собрать все материалы об Ааль Сауде (Саудидах. — А. В.) и о тех днях, но не нашел того, кто сообщил бы мне о тех событиях сведения, заслуживающие доверия»³. По истории XVIII в., как замечает Ибн Бишр, не осталось многочисленных письменных источников, поэтому он использовал лишь хронику некоего Мухаммеда ибн Али ибн Салюма аль-Фарды аль-Ханбали, которая доведена примерно до смерти дерийского эмира Абд аль-Азиза, т. е. до начала XIX в. Существовали летописи доваххабитских времен, но Ибн Бишр ими мало интересовался. Влияние их чувствуется лишь в краткой хронике о более древних аравийских событиях, которую он ведет параллельно с основной. Остальную историю он писал на основе рассказов участников событий, тщательно проверял их и пытался «отделить истину от лжи». Он также лично знал некоторых детей и внуков Ибн Абд аль-Ваххаба.

Летопись Ибн Бишра во многом совпадает с хроникой Ибн Ганнама. Ибн Бишр даже полностью приводит стихотворение своего предшественника на смерть Ибн Абд аль-Ваххаба, которое содержится также в «Истории Неджда». Однако авторы иногда дают различное описание одних и тех же фактов, хотя и второстепенных, называют различные цифры, делают акцент на разных

---

³ Там же, ч. I, стр. 4—5.

событиях. Можно предположить поэтому, что Ибн Бишр не был знаком с сочинением Ибн Ганнама. Он сам косвенно подтверждает это в предисловии, не упоминая имени Ибн Ганнама среди известных ему летописцев. Сообщая о смерти Ибн Ганнама и перечисляя его достоинства как богослова и поэта, он опять-таки ни словом не упоминает о его исторических произведениях⁴.

Достоверность данных Ибн Ганнама и Ибн Бишра подтверждается как их совпадением, так и с помощью перекрестной проверки фактов, упоминаемых европейцами. И арабским, и европейским историкам эти две летописи стали известны лишь в XX в. Оба сочинения ваххабитов существовали в довольно многочисленных списках.

Из поля зрения востоковедов, писавших об Аравии, почему-то выпала хроника государства Саудидов, приведенная Ф. Манженом в приложении к его «Истории Египта под властью Мухаммеда Али»⁵. Французский историк составил летопись на основе информации, полученной от внука Ибн Абд аль-Ваххаба (сосланного в Египет после разгрома Дерийи в 1818 г.), а также, видимо, от других ваххабитов. И кажется просто удивительным, что такой первоклассный источник не был использован востоковедами, хотя книгу Ф. Манжена многие из них знали.

Все три хроники в целом во многом схожи. Но при тщательном их сличении обнаруживается, что ряд имен, дат, событий, приведенных Ф. Манженом, не совпадает с фактами, которые сообщают арабы. Но именно эти расхождения (в деталях, а не по существу) доказывают подлинность и самостоятельность всех трех летописей, которые могут служить надежным костяком для восстановления последовательности исторических событий. Большого доверия, однако, заслуживают ваххабитские летописцы, и не только потому, что они подтверждают друг друга. При передаче Ф. Манжену информации арабами могли быть искажены некоторые имена, географические названия. Там, где Ф. Манжен приводит рядом даты и хиджры и нашего летосчисления, он иногда серь-

⁴ Лишь в одном месте у Ибн Бишра (ч. I, стр. 46) есть упоминание об «Истории Неджла» Ибн Ганнама, но по тексту неясно сделано оно самим летописцем или редактором.

⁵ F. Mengin, *Histoire de l'Égypte sous le gouvernement de Mohammed-Aly*.

езно ошибается; закрадывается сомнение в правильности перевода и остальных дат хиджры. Поэтому за основу в настоящей работе были приняты даты аравийцев.

Дополнительные сведения об истории ваххабитского движения и первого государства Саудидов, а также материалы для проверки известных фактов можно почерпнуть в исторических сочинениях, созданных в те годы в Хиджазе, Йемене, Ираке, Омане, Египте.

Хиджазская хроника «Краткое сообщение об эмирах священного города» написана Ахмедом ибн Зайни Дахланом⁶, историком XIX в., ярким противником ваххабитов, выходцем из хиджазской знати, который придерживался прошерифской ориентации. Он с противоположных ваххабитам позиций освещал их действия в Хиджазе. При составлении хроники автор пользовался рассказами и документами участников событий и устными преданиями. Даты он часто упоминает с точностью до одного дня, и они в большинстве случаев совпадают с материалами ваххабитских летописцев. Хроника Ибн Зайни Дахлана доведена до 80-х годов XIX в.

Кое-какие факты о событиях в Хиджазе того времени упоминает проваххабитски настроенный йеменский историк и богослов первой половины XIX в. Мухаммед ибн Али аш-Шаукани⁷ (умер в 1834/35 г.).

Басриец Осман ибн Санад, автор «Истории Багдада»⁸, был придворным летописцем багдадского паши Дауда, это наложило на него свой отпечаток. К ваххабитам, однако, он настроен невраждебно, скорее нейтрально. В сфере наблюдений автора был лишь северо-восток Аравии. Хроника, сохранившаяся в сильно сокращенном виде, обрывается на 1826/27 г. (Сам Ибн Санад умер в 1834/35 г.).

Переведенная на английский язык летопись оманца Салиля ибн Разика⁹, ибадита и врага ваххабитов, дове-

⁶ أحمد بن زيني دحلان، خلاصة الكلام في بيان أمراء البلد الحرام (далее — Ахмед Дахлан, *Хуласса аль-калям*).

⁷ محمد بن علي الشوكاني، البدر الطالع، الجزء الاول والثاني (далее — Аш-Шаукани, *Аль-бадр ат-тали*).

⁸ عثمان بن سند البصري، تاريخ بغداد المسمى بمطالع السعود (далее — Ибн Санад, *Tarikh Bagdad*).

⁹ Salil-ibn-Razik, *History of the imams and seyyids of Oman* (661—1856).

денная до 1856 г., проливает дополнительный свет на политику Саудидов в Омане.

Много сведений об аравийской кампании Мухаммеда Али содержится в работе знаменитого египетского историка Абдурахмана аль-Джабарти¹⁰ (умер в третьем десятилетии XIX в.).

Сочинения Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба и первых ваххабитов составляют группу источников, существенно важных для изучения идеологии ваххабизма. Они дошли до наших дней в многочисленных списках, часть из них хранится в западноевропейских библиотеках и музеях. Работы, в которых выражено кредо ваххабизма, — «Книга единобожия»¹¹ (самая ранняя из всех, написана в 30-х годах XVIII в.), «Книга раскрытия дозволенных и запрещенных дел в единобожии»¹², «Книга смертных грехов»¹³, «Вопросы джахилийи, о которой спорили посланник аллаха и люди джахилийи»¹⁴, «Краткое изложение жития посланника»¹⁵ — упоминаются еще Ибн Ганнамом, или Ибн Бишром, или и тем и другим. Другие сочинения вероучителя, в числе которых также «Назидание извлекающему пользу из неверия покинувшего единобожие»¹⁶, «Достоинство ислама»¹⁷, «Принципы веры»¹⁸, «Совет мусульманам на основе преданий

¹⁰ Абд ар-Рахман ал-Джабарти, *Египет под властью Мухаммеда Али*.

¹¹ محمد بن عبد الوهاب، كتاب التوحيد (далее — Ибн Абд аль-Ваххаб, *Китаб ат-таухид*).

¹² محمد بن عبد الوهاب، كتاب كشف شبهات في التوحيد (далее — Ибн Абд аль-Ваххаб, *Китаб кашф*).

¹³ محمد بن عبد الوهاب، كتاب الكبائر (далее — Ибн Абд аль-Ваххаб, *Китаб аль-кабаир*).

¹⁴ محمد بن عبد الوهاب، مسائل الجاهلية التي خالف فيها رسول الله (далее — Ибн Абд аль-Ваххаб, *Масаиль аль-джахилийя*).

¹⁵ محمد بن عبد الوهاب، مختصر سيرة الرسول (далее — Ибн Абд аль-Ваххаб, *Мухтасар сират ар-расуль*).

¹⁶ محمد بن عبد الوهاب، مفيد المستفيد في كفر تارك التوحيد (далее — Ибн Абд аль-Ваххаб, *Муфид аль-мустафид*).

¹⁷ محمد بن عبد الوهاب، فضل اسلام (далее — Ибн Абд аль-Ваххаб, *Фадль аль-ислам*).

¹⁸ محمد بن عبد الوهاب، أصول الايمان (далее — Ибн Абд аль-Ваххаб, *Усуль аль-иман*).

о печати пророков»¹⁹, «Три принципа и их доказательств»²⁰, многочисленные «Послания», включены К. Брокельманом в библиографию его «Истории арабской литературы»²¹.

Произведения Ибн Абд аль-Ваххаба изданы сейчас по ранним спискам, относящимся к концу XVIII — первой половине XIX столетия. Поэтому, если по отношению к каждому из них нет абсолютно достоверных доказательств авторства вероучителя, они тем не менее принадлежат кому-либо из его окружения и отражают подлинную идеологию раннего ваххабизма. Проверенные данные об учении ваххабитов, собранные европейскими востоковедами, в целом соответствуют принципам, изложенным в этих источниках.

Сын вероучителя Абдаллах также известен как автор богословских работ. Одна из них — «Послание» — впервые была опубликована в английском переводе с арабской рукописи в 1874 г. в «Журнале Азиатского общества Бенгалии» (здесь автор ошибочно назван внуком вероучителя), а затем в ваххабитском сборнике «Суннитский дар и недждийская ваххабитская диковинка», появившемся в 1923/24 г.²² Послание ценно тем, что оно не перегружено цитатами из преданий и их комментаторов и четко выражает некоторые теоретические установки ваххабизма. (Автор писал его наспех и, видимо, не имел возможности пользоваться сборниками хадисов). В нем содержатся и некоторые сведения о взятии Мекки ваххабитами. Сейчас опубликована также работа Абдаллаха «Полезное слово о действительном неверии»²³.

---

¹⁹ محمد بن عبد الوهاب، نصيحة المسلمين بأحاديث خاتم المرسلين (далее — Ибн Абд аль-Ваххаб, *Насыхат аль-муслимина*).

²⁰ محمد بن عبد الوهاب، الاصول الثلاثة وادلتها (далее — Ибн Абд аль-Ваххаб, *Аль-усуль ас-саяса*).

²¹ C. Brockelmann, *Geschichte der Arabischen Litteratur*, 2. Supplement band, S. 530—532.

²² «Translation of an Arabic Pamphlet on the history and doctrines of the Wahhabis, written by Abdullah, grandson of Abdul Wahhab, the founder of Wahhabism», — «Journal of the Asiatic society of Bengal», vol. 43, pt 1, Calcutta, 1874, pp. 68—82.

²³ عبد الله بن محمد بن عبد الوهاب، الكلمات النافعة في المكفرات الواقعة (далее — Абдаллах ибн Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб, *Аль-калимат ан-нафия*).

Много писал на богословские темы внук вероучителя Абдуррахман ибн Хасан. Его книга «Открытие славного»²⁴ представляет обширнейший комментарий к «Книге единобожия» Ибн Абд аль-Ваххаба. Полностью соответствует общим установкам ваххабизма «Послание» одного из недждийских богословов, выходца из знатной семьи аль-Муаммаров — Ахмеда ибн Насыра ибн Османа²⁵.

Религиозно-пропагандистская деятельность не была чужда и дерийским эмирам, о чем свидетельствует «Послание» эмира Абд аль-Азиза I²⁶.

Антиваххабитскую литературу сейчас найти значительно труднее. Помимо указанных работ Ибн Зайни Дахлана и Ибн Разика стоит упомянуть две рукописи по сугубо догматическим вопросам, хранящиеся в Тюбингенской библиотеке ФРГ. Это «Послание с возражениями Ибн Абд аль-Ваххабу», написанное Мухаммедом ибн Афаликом²⁷, и «Возражения ваххабитам по важным проблемам» Ибн ас-Сувайди²⁸.

Информация европейцев, посетивших Аравию в XVIII — начале XIX столетия. Первые сообщения о ваххабитах принес в Европу двести лет назад датский путешественник К. Нибур: «Несколько лет назад в провинции Авид возникла новая секта или, скорее, новая религия, которая, быть может, вызовет со временем значительные изменения и в верованиях и в обычаях арабов»²⁹. Его описание полуострова, относящееся к 60-м годам XVIII в., содержит интересные детали по истории, политике, общественной жизни Аравии.

Хотя французский энциклопедист и путешественник

---

²⁴ عبد الرحمن بن حسن، فتح المجيد (далее — Абдуррахман ибн Хасан, *Фатх аль-маджид*).

²⁵ احمد بن ناصر بن عثمان المعمرى، الرسالة (далее — Ахмед ибн Насыр, *Ар-рисала*).

²⁶ عبد العزيز الاول بن سعود، الرسالة (далее — Абд аль-Азиз I, *Ар-рисала*).

²⁷ محمد بن عفاق الاخسائي الحنبلى، رسالة فى رد ابن عبد الوهاب

ابن السَّوَيْدَى، المشكلات المضية ردا على الوهابية

²⁹ C. Niebuhr. *Description de l'Arabie d'après les observations et recherches faits dans le pays même*, p. 298. См. также: C. Niebuhr, *Voyage de M. Niebuhr en Arabie et en d'autres pays d'Orient*, vol. 1—2.

К. Вольней³⁰ не был в Аравии, в 70-х годах он посетил несколько провинций Османской империи, побывал, в частности, в Сирии и Палестине. Однако его заметки об арабах-бедуинах, составленные на основе наблюдений за племенем вахидат, кочевавшим недалеко от Газы, и рассказов о племенах внутренней Аравии, отличаются меткостью суждений, пониманием специфики общественных отношений кочевников. Его книга содержит большое количество фактов из их жизни.

Служащий английской Ост-Индской компании Рейно сделал краткое описание своей поездки в Дерийю в 1799 г.³¹

Наполеоновский агент испанец Бадиа-и-Леблих³², путешествовавший под именем Али-бея, посетил в 1807 г. Хиджаз и Мекку. Его записи о ваххабитах и аравийском обществе поверхностны, содержат немало фактических ошибок, но некоторым из его суждений нельзя отказать в точности.

Выдающееся место среди путешественников не только того периода, но и последующих десятилетий занимает И. Буркхардт³³. Швейцарец по происхождению, английский подданный, он был движим неукротимой страстью к путешествиям, и Хиджаз, где он пробыл не меньше года (в 1814—1815 гг.), представляет лишь этап в его странствиях. Он лично наблюдал за войной египтян против ваххабитов, собрал обширнейшие сведения об Аравии и жизни арабов на основе личных бесед с хиджазцами и неждийцами. Письменных источников, однако, ему практически найти не удалось. И. Буркхардт изучал не только гражданскую историю ваххабитов и их идеологию, но также экономическую, политическую жизнь Аравии, общественные отношения и право как бедуинов, так и оседлых, интересовался формами семьи, собственности, налоговой системой. Большая культура путешественника и широта кругозора, соединенные с научной добросо-

---

³⁰ C.-F. Volney. *Voyage en Syrie et en Egypte, pendant les années 1783, 1784 et 1785*. Русское издание: [К. Ф. Волней], *Путешествие Волнея в Сирию и Египет, бывшее в 1783, 1784 и 1785 годах*, ч. 1—2.

³¹ [Reinaud], *Auszug aus dem Briefe des Hrn. Reinaud an Dr. Setzen, Haleb, 2. Apr., 1805*.

³² Ali bev, *Travels*, vol. 1—2.

³³ J. L. Burckhardt, *Travels in Arabia*, vol. 1—2; J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins and Wahabys collected during his travels in the East*, vol. 1—2.

вестностью и личным мужеством (последним качеством, конечно, отличались и другие исследователи Аравии), позволили ему написать книги, без которых наши знания о ваххабитском движении и государстве Саудидов были бы гораздо более скудными. Ко многим достоинствам И. Буркхардта следует добавить легкий и увлекательный стиль, который избавляет читателя от утомительной скуки путевых заметок многих европейцев.

Записки итальянца Дж. Финати³⁴, служившего солдатом в египетской экспедиционной армии, привлекают внимание кое-какими любопытными фактами об аравийской кампании Мухаммеда Али.

В 1819 г. английский офицер Дж. Сэдльер³⁵ пересек Аравийский полуостров от Катифа до Янбо, чтобы договориться с египтянами о совместной политике в Аравии, а возможно, и просто с целью разведки. Его записки помогают уточнить ход кампании Ибрагим-паши в Центральной Аравии.

Сообщения европейцев о ваххабитах и Аравии из сопредельных стран. На первое место из такого рода работ следует поставить «Историю ваххабитов», выпущенную в 1810 г. Л. Корансезом³⁶, французским консулом в Халебе (Алеппо). В составе группы ученых он принимал участие в экспедиции Наполеона в Египет. Затем в течение восьми лет Л. Корансез жил в Халебе, имел широкие связи с местным населением, вел обширную переписку. Он опубликовал в западноевропейской печати несколько статей о ваххабитах. Его работа содержит немало информации о политической истории государства Саудидов, особенно об отношениях ваххабитов с Хиджазом, Сирией, Ираком, Османской империей в целом, их идеологии. Тем не менее «История ваххабитов» Л. Корансеца не свободна от неточностей, легковесных суждений и несбывшихся предсказаний.

Французский артиллерист на службе багдадского паши Ж. Раймон собирал материалы непосредственно на месте событий — в Ираке. Свои наблюдения и получен-

---

³⁴ G. Finati, *Narrative of the life and adventures of Giovanni Finati, native of Ferrara*, vol. 1—2.

³⁵ G. F. Sadlier, *Account of a journey from Katif on the Persian gulf to Yamboo on the Red sea* (Read 24.4.1821), pp. 449—491.

³⁶ [L. A. Corancez], *Histoire des Wahabis depuis leur origine jusqu'à la fin de 1809*.

ные сведения он изложил в донесении во французское министерство иностранных дел³⁷. На некоторые его письма ссылается и Л. Корансез.

Некоторые поверхностные сведения о ваххабитах привел французский консул в Багдаде Ж. Руссо в приложении к своей книге «Описание Багдадского паша-лыка»³⁸.

Ф. Манжен, о котором речь шла выше, прославился как историк Египта. Информацию он получал непосредственно от египтян, и она важна для изучения политики Мухаммеда Али в Аравии, хода аравийской кампании и положения в Хиджазе и Неджде.

Лишь спустя несколько десятилетий после возвращения из арабских стран опубликовал свои воспоминания политический агент Ост-Индской компании в Басре (с 1784 г.), а затем в Багдаде Х. Бриджес³⁹. Его записи грешат большими неточностями и неаккуратностью, политическую историю ваххабизма он дает по И. Буркхардту. Его личные наблюдения и замечания тем не менее нельзя игнорировать.

В русскую печать информация о ваххабитах проникла в основном через западноевропейские каналы. Самое раннее из обнаруженных сообщений (после публикации «Путешествия» К. Вольнея) появилось в 1803 г. в «Вестнике Европы». «Аравии назначено быть колыбелью азиатских революций. Новый тамошний пророк Абдул Вегаб имеет уже... — писал журнал, — многочисленное войско и приближается к Мекке»⁴⁰.

В более позднее время на страницах «Журнала различных предметов словесности» (1805 г.)⁴¹ и «Вестника Европы» (1819 г.)⁴² появились статьи, освещавшие события в Аравии. Эти статьи можно рассматривать как источники по истории Саудидов и ваххабизма, хотя сход-

---

³⁷ J. Raymond, *Les Wahabys. Document inédit de 1806*.

³⁸ [J. Rousseau], *Description du pachalik de Bagdad...*

³⁹ H. J. Brydges, *An account of the transactions of His Majesty's mission to the court of Persia (1807—1811), to which is appended a brief history of the Wahaby*, vol. 1—2.

⁴⁰ «Вестник Европы», 1803, ч. IX, стр. 68.

⁴¹ «О секте ваабиев, отпадших от магометанства», — «Журнал различных предметов словесности», 1805, т. 2, № 1, стр. 18—34; № 2, стр. 24—44.

⁴² «Вестник Европы», 1819, № 7, стр. 217—228; № 8, стр. 303—315.

ство приведенных в них сведений с данными Л. Корансеза весьма велико.

В высшей степени любопытные сообщения о ваххабитах можно найти в донесениях российского посольства из Константинополя в Петербург за 1800—1818 гг. В них подчас встречаются материалы, присланные из Египта и Ирака⁴³. Эта информация до сих пор еще не использовалась исследователями, занимающимися изучением истории ваххабизма. Она послужила главным источником для выяснения позиции Порты по отношению к ваххабитам. Донесения раскрывают политику султанского двора в связи с захватом ваххабитами Мекки, в них содержится описание казни последнего дерийского эмира — Абдаллаха. Архивные документы помогают уточнить некоторые спорные даты и факты.

Европейские путешественники, посетившие Аравийский полуостров после Дж. Сэдлера, сообщают важные сведения об истории Аравии лишь XIX—XX вв. Их труды содержат богатый и первоклассный материал для выяснения общественно-политической жизни полуострова. Добавляя, подтверждая или опровергая И. Буркхардта, К. Вольнея, К. Нибура и арабских летописцев, они помогают изучить аравийское общество XVIII—XIX вв., определить социальную сущность ваххабизма, структуру государства Саудидов, характер и организацию политической власти в Аравии.

В 30-х годах английский офицер Д. Уэлстед⁴⁴ побывал в Омане и объехал аравийское побережье; примерно в это же время француз М. Тамизье⁴⁵ посетил Хиджаз и Асир; в 40-х годах финский ученый Г. Валлин⁴⁶ путешествовал по Хиджазу и Северной Аравии; англичанин Р. Бэртон⁴⁷ в 50-х годах побывал в Хиджазе и Сирийской пустыне. В 1854 г. Мекку посетил француз Ш. Дидье⁴⁸. Член ордена иезуитов и французский агент

---

⁴³ Архив внешней политики России (далее — АВПР), ф. «Канцелярия».

⁴⁴ J. R. Wellsted, *Travels in Arabia*, vol. 1—2.

⁴⁵ M. Tamisier, *Voyage en Arabie...*, vol. 1—2.

⁴⁶ G. A. Wallin, *Narrative of a journey from Cairo to Medina and Mecca...*; G. A. Wallin, *Notes taken during a journey through part of Northern Arabia in 1848*.

⁴⁷ R. F. Burton, *Personal narrative of a pilgrimage to al-Madinah and Meccah*, vol. 1—2.

⁴⁸ Ch. Didier, *Séjour chez le grand chérif de la Mekke*.

У. Пэлгрев⁴⁹ в 1862—1863 гг. проник в Центральный Неджд, посетил столицу возрожденного ваххабитского государства — Рияд, а также Касым и Хасу. Неоднократно подвергался сомнениям сам факт путешествия У. Пэлгрева из-за многих неточностей, допущенных им, но сейчас признано, что оно действительно имело место.

Поездка в Рияд английского резидента в Бушире Л. Пелли⁵⁰ относится к 1864—1865 гг. Примерно в это же время в Северном Неджде был итальянец К. Гуармани⁵¹.

Английский археолог и писатель Ч. Доути⁵² путешествовал по Северному Неджду и Хиджазу в 1876—1878 гг. Его сочинение, которое в английской литературе считается шедевром путевых заметок, выдержало несколько изданий. Он кочевал вместе с бедуинами, провел немало времени в аравийских оазисах. Именно поэтому его сведения чрезвычайно содержательны.

Из других путешественников стоит отметить француза Ш. Юбера⁵³, побывавшего в Северном Неджде и Хиджазе в 1878, 1883—1884 гг. и убитого там, англичан супругов Блант⁵⁴, посетивших Сирийскую пустыню и Джебель-Шаммар в 1878—1879, 1881 гг., русских коннозаводчиков С. А. Строганова и А. Г. Щербатова с женой⁵⁵, совершивших поездки в Сирийскую пустыню в 1888 и 1890 гг., и, наконец, русского офицера Давлетшина⁵⁶, который был в Хиджазе в конце 90-х годов.

Число работ европейских путешественников и исследователей Аравии в XX в. резко возрастает. Их информация позволяет отчетливо судить о переменах в аравийском обществе за последние несколько десятков лет, а также лучше изучить общественные институты, известные здесь на протяжении столетий и сохранившиеся

---

⁴⁹ W. G. Palgrave, *Narrative of a year's journey through Central and Eastern Arabia (1862—1863)*, vol. 1—2.

⁵⁰ L. Pelly, *A visit to the Wahabee capital, Central Arabia*.

⁵¹ C. Guarmani, *Northern Najd. A journey from Jerusalem to Anaiza in Qasim*.

⁵² Ch. Doughty, *Travels in Arabia Deserta*, vol. 1—2.

⁵³ Ch. Huber, *Journal d'un voyage en Arabie (1883—1884)*.

⁵⁴ A. Blunt, *A pilgrimage to Nejd, the cradle of the Arab race*, vol. 1—2.

⁵⁵ А. Г. Щербатов и С. А. Строганов, *Книга об арабской лошади*; О. А. Щербатова, *Верхом на родине бедуинов*.

⁵⁶ [Давлетшин], *Отчет штабс-капитана Давлетшина о командировке в Хиджаз*.

почти до наших дней. Стоит особо указать на исследования А. Жоссана⁵⁷ и А. Мусила⁵⁸, специально посвященные бедуинам Северной Аравии, а также труды Р. Монтаня⁵⁹. Обширные материалы об Аравии содержатся в книгах Г. Филби⁶⁰ и Г. Диксона⁶¹, которые провели на полуострове едва ли не большую часть жизни.

Подробные сведения о европейских исследователях Аравии можно найти в книгах А. Цеме⁶², А. Ралли⁶³, С. Цвемера⁶⁴, Д. Хогарта⁶⁵, В. В. Бартольда⁶⁶, Р. Кириана⁶⁷, Ж. Пиренн⁶⁸.

Арабская литература по истории первого государства Саудидов и ваххабитскому движению построена главным образом на хрониках Ибн Бишра, реже — Ибн Ганнама, она практически игнорирует европейские источники и литературу. Арабские авторы ограничиваются, как правило, лишь изложением исторических событий, не вникая в их политическое содержание, не говоря уже о социальном. Это относится даже к лучшим из них — Махмуду Шукри аль-Алуси⁶⁹, Амину ар-Рейхани⁷⁰, Ахмеду Али⁷¹, Хафизу Вахбе⁷², а также Саяху ад-Дину аль-

---

⁵⁷ A. Jaussen, *Coutumes des Arabes au pays de Moab*.

⁵⁸ A. Musil, *The manners and customs of the Rwala beduins*.

⁵⁹ R. Montagne, *La civilisation du désert. Nomades d'Orient et d'Afrique*.

⁶⁰ H. Philby, *The heart of Arabia*, vol. 1—2; H. Philby, *Arabia of the Wahhabis*.

⁶¹ H. R. P. Dickson, *Kuwait and her neighbours*; H. R. P. Dickson, *The arab of the desert*.

⁶² A. Zehme, *Arabien und die Araber seit hundert Jahren*.

⁶³ А. Ралли, *Мекка в описаниях европейцев*.

⁶⁴ S. M. Zwemer, *Arabia. The cradle of Islam*.

⁶⁵ D. G. Hogarth, *The penetration of Arabia*.

⁶⁶ В. В. Бартольд, *История изучения Востока в Европе и России*.

⁶⁷ R. Kiernan, *The unveiling of Arabia*.

⁶⁸ J. Pirenne, *A la découverte de l'Arabie. Cinq siècles de science et d'aventure*.

⁶⁹ تَارِيخ نَجْد محمود شكري الآلوسي، (далее — Махмуд аль-Алуси, *Тарих Наджд*).

⁷⁰ أمين الريحاني، تَارِيخ نَجْد الحديث (далее — Амин ар-Рейхани, *Тарих Наджд*).

⁷¹ أحمد علي، آل سعود (далее — Ахмед Али, *Ааль Сауд*).

⁷² حافظ وهبة، جزيرة العرب في القرن العشرين (далее — Хафиз Вахба, *Джазират аль-араб*).

Мухтару⁷³, Ахмеду Абд аль-Гафуру Аттару⁷⁴, Мухаммеду Абдаллаху Мады⁷⁵.

Во всех этих произведениях большое место уделяется деятельности Ибн Абд аль-Ваххаба и изложению основ его учения. Особое внимание на эти вопросы обращают Абдаллах аль-Касыми⁷⁶, Ахмед Амин⁷⁷, Мухаммед Хамид аль-Факи⁷⁸, Аббас Махмуд аль-Аккад⁷⁹, а также один из деятелей мусульманской реформации (модернизма) — Мухаммед Рашид Рида⁸⁰.

Полемические сочинения в защиту ваххабизма, написанные Сулейманом ибн Сухманом⁸¹, содержат помимо ваххабитской догматики выдержки из работ противников этого учения.

Нельзя не упомянуть также арабскую историческую литературу о странах, сопредельных с Саудовской Аравией, об отдельных провинциях этого государства. В ней нашли отражение источники, недоступные автору настоя-

---

⁷³ صلاح الدين المختار، تاريخ المملكة العربية السعودية في ماضيها الاول (далее — Аль-Мухтар, *Тарих аль-мамляка аль-арабийя ас-саудийя*).

⁷⁴ أحمد عبد الغفور عطار، محمد بن عبد الوهاب (далее — Абд аль-Гафур Аттар, *Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб*).

⁷⁵ محمد عبد الله ماضي، النوضات الحديثة في جزيرة العرب، (далее — Абдаллах Мады, *Ан-нахдат аль-хадиса*).

⁷⁶ عبد الله علي القصيمي، الثورة الوهابية (далее — аль-Касыми, *Ас-саура*).

⁷⁷ أحمد امين، زعماء الاصلاح في العصر الحديث (далее — Ахмед Амин, *Зуама аль-ислах*).

⁷⁸ محمد حامد الفقي، أثر الدعوة الوهابية في الاصلاح الديني (далее — Аль-Факи, *Аср ад-даава аль-ваххабийя*).

⁷⁹ عباس محمود العقاد، الاسلام في القرن العشرين (далее — Аббас Махмуд аль-Аккад, *Аль-ислам*).

⁸⁰ محمد رشيد رضا، الوهابيون والحجاز (далее — Рида, *Аль-ваххабийуна ва-ль-Хиджаз*).

⁸¹ سليمان بن سحمان، كتاب تنبيه ذوى الالباب السليمة عن الوقوع في الانفاذ المبتدعة الوخيمة؛ سليمان بن سحمان، كتاب الضياء الشارق في رد شبهات المازق المارق

щей работы. К таким произведениям относятся «Империялизм в Персидском заливе» Саяля аль-Аккада⁸², «История государства Касири» Мухаммеда ибн Хашима⁸³, посвященная Хадрамауту, и особенно — обширный труд М. Сабри «Египетская империя при Мухаммеде Али»⁸⁴. В нем оставили след не только общеизвестная историческая литература, но и архивные материалы Каира, Лондона, Парижа и Вены.

Западноевропейская и русская литература по истории Аравии отличается в основном описательством, игнорированием социальной стороны событий и поверхностными замечаниями об их политических мотивах. Большинство европейских востоковедов отказываются признавать какое-либо развитие аравийского общества вплоть до XX в.⁸⁵ Европейские авторы, за редким исключением, прошли мимо хроник ваххабитов и восстанавливали историю Аравии XVIII — начала XIX в. по И. Буркхардту и Л. Корансезу. Поэтому история развития ваххабитского движения в Центральной Аравии у них осталась в тени.

Не выделяется из этого ряда и сочинение А. Крымского⁸⁶. Даже известный исследователь Аравии А. Мусил⁸⁷ при составлении краткого исторического очерка лишь упомянул об Ибн Ганнаме и Ибн Бишре. А Г. Филби⁸⁸ предпочитает слепо следовать (практически без комментариев) ваххабитским летописцам и безмерно идеализирует как новую, так и в особенности новейшую историю государства Саудидов. Сопоставлением двух групп источников европейские авторы не занимались.

В качестве подсобного материала большую ценность представляют европейские и другие неарабские истори-

---

⁸² صلاح العقاد، الاستعمار في الخليج الفارسي (далее — Саяля аль-Аккад, Аль-истимар).

⁸³ محمد بن هاشم، حضرموت، تاريخ الدولة الحميرية (далее — Ибн Хашим, Хадрамаут).

⁸⁴ M. Sabry, *L'Empire Egyptien sous Mohamed-Ali et la question d'Orient (1811—1849)*.

⁸⁵ См., например, упомянутую работу Р. Монтаня, где немало места уделено истории Аравии.

⁸⁶ А. Крымский, *История арабов и арабской литературы*, ч. 1—2.

⁸⁷ См.: А. Musil, *Northern Nejd*.

⁸⁸ H. Philby, *Saudi Arabia*.

ческие труды по темам, смежным с собственно историей Саудидов и ваххабизма. Это произведения об Ираке А. Адамова⁸⁹ и С. Лонгригга⁹⁰, о Сирии К. Базили⁹¹, о странах бассейна Персидского залива А. Уилсона⁹² и С. Майлза⁹³, об английской политике в красноморском бассейне М. Абира⁹⁴ и Т. Марстона⁹⁵, о Хиджазе Д. Гори⁹⁶.

Некоторые европейские востоковеды в общих чертах верно воссоздали догматически-богословскую сторону ваххабизма и отметили специфические черты ваххабитского культа. Особенно глубокий анализ ваххабизма в этом плане дал венгерский исламовед И. Гольдциер⁹⁷. Подробное изложение ваххабитской догматики можно найти в статье Марголиуса, опубликованной в «Энциклопедии ислама»⁹⁸. Лучший труд по исламу в ближневосточном обществе XVIII в. написан Г. Гиббом и Г. Боуэном⁹⁹.

Проблема распространения ваххабизма за пределами Аравии изучена мало. Некоторые сведения о ваххабизме в Индии можно почерпнуть у Э. Рехатсека¹⁰⁰ и К. М. Ашрафа¹⁰¹.

В советской литературе первым к теме ваххабизма и истории государства Саудидов обратился М. Томара¹⁰².

---

⁸⁹ А. Адамов, *Ирак арабский, Бассорский вилайет в его прошлом и настоящем*.

⁹⁰ S. H. Longrigg, *Four centuries of modern Iraq*.

⁹¹ К. М. Базили, *Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях*. (Впервые книга была издана в 1862 г.).

⁹² A. J. Wilson, *The Persian gulf. An historical sketch from the earliest times to the beginning of the twentieth century*.

⁹³ S. B. Miles, *The countries and tribes of the Persian gulf*.

⁹⁴ M. Abir, *Relations between the government of India and the sharif of Mecca during the French invasion of Egypte, 1798—1801*, pp. 33—42.

⁹⁵ T. Marston, *Britain's imperial role in the Red sea area (1800—1878)*.

⁹⁶ G. de Gaury, *Rulers of Mecca*.

⁹⁷ I. Goldziher, *Le dogme et la loi de l'Islam*.

⁹⁸ «Encyclopédie de l'Islam», vol. IV, pp. 1144—1148.

⁹⁹ H. Gibb and H. Bowen, *Islamic society and the West*, vol. I, pt 1—2.

¹⁰⁰ E. Rehatsek, *The history of the Wahhabys in Arabia and in India*.

¹⁰¹ К. М. Ашраф, *Представители мусульманского Возрождения и события 1857 г.*

¹⁰² М. Томара, *Истоки ваххабитизма*.

Ему же принадлежит честь постановки вопроса о социальных корнях ваххабизма. Однако выводы его в настоящее время по большей части устарели.

В неопубликованной диссертации З. Н. Степановой¹⁰³ собран богатый материал по истории ваххабитского движения и социальным отношениям в Центральной Аравии. Однако изложен он бессистемно, полон ошибок и неточностей. Со многими оценками З. Н. Степановой, особенно в отношении аравийского общества, нельзя согласиться.

В. Б. Луцкий в «Новой истории арабских стран» несколько глав посвятил Аравии, первому государству Саудидов, ваххабитскому движению.

Ряд работ по Аравии, ее социально-политическому строю, этнографии написан А. И. Першицем. Итоги многолетних исследований он суммировал в превосходной книге «Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX — первой трети XX в.», которая послужила основой при подготовке первой главы настоящей работы. Эта книга насыщена большим количеством систематизированных фактов, взятых у большинства европейских путешественников по Аравии; сделан марксистский анализ аравийского общества. Специальный раздел посвящен первому государству Саудидов (в нем использованы данные И. Буркхардта).

Монография А. И. Першица позволила лучше ориентироваться в группе европейских нарративных источников. Многие выводы А. И. Першица нашли отражение в первой главе. Часть цитат из европейских источников также дана в его переводе. Некоторые положения А. И. Першица, однако, не бесспорны.

М. В. Чураков¹⁰⁴ пересказывает в своей работе «Историю современного Неджда» Амина ар-Рейхани (в которой события вплоть до середины XIX в. описаны по Ибн Бишру), выбирая места, интересные для изучения этнографии и общественных отношений Центральной Аравии.

Работы «Арабы, ислам и арабский халифат в раннее

---

¹⁰³ З. Н. Степанова, *Борьба арабов за объединение Центральной Аравии и образование Саудовского королевства.*

¹⁰⁴ М. В. Чураков, *«Новая история Неджда» Амина ар-Рейхани как источник по этнографии Центральной Аравии.*

средневековые» Е. А. Беляева и «Саудовская Аравия» Н. И. Прошина дают представление о развитии аравийского общества на протяжении столетий и помогают определить место первого государства Саудидов в истории Аравии.

Историю Аравии XVIII—XIX вв. невозможно рассматривать изолированно от положения на Ближнем и Среднем Востоке в целом, особенно в Османской империи. При ее характеристике автор использовал упомянутую работу В. Б. Луцкого и книгу А. Ф. Миллера «Мустафа-паша Байрактар. Оттоманская империя в начале XIX в.».

В заключение нелишне упомянуть *специальные библиографические работы* по Аравии Э. Макроу¹⁰⁵, Г. Хейуорт-Дюна¹⁰⁶ и справочник, изданный в Вашингтоне в 1951 г.¹⁰⁷.

* * *

Когда данная книга уже была готова к набору, удалось познакомиться еще с одним источником по истории ваххабизма и первого государства Саудидов. Это — рукописная хроника «Блеск метеора в житие Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба»¹⁰⁸, которую использовал Д. Марголиус в статье для «Энциклопедии ислама».

Обширная летопись объемом 764 страницы охватывает период аравийской истории примерно с четвертого десятилетия XVIII в. и обрывается внезапно на событиях декабря 1817 г. Автор закончил ее 26 мухаррема 1233 г. х. (17 декабря 1817 г.), упомянув о действиях египтян в Касyme, которые произошли буквально за несколько дней до завершения рукописи.

Есть основания предположить, что автор «Блеска метеора...» был выходцем из Восточной Аравии, возможно, даже из племени бану халид. На эту мысль наводит гораздо более подробное описание военных действий вахха-

---

¹⁰⁵ E. Macro, *Bibliography of the Arabian Peninsula*, University of Miami, 1958.

¹⁰⁶ Gamal-Eddin Heyworth-Dunne, *Bibliography and the reading guide to Arabia*, Cairo. 1952.

¹⁰⁷ «The Arabian Peninsula. A selected annotated list».

¹⁰⁸ Летопись хранится в Британском музее. Ее микрофильм был получен благодаря любезности корреспондента газеты «Правда» в Лондоне О. Л. Орестова.

битов в Восточной Аравии, чем в других областях полуострова. Осаде какого-нибудь города в Хасе автор может уделить десятки страниц, разгрому Кербелы — лишь два десятка строк, несколько больше — взятию Мекки. В летописи сделан гораздо более детальный разбор структуры племени бану халид и его истории, чем описание других племен Аравии, причем к этому племени автор проявляет явные симпатии. Летописец относится к Ибн Абд аль-Ваххабу с уважением, но, ссылаясь на мнение «шейхов из Басры и Зубайра», считает его учение «ересью» (ибтида).

Летопись состоит из ряда неравных разделов: биография Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба и его генеалогическое древо (стр. 6—49); его жизнь в Дерийе (стр. 50—56); его жизнь в Аяйне (стр. 57—65); войны Саудилов в Неджде (стр. 66—97); жизнь Мухаммеда ибн Сауда и его генеалогическое древо (стр. 97—101); организация государства Саудилов (стр. 101—132); племена Аравии (стр. 133—154); война ваххабитов в Восточной Аравии и Омане (стр. 155—225); набеги на Сирию и Ирак (стр. 225—247); война с хиджазцами (стр. 247—264); смерть Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба и Абд аль-Азиза ибн Мухаммеда ибн Сауда (стр. 265—275); завоевание Хиджаза (стр. 275—289); бунт бану халид (стр. 289—290); события в Омане и на Бахрейне (стр. 291—300); египетская экспедиция в Хиджаз и Неджд (стр. 300—341); поход турок в Хасу (стр. 343—368); события в Асире, Тихаме и Йемене (стр. 368—382); разгром англичанами Рас аль-Хаймы (стр. 382—391); заметки о географии Аравии (стр. 391—436); описание структуры племени бану халид (стр. 436—439); власть в племени бану халид (стр. 439—447); описание некоторых других племен Аравии (стр. 447—465); доходы Саудилов (стр. 466—469); численность подвластного ваххабитам населения (стр. 469—470); быт и нравы Саудилов и семейства Ибн Абд аль-Ваххаба (стр. 470—493); занятия, экономическая жизнь, быт и нравы жителей Неджда (стр. 493—520); заметки об учении ваххабитов и изложение некоторых работ Ибн Абд аль-Ваххаба (стр. 520—764).

«Блеск метеора...» представляет собой необработанные черновые наброски, сделанные на основе рассказов участников событий, просто слухов и легенд. Это не мешает хронике иметь ряд несомненных достоинств, кото-

рые по многим разделам ставят ее в один ряд с тремя лучшими арабскими источниками того периода — Ибн Ганнамом, Ибн Бишром и манженовским переложением ваххабитских летописей.

Записи автора «Блеска метеора...» отлично передают дух времени, психологию участников аравийской драмы, живое, непосредственное, не высушенное дальнейшей обработкой восприятие ими событий. Хроника читается с интересом, ибо обогащена напряженными диалогами, красочными сценами, описанием реальных характеров. Созданная человеком, не согласным с учением ваххабитов, но достаточно объективным, она ценна именно своей самостоятельностью, неофициальностью в отличие от трех других, «официозных» аравийских летописей. «Блеск метеора...» содержит дополнительные сведения по ряду проблем, как общих, так и частных: о характере феодальных и племенных отношений в Аравии, о торговле и ремесленном производстве в Неджде, о формах права в кочевых племенах, об организации власти, налогового аппарата, судебной системы, войска в государстве Саудидов.

Материал, приведенный в летописи «Блеск метеора...», помогает уточнить некоторые прежде неясные вопросы, а другие позволяет рассматривать под несколько иным углом. Тем не менее эта хроника как в главном, так и в подавляющем большинстве деталей не только не отвергает данных, почерпнутых на основе критического изучения других источников, но, наоборот, подтверждает их.

Работы Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба, содержащиеся в рукописи, — несомненно, одни из самых старых, дошедших до нашего времени. Две из них — «Книга единобожия» и «Книга раскрытия дозволенных и запрещенных дел в единобожии» — в своих основных положениях совпадают с недавними публикациями. Однако сравнение их между собой обнаруживает, что сочинения Ибн Абд аль-Ваххаба, выпущенные уже в нашем веке, подверглись весьма значительному редактированию и чистке или же публиковались на основе других вариантов этих же работ.

«Блеск метеора...» представляет несомненный интерес и для этнографа благодаря обширному материалу о племенах Аравии того периода, их расселении, численности, структуре и генеалогии, местах перекочевков, об их взаи-

моотношениях друг с другом, нравах, о подразделении на овцеводов и верблюдоводов. Это первый из арабских источников такого рода, который удалось обнаружить для периода XVIII — начала XIX столетия.

Недостатки сделанной вчерне летописи «Блеск метеора...», хотя и не затмевают ее достоинств, тем не менее весьма существенны. Они заключаются прежде всего в сумбурном изложении исторических событий, почти полном отсутствии дат. Те же даты, которые автор сообщает, не выдерживают в большинстве своем перекрестной проверки. Большинство событий, о которых идет речь, действительно имело место, но, как правило, обстоятельства и время их совершения не могут быть приняты. Да и сам летописец заявляет, что он испытывает сомнения в истинности многих исторических фактов, которые ему сообщали.

АРАВИЯ НАКАНУНЕ ВАХХАБИЗМА (Хозяйство. Общество. Политика)

Ваххабизм и первое государство Саудидов возникли в XVIII в. Поэтому изучение аравийского общества того времени может дать ключ к пониманию идеологии ваххабитов, причин возникновения, развития и гибели их государства.

Материалы XVIII столетия рисуют лишь фрагменты картины общественной жизни Аравии¹. В общих чертах восстановить всю картину дает возможность более поздняя информация. Замедленность темпа развития производительных сил позволяет как бы проектировать общественные отношения Аравии XIX в. или даже начала XX в. на более ранние эпохи. Отрывочные данные об аравийском обществе того времени, совпадающие с позднейшими наблюдениями, подтверждают справедливость и правомочность подобного метода.

Жизнь подавляющего большинства населения полуострова была связана с двумя основными видами хозяйственной деятельности — поливным земледелием в оазисах и кочевым скотоводством.

Полливое земледелие. Засушливый субтропический климат на большей части полуострова (особенно в Северной и Центральной Аравии) определяет необходимость искусственного орошения для земледелия. Более или менее обильные подземные воды пробиваются на поверхность лишь в восточных районах Аравии. В большинстве других областей орошение возможно при помощи колодцев, реже использовали собранные дождевые

---

¹ Речь идет прежде всего о центральных и северных районах Аравийского полуострова.

воды. Источники воды, по несколько вместе или по одному, иногда отстоят друг от друга на десятки и даже сотни километров. Поэтому островки оазисного земледелия вкраплены в бесконечное море пустынь, полупустынь и засушливых степей. Лишь в Неджде и Хасе можно наблюдать сравнительно большую концентрацию оазисов.

Создание колодцев, основы для полива на большей части полуострова, требовало значительного труда и средств. Уже одно это, естественно, ограничивало площадь орошаемого земледелия и объем сельскохозяйственного производства. Воду получали чаще всего при помощи специальных примитивных водоподъемных механизмов, приводимых в движение верблюдами, а также мулами и осликами. Из обычного колодца глубиной около 10 м при помощи водоподъемника орошали примерно две пятых гектара земли².

Главной сельскохозяйственной культурой северных и центральных областей Аравии была финиковая пальма. Ее плоды употреблялись в пищу в самом разнообразном виде и были единственным жизненно-важным сельскохозяйственным продуктом, который в благоприятные годы как-то удовлетворял потребности оседлого и кочевого населения и не ввозился в Аравию из других стран. Финиковая пальма требовала постоянного тщательного ухода и начинала плодоносить в полную силу лишь через 15 лет после посадки³. Цикл ее воспроизводства таким образом необычайно растянут.

Зерновые культуры — овес, ячмень, пшеница, просо — занимали второе после фиников место в сельскохозяйственном производстве и выращивались в значительных масштабах в оазисах Неджда, Хасе, Джауфе. Известно, что из Неджда в отдельные годы вывозили некоторое количество зерновых в Хиджаз. Кое-где выращивали рис и хлопок. Там, где был избыток воды, производили овощи и фрукты. Своими огородными и садовыми культурами славился Таиф.

На поливных участках получали относительно высокие урожаи плодов и зерновых, но общий объем продукции был незначительным из-за ограниченной земельной площади, недостатка удобрений, примитивной агро-

---

² Ch. Doughty, *Travels in Arabia Deserta*, vol. 2, p. 355.

³ А. И. Першиц, *Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии...*, стр. 19.

техники. Постоянные засухи, о катастрофических последствиях которых сообщают и арабийские летописцы и европейские путешественники, означали невозможность гарантировать устойчивые урожаи даже на поливных участках. В случае продолжительной засухи некоторые колодцы пересыхали полностью. Тогда гибли посевы, сокращалась площадь обрабатываемых земель, дичали и высыхали даже финиковые пальмы, жители голодали, массами покидали насиженные места. Когда вновь выпадали дожди и колодцы и водоемы наполнялись водой, крестьяне возобновляли посевы, начинали ухаживать за уцелевшими финиковыми пальмами. Но некоторые оазисы навсегда исчезали, поглощенные пустыней.

Не только засухи, но и редкие проливные дожди временами становились врагами земледельцев. Случалось, что мощные сели сносили верхний слой почвы с полей вместе с посевами, разрушали жилища, уничтожали плоды многолетнего труда. Часто саранча пожирала все растущее и оставляла людей без средств к существованию даже в годы с обильными осадками.

Повальные болезни (холера, чума и др.), против которых арабы были бессильны, во время эпидемии косили их, как траву, опустошая целые селения.

Продукты питания у населения оазисов зачастую кончались до нового урожая. Большинство земледельцев жили впроголодь, питаясь одними финиками, которых не всегда хватало. Жители Табука, например, весной утоляли голод почти исключительно дикорастущими травами, «съедаемыми сырыми или сваренными в воде без чего либо более существенного в добавление»⁴.

Крайне отсталая, примитивная агротехника, враждебные земледельцу природные факторы (речь пока не идет о социальных) приводили к исключительно замедленному развитию производительных сил и подрывали возможности регулярного расширенного воспроизводства. В оазисах развитие производительных сил шло, но оно нередко прерывалось даже попятным движением.

Характер производства в оазисах требовал совместной деятельности лишь небольшими группами и дробления хозяйственных усилий. Крупных ирригационных сооружений и больших массивов обрабатываемых поливных

---

⁴ G. A. Wallin, *Notes...*, p. 25.

земель, которые навязывали бы централизованную организацию общества, в Аравии не было. Разобщенность оазисов, их слабые взаимные связи не делали необходимым объединение их под централизованным руководством.

Кочевое и полукочевое скотоводство. Скотоводческое хозяйство аравийских кочевников разделялось на два типа.

«Настоящими» бедуинами считались кочевники, которые по преимуществу или исключительно занимались разведением верблюдов. Верблюд — это «едва ли не самое универсальное из всех домашних животных»⁵. Его молоко, свежее или кислое, сыр и масло шли в пищу, зачастую долгие недели молоко и молочные продукты были единственным блюдом бедуина. В особых случаях животное закалывали и ели его мясо и жир. Из шерсти верблюда изготавливали ткани, шкура использовалась для различных кожаных поделок, навоз — на топливо, моча — для мытья и медицинских целей. Необычайно неприхотливый, выносливый верблюд служил незаменимым транспортным средством при переходе через безводные пустыни. «Верблюд для пустыни столь важное животное, что если бы он исчез, то вместе с ним исчезло бы все ее население»⁶, — справедливо замечает К. Вольней.

Тем не менее широко известное изречение австрийского востоковеда А. Шпренгера: «Бедуин — паразит верблюда» — не более чем острота. Труд кочевников-верблюдоводов был тяжелым и требовал определенных навыков. Они должны были хорошо знать и уметь использовать пастбища, перегонять верблюдов, лечить их, доить верблюдиц, стричь шерсть. Молодняк приучали выполнять различную работу, ходить под седлом или вьюком. Бедуины рыли и поддерживали в пустыне колодцы. Протяженность перекочевков верблюдоводов достигала тысячи километров, и в пути бедуины изнывали от жары или терпели муки холода.

Жизнь кочевника была полна лишений. В редкие суровые снежные зимы молодняк погибал, скот голодал, верблюдицы переставали давать молоко. Те же лишения и опасности подстерегали бедуина сухим летом. К тому

⁵ А. И. Першиц, *Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии...*, стр. 28.

⁶ C.-F. Volney, *Voyage en Syrie et en Egypte...*, p. 203.

времени даже скудные запасы фиников и зерна кончались и малоимущие бедуины питались съедобными корнями и плодами, многие гибли от недоедания. Около летних стоянок бедуинов обычно расположены кладбища⁷.

Знаменитые арабские лошади — предмет гордости владельцев и зависти неимущих — использовались лишь для военных целей и парадных выездов. В долгих перекочевках для лошади всегда везли запас воды или поили ее верблюжьим молоком. Небогатый бедуин отрывал воду и молоко от своей семьи, чтобы поддержать это благородное животное.

Тех скотоводов, кто преимущественно или исключительно занимался разведением овец и коз, чаще всего называли шавия. Возможности перехода по безводной местности у них были ограничены, поэтому они кочевали лишь на расстоянии нескольких сот километров; близ пастбищ обязательно должны были находиться источники воды.

Сравнительно небольшие расстояния перекочевки в местах с постоянными водными источниками позволяли овцеводам заниматься земледелием. Они прерывали кочевание в месяцы земледельческих работ, чтобы ухаживать за рощами финиковых пальм или за полями зерновых. Для части овцеводов земледельческий труд становился главным.

Описание такого рода сочетания земледельческого и кочевого скотоводческого хозяйства в Северном Недже можно найти у Г. Валлина: «Вследствие тесных и близких уз, связывающих два подразделения шаммаров, мы находим, что сельчане в определенной степени еще цепляются за обычаи и нравы кочевой жизни, в то время как бедуины, с другой стороны, обращаются к занятиям, которые обычно считаются для них не подходящими. Большое число первых весной кочует со своими лошадьми и стадами овец в пустыне, где они некоторое время живут в шатрах, как номады, а многие бедуинские семьи владеют рощами пальм и полями зерновых... которые они обрабатывают сами»⁸. И. Буркхардт сообщает, что одно из подразделений хиджазского племени харб «владеет

---

⁷ R. Montagne, *La civilisation du désert...*, p. 45.

⁸ G. A. Wallin, *Narrative...*, p. 198.

несколькими водопоями, расположенными в плодородной местности, где они сеют рожь и ячмень. Но они живут в шатрах и большую часть года проводят в пустыне»⁹.

Между кочевниками-верблюдоводами, полукочевниками-овцеводами и оседлыми четких граней в смысле хозяйственной деятельности, как правило, не было. Многие бедуины-верблюдоводы начинали заниматься разведением овец; часть кочевников оседала на землю. Одновременно происходил встречный процесс номадизации. Скользящее равновесие между кочевниками и оседлыми определялось природно-историческими условиями Аравии и не могло выйти за определенные рамки. Избыточное кочевое население исторически мигрировало на север. Если оно оседало там, то по большей части навсегда порывало со своим бедуинским прошлым. Недаром говорили, что «Ирак — могила арабских племен»¹⁰. В известной степени это относилось и к Сирии. Поэтому в пределах самой Аравии оседание и номадизация уравнивали друг друга.

Деление на бедуинов-верблюдоводов и полукочевников-овцеводов иногда совпадало с делением на племена. В других случаях часть одного племени занималась верблюдоводством, другая часть — разведением овец и коз, а третья — оседлым земледелием.

Кочевое хозяйство в еще большей степени, чем оседлое, зависело от выпадения осадков. При обильных дождях степи и пустыни покрывались сочной травой; стада тучнели, кочевники процветали. Засуха приводила к массовому падежу скота, голоду и вымиранию бедуинов. Возможности расширенного воспроизводства, получения прибавочного продукта были здесь еще меньшими, чем в оазисе.

Ремесло и торговля. Домашнее ремесло оседлых крестьян служило удовлетворению их весьма ограниченных потребностей. Из пальмовых листьев плели корзины, мешки, циновки, из пальмового волокна — веревки и упряжь; стволы деревьев шли для изготовления различного сельскохозяйственного инвентаря, применялись также при строительстве жилищ. Производили примитивные

---

⁹ J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, p. 32.

¹⁰ H. Philby, *The heart of Arabia*, vol. 2, p. 97.

гончарные изделия, шерстяные и хлопчатобумажные ткани.

В то же время значительная часть продукции менее развитого ремесленного производства бедуинов (грубые шерстяные ткани, кожаные изделия) не оставалась в кочевье, а попадала на рынок.

В крупных оазисах получило некоторое развитие профессиональное ремесло. Среди ремесленников (так называемых суннаа) существовала специализация. Среди них были оружейники, кузнецы, медники, лудильщики, ювелиры, столяры и плотники, мастера по различным деревянным поделкам, строители, штукатуры, специалисты по изготовлению колес для водоподъемных сооружений, сапожники, швеи и златошвеи, портные, изготовители мраморных ступок для кофе, плетельщики циновок¹¹. Наиболее многочисленную прослойку ремесленников составляли металлисты и оружейники. В узком смысле именно их называли суннаа. Оружейники, впрочем, больше чинили привозное оружие, чем делали его сами. Сложилась известная специализация производства по отдельным районам, но ее контуры до XVIII в. определить трудно. Известно, например, что в «Неджеде производили хлопчатобумажные ткани, которые служили для изготовления одежды жителей и для обмена с племенами на шерсть и скот»¹². В некоторых районах получило развитие изготовление шерстяных тканей, пошив из них плащей аба (ими особенно славилась Хаса), полотнищ для шатров.

Каких-либо крупных мастерских в Аравии не встречалось. Лишь в редких случаях ремесленники создавали цеховые организации.

Часть ремесленников, также называемых суннаа, кочевала вместе с бедуинскими племенами. Они подковывали лошадей, чинили оружие или утварь, некоторые из них лечили скот. Кочевые ремесленники занимались и скотоводством.

В Аравии трудно было найти город в прямом смысле слова, где для большинства его жителей сельское хозяйство не было бы главным источником существования¹³. (Мекка представляла собой яркое исключение).

¹¹ Ch. Doughty, *Travels in Arabia Deserta*, vol. 2, pp. 6, 401.

¹² F. Mengin, *Histoire de l'Égypte...*, vol. 2, p. 175.

¹³ О городах см. подробнее: А. И. Першиц, *Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии...*, стр. 47—66.

Понятия «город» и «крупный оазис» в Аравии в большинстве случаев совпадали. Столицу будущего государства Саудидов — Дерийю образовали несколько деревень, слившихся воедино.

Ремесло не определяло хозяйственной жизни аравийских городов-оазисов. Их важная роль в аравийском обществе была связана с интенсивным торговым обменом, вызванным глубоким разделением труда между земледельцами и кочевниками-скотоводами.

У кочевников хозяйство носило гораздо менее самообеспечивающий характер, чем у земледельцев. Хотя некоторые бедуины были вынуждены питаться большую часть времени верблюжьим молоком, в своей массе они не могли обойтись без продуктов земледелия — фиников и зерна; они нуждались также в предметах ремесленного изготовления. И. Буркхардт так определяет расходы богатого кочевника: 4 верблюжьих ноши пшеницы — 200 пиастров, ячмень для кобылы — 100 пиастров, одежда — 200 пиастров, кофе, табак, сладости, баранина — 200 пиастров. В сумме все это было равно 35—40 ф. ст.¹⁴. Отсутствие в этом списке фиников, видимо, вызвано тем, что состоятельные бедуины могли их получать не путем товарного обмена, а другим способом¹⁵. Рядовые бедуины, очевидно, приобретали многие из перечисленных И. Буркхардтом товаров, хотя и в гораздо меньшем количестве.

Летом бедуины стекались к крупным оазисам и торговым центрам. Они привозили скот, шерсть, масло, сыр для обмена на финики, зерно, ткани, циновки, подковы, оружие, порох и пули, медикаменты, кофе, табак. Часть торговли совершалась путем натурального обмена. Однако постоянное упоминание аравийскими летописцами цен в денежном выражении на самые различные товары свидетельствует о развитом денежном обращении в Аравии той эпохи. Летнее движение кочевников к торговым центрам, называемое мусабила, и для них и для оседлых считалось «величайшим делом года»¹⁶. Именно на летние ярмарки падала основная часть товарообмена между кочевниками и оседлыми.

Бедуины торговали не только в близлежащих оази-

¹⁴ J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 1, p. 70.

¹⁵ Об этом речь пойдет ниже.

¹⁶ R. Montagne, *La civilisation du désert...*, p. 45.

сах. Диапазон их торговых связей был несравненно шире и выходил за пределы полуострова. Верблюды в те годы являлись основной «статьей» аравийского экспорта и пользовались большим спросом. Эти животные служили транспортным средством не только для Аравии, но и для других стран Ближнего и Среднего Востока. Из Аравии вывозили также шерсть, масло, шкуры, породистых лошадей. Внешняя торговля в еще большей мере, чем внутренняя, способствовала развитию товарно-денежных отношений на полуострове.

В Северную и Центральную Аравию, особенно в Хиджаз, поступали египетский и индийский рис, египетские и йеменские пшеница и ячмень. Ввозили также кофе из Йемена, пряности из Индии, сухофрукты из Сирии, сахар из Египта. Большая часть оружия, приобретенного аравийскими жителями, не производилась в Аравии. Так же обстояло дело с железом, медью, свинцом для пуль и серой для изготовления пороха¹⁷. Конкуренция развитых ремесленных центров Ближнего и Среднего Востока препятствовала прогрессу местного, аравийского ремесла.

Аравийские бедуины поставляли скот и погонщиков для торговых перевозок в Аравии и участвовали в составлении караванов за ее пределами. В Северной Аравии имелись объединения верблюдопотогонщиков и погонщиков верблюдов, которые причисляли себя к племени укайл. Они осели в различных частях Неджда, жили также в Ираке. В конце XVIII в. только они имели право составлять, вести и охранять караваны, шедшие через сирийскую пустыню¹⁸.

Аравийские торговцы наживали крупные состояния. Правда, купеческим домам Неджда было далеко до хиджазских оптовиков. В Джидде капиталы торговцев кофе и индийскими товарами достигали десятков, а то и сотен тысяч фунтов стерлингов. Но и купцы Центральной Аравии на вывозе верблюдов и лошадей и ввозе продовольствия и ремесленных изделий получали солидные барыши.

---

¹⁷ G. A. Wallin, *Narrative...*, p. 125; Ch. Doughty, *Travels in Arabia Deserta*, vol. 1, p. 153; C. Niebuhr, *Voyage...*, vol. 1, p. 247; J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 1, pp. 42—46, 191, 245—246; F. Mengin, *Histoire de l'Égypte...*, vol. 2, p. 174.

¹⁸ А. И. Першиц, *Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии...*, стр. 57.

Исключительное значение для Аравии в целом, а особенно для Хиджаза, имело ежегодное паломничество мусульман в Мекку и Медину. Главные караванные пути паломников шли через Северный Хиджаз из Египта и Сирии; через северные районы Неджда (с отклонением на север или на юг в разные годы) пролегал путь иранско-иракского хаджа, хотя он и уступал первым двум по значению. Четвертый путь шел от портов Персидского залива и из Омана через Центральный Неджд в Хиджаз, пятый — из Йемена в Мекку. Хадж сочетался с торговлей, и паломники во множестве везли разнообразные товары. Перевозка паломников обеспечивала многим бедуинам средства к существованию.

Элементы патриархально-родовых отношений в оазисах. Большая часть оседлых жителей Аравии относилась к тем или иным родовым группам, считалась выходцами из определенного племени¹⁹. Оседлые и кочевые соплеменники поддерживали тесные связи, которые сохранялись на протяжении многих поколений. Иногда в одних и тех же оазисах выходцы из разных племен жили в отдельных кварталах, сохраняя свою организацию, известную замкнутость, и были политически независимы.

Потомственные феллахи и горожане относили себя к древним племенам.

Несколько больших и малых семей составляли объединение, называвшееся хамуля или джамаа. «Джамаа, — пишет Ч. Доути, — это естественный союз хозяйств, члены которых состоят в близком родстве и считаются имеющими одного и того же джадда, т. е. праотца. Они объединены под властью одного старейшины, главы всего дома, наследующего власть родоначальника. Только в этих родственных союзах и подразделениях возможны корпоративная жизнь и безопасность в безвластной, опустошенной стране. Присоединившиеся чужаки считаются союзниками своих друзей. Вольноотпущенники становятся клиентами господствующего дома... Все они „племянники“ данной джамаа... Джамаа в оазисах — братства, члены которых населяют несколько кварталов. Когда ссорятся горожане из разных братств, их старейшины стараются помирить их, хотя в больших самоуправляющихся оазисах, подобных Анайзе, горожа-

---

¹⁹ G. A. Wallin, *Notes...*, p. 9.

не несут свои споры заседающему в маджлисе эмиру... Пока ваххабитская власть не установила гражданского благоденствия, жители большинства поселений внутренней Аравии постоянно враждовали — джамаа против джамаа, сук (базар. — А. В.) против сука»²⁰. Человеку, жившему вне такого объединения, безродному одиночке, приходилось тяжело, за его спиной не стоял коллектив, обязанный защитить его против невзгод.

Особенно крепкими родственными связями отличались эмирские и шейхские семьи. Это придавало им больший вес и влияние. Их также часто объединяла общая собственность на землю и получаемые доходы.

Несмотря на декларативную принадлежность к тому или иному племени, «оседлое население, за исключением той его части, которая совсем недавно перешла к оседлости и еще не полностью порвала прежние связи, совершенно не знало родо-племенной организации... Реально сохранялись лишь большая семья и сравнительно небольшая группа родственников, представлявшая собой ту пережиточно-родовую ячейку, которая в нашей этнографической литературе часто называется патронимией»²¹. Большая семья сообща владела земельной и иной собственностью, вела нераздельное хозяйство под началом отца. После смерти отца происходил раздел имущества. Преимущественные права на наследство имел старший сын.

В некоторых районах Аравии сохранялись различные формы коллективной собственности на землю отдельных родов. Там, где орошение производилось из крупных водных источников, сельские жители совместно владели и пользовались водой. Иногда в общинной собственности оседлых были пастбища. Если жители оазисов не имели собственных пастбищ, они вынуждены были выпасать свой скот на землях, принадлежавших кочевым племенам²².

Обычаи патриархально-родовой взаимопомощи в некоторой степени существовали в среде оседлого населения. Земледельцы коллективно содержали пастухов и

²⁰ Ch. Doughty, *Travels in Arabia Deserta*, vol. 1, pp. 479—480.

²¹ А. И. Першиц, *Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии...*, стр. 89.

²² G. A. Wallin, *Narrative...*, p. 140; A. Jaussen, *Coutumes des Arabs...*, pp. 236—238.

сторожей своего скота. Обычай гостеприимства еще сохранялись, хотя особым «хлебосольством» оседлые не славилась. Держались традиции соседской взаимопомощи. Жители оазисов проявляли заботу о неимущих: собственники полей не убирали упавшие колосья, которые доставались беднякам. Иногда беднякам оставляли нежатый участок поля или несколько пальм с плодами²³. Однако не эти патриархально-родовые пережитки определяли социальные отношения в оазисах.

Классовое деление в оазисах. В земледельческом обществе Аравии XVIII в. основой классовых отношений было сосредоточение земли и власти в руках аристократического меньшинства. В результате длительного и сложного процесса земля попадала во владение знати, частью бедуинской, но также и давно осевшей в оазисах. Правитель оазиса Аяйна, например, в первой половине XVIII в. имел собственность в Хасе и получал с нее доходы²⁴.

Как сообщает У. Пэлгрев спустя примерно век, земля «редко находилась в руках крупных землевладельцев, подобных индийским земиндарам и крупным английским фермерам»²⁵. Поэтому можно считать, что и в рассматриваемый период в Центральной Аравии преобладало мелкое и среднее землевладение феодального типа. Исключение составляли владения крупнейших эмирских семей.

Обрабатываемой землей в оазисах сообща владели и бедуинские племена²⁶.

Мелкие земледельцы, опутанные долгами, часто теряли собственность на землю, которая переходила к богатым ростовщикам и купцам. «Они и их доля земли, — пишет Ч. Доути о крестьянах, — пожираются (едва ли меньше, чем в Египте и Сирии) богатыми заимодавцами, в течение долгого времени опутывающими их кабальными ростовщическими долгами»²⁷.

Землевладельцы сдавали крестьянам участки в арен-

---

²³ А. И. Першиц, *Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии...*, стр. 95—96.

²⁴ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 11; F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, p. 450.

²⁵ W. G. Palgrave, *Narrative...*, vol. 1, pp. 315, 461.

²⁶ A. Jausen, *Coutumes des Arabes...*, p. 238.

²⁷ Ch. Doughty, *Travels in Arabia Deserta*, vol. 2, pp. 355, 388.

ду на различных условиях. Основным путем получения обычной феодальной ренты была натуральная издольщина. Размеры ренты определялись обычаем.

Собственность на воду имела не меньшее значение, чем собственность на землю. Поэтому захват в частное владение больших и малых источников воды позволял состоятельным людям «торговать» водой и тем самым с каждого орошенного клочка земли собирать своего рода феодальную ренту.

У многих крестьян не было рабочего скота, и они не могли самостоятельно пользоваться общественными колодцами или источниками, обрабатывать собственные участки. Они арендовали скот, за что также выплачивали в той или иной форме ренту.

Знати, державшей в руках политическую власть, большие доходы приносили различные поборы, налагаемые на население. Известно, что в середине XVIII в. дерийский эмир собирал с местных жителей какой-то налог²⁸. «Пошлины» на проходящие торговые караваны также обогащали аристократию. Более или менее сильные оседлые феодалы могли существенно пополнить свою казну во время удачных военных набегов (газу) на соседние кочевые или полукочевые племена. Для многих феодалов газу становился основным занятием и главным источником дохода.

Способы обогащения правящей аристократии оазисов можно видеть на примере Мекки. Наибольшие доходы мекканскому шерифу приносили таможенные сборы в Джидде. Личное участие в прибыльной торговле, которая шла через этот город, также обеспечивало огромные барыши. Шериф владел торговыми судами, продавал продовольствие паломникам. Он облагал тяжелыми подушными поборами персидских хаджи и получал обязательные подношения от богатых паломников-суннитов. Ему доставалась также часть денег, посылаемых из Стамбула в Мекку в качестве дара султана жителям священного города. В казну шерифа стекались доходы от земельной собственности в Таифе и других оазисах, а также от недвижимой собственности в виде домов. По мнению И. Буркхардта, ежегодный доход мекканского

---

²⁸ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 12.

шерифа достигал 350 тыс. ф. ст.²⁹. Конечно, правитель Мекки находился в Аравии на особом положении, но и другие, менее счастливые эмиры имели некоторые из перечисленных статей дохода, хотя и в меньшем объеме.

В Аравии не получили развития формы прямого прикрепления арабского крестьянина к земле. К. Нибур отмечает: «Крестьянин, недовольный своим сеньором, волен его покинуть и поселиться в другом месте»³⁰. Но тем не менее кое-какая зависимость крестьян от феодальных правителей существовала. Невозможность обойтись без покровительства могущественного человека или клана в условиях отсутствия личной безопасности приводила к возникновению элементов личной зависимости арабского крестьянина от феодала, хотя формы этой зависимости были отнюдь не одинаковыми и очень слабыми.

Патриархально-родовые отношения внутри кочевых племен. Родо-племенная организация кочевников состояла из нескольких звеньев. В разных племенах число этих звеньев не совпадало, но общие черты структуры сохранялись.

Низшей ячейкой племени была семья. Иногда группа из трех-четырех семей, связанных между собой узами близкого кровного родства, владела «более или менее нераздельным имуществом»³¹. Но эти явления встречались редко. Сами потребности кочевого хозяйства, уход за скотом и его выпас не делали необходимым объединение больших коллективов людей для совместного труда.

Несколько семей близких или дальних родственников, помнивших или знавших общего предка, составляли небольшую родовую группу.

Широкая родовая группа охватывала семьи, объединенные отдаленной степенью родства. Самое распространенное ее название — ашира. Ее члены были связаны строгими обязательствами и правами взаимопомощи и взаимответственности. Во главе аширы стоял старейшина — шейх, в отдельных случаях вэеначальник — акыд. Род также имел знатока и толкователя обычного права. У каждой аширы были собственное имя, тамга, военный

---

²⁹ J. L. Burckhardt, *Travels in Arabia*, vol. 1, pp. 40—41, 91, 436—438.

³⁰ C. Niebuhr, *Voyage...*, vol. 2, pp. 176 et 19—20.

³¹ R. Montagne, *La civilisation du désert...*, p. 52.

клич, иногда родовое кладбище. Род мог принимать в свой состав и чужаков. Далее шло подплемя — группа родов, связанных вымышленными генеалогическими или фактическими родственными отношениями, а также политическим или военным союзом.

Следующей ступенькой общественной структуры кочевников было племя, которое чаще всего называлось кабила. Оно имело свою территорию, некоторые диалектальные особенности в языке, специфические черты быта, культуры, верований, свою тамгу и военный клич. Соплеменники считали себя родственниками, происходящими от одного предка. Во главе племени стоял шейх, имелись также акыд и несколько знатоков обычного права.

Группировки племен формировались по этническому (родственному) признаку, но также и по политическим соображениям. Отношения между родственными племенами регулировались особыми нормами обычного права³².

Внутри кочевых племен сохранились реальные явления, свойственные патриархально-родовому обществу. К ним прежде всего относится коллективная собственность племен на пастбищные территории (дира). Границы земель, принадлежащих племени, были строго определены. «Каждое из таких племен присваивает себе какую-либо территорию, которая образует его владение, — пишет К. Вольней. — В этом отношении отличаются они от земледельческих народов тем только, что их земли должны быть гораздо более обширными, чтобы на весь год обеспечить кормом их стада. Каждое из этих племен образует один или несколько лагерей, разбросанных по местности. Они постепенно меняют места стоянок на этой территории, по мере того как стада поедают весь корм вокруг лагерей»³³. Эта информация подтверждается позднейшими путешественниками.

Значительная часть степных колодцев и водоемов также принадлежала бедуинским племенам. «Большинство колодцев в глубине пустыни и особенно в Неджде, — со-

---

³² Эти данные суммированы А. И. Першицем на основе материалов И. Буркхардта, Ч. Довти, Ш. Юбера, А. Жоссана, А. Мусила, Р. Монтаня, А. Бушмана, Г. Филби и некоторых других исследователей (А. И. Першиц, *Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии...*, стр. 69—72).

³³ C.-F. Volney, *Voyage en Syrie et en Egypte...*, p. 205.

общает И. Буркхардт, — является исключительной собственностью какого-либо племени или отдельных лиц, предки которых выкопали колодец... Когда в пустыне иссякнут дождевые воды, племя разбивает шатры подле собственного колодца; никаким другим бедуинам не позволяют поить здесь своих верблюдов»³⁴.

Родо-племенные подразделения могли быть коллективными собственниками обрабатываемых земель в оазисах³⁵. Бедуины сдавали их в аренду африканским вольноотпущенникам или арабским феллахам, забирали причитающуюся им долю урожая и распределяли ее среди отдельных семей³⁶.

В общественной собственности племен находилась большая часть жеребцов-производителей, но кобылы всегда считались частной собственностью³⁷.

Есть глухие сообщения об общественных стадах верблюдов у отдельных племен.

В среде кочевников существовали многие элементы патриархально-родовой взаимопомощи в хозяйственных делах, например при стрижке овец. Помочи сопровождались угощением. Сородичи также оказывали помощь друг другу во время семейных событий — свадьбы, обрезания.

Бедуины славилась широким гостеприимством. Пренебрежение его обычаями считалось страшным позором. «Если чужестранец или даже неприятель прикоснется к палатке бедуина, то его личность становится, так сказать, неприкосновенной, — сообщает К. Вольней. — Было бы подлостью, несмываемым позором даже удовлетворить справедливую месть в ущерб гостеприимству. Если бедуин согласился разделить с гостем хлеб и соль, ничто в мире не может заставить его предать гостя»³⁸. Но так как вовсе не каждый в течение длительного времени мог содержать гостя, то его выручали сородичи. Они также приходили на помощь, если гость лишался какой-либо части или всего имущества и хозяин был обязан полностью возместить потерю.

---

³⁴ J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 1, pp. 228—229.

³⁵ Ch. Huber, *Journal d'un voyage en Arabie (1883—1884)*, pp. 671, 674.

³⁶ H. Philby, *The heart of Arabia*, vol. 2, p. 13.

³⁷ А. Г. Щербатов и С. А. Строганов, *Книга об арабской жизни*, стр. 8.

³⁸ C.-F. Volney, *Voyage en Syrie et en Egypte...*, pp. 211—212.

Огромное значение имела материальная помощь сородичей при падеже скота в результате засух и болезней, потери имущества после грабительских набегов. Утраченную собственность возмещали скотом, деньгами, утварью или лагерным снаряжением. Попавшим в беду отдельным семьям помогали сородичи, а родовым объединениям — соплеменники или союзные племена. Как пишет Ч. Доути, кто бы ни был ограблен, это считалось «общей бедой всего племени. Никто из лишившихся скота не должен оставаться неимущим, и правящий шейх обязывает всех соплеменников в течение одного-двух дней возместить пострадавшим весь утраченный ими скот»³⁹.

Стоит заметить, однако, что даже при крепких узах родо-племенной солидарности покрыть убытки было чаще всего невозможно. Так, если племя лишалось значительной части скота после тяжелого военного разгрома, то обычай возмещения потерь практически переставал действовать. Бедняки в таких случаях были обречены на голодную смерть. То же самое происходило при страшных засухах или повальных болезнях. Теряли при этом в той или иной мере все члены племени, и часто они уже просто не могли помочь особо пострадавшим. Обычай возмещения потерь не был фикцией, но его ограничивали определенные рамки.

Отношения между различными родо-племенными подразделениями регулировались прежде всего с помощью важнейшего института обычного права — кровной мести (сар)⁴⁰. «Интересы общей безопасности издавна ввели у арабов закон, который требует, чтобы кровь любого убитого была отомщена кровью убийцы, — пишет К. Вольней. — Это называется у них сар, или отплата: она возлагается на ближайшего родственника убитого. Честь его перед всеми арабами настолько задета, что если он пренебрежет своей обязанностью мести, то навеки будет обесчещен. Вследствие этого он выжидает удобный случай, чтобы отомстить. И если его враг умирает от какой-либо другой причины, то он не считает себя ни в какой мере удовлетворенным и его месть переходит на ближайшего родственника убийцы. Эта ненависть передается по

---

³⁹ Ch. Doucety, *Travels in Arabia Deserta*, vol. 1, p. 344.

⁴⁰ См.: C. Niebuhr, *Voyage...*, vol. 2, pp. 210—217.

наследству от отца к детям и прекращается лишь с исчезновением одного из родов, если только семьи не договорятся пожертвовать виновным или заплатить выкуп за кровь деньгами или скотом»⁴¹.

Среди бедуинов обычай кровной мести охватывал, как правило, родственников до пятой степени родства. Часто вся группа сородичей, на которую распространялась кровная месть, покидала свое племя и искала пристанища и защиты у могущественного шейха чужого племени. Затем она пыталась договориться об уплате выкупа. Если убитый не принадлежал к аристократии, то его родственники соглашались на выкуп. В разных районах и племенах размеры выкупа были различны, но значительны. В выплате участвовали все родственники убийцы. Шейхская же верхушка за смерть сородича требовала уплаты кровью⁴².

Сородичи помогали выкупить из плена членов своего рода⁴³.

Состоятельные бедуины в случае нужды помогали беднейшим. Они же постоянно делали своим менее обеспеченным сородичам подарки продуктами, тканями, скотом, устраивали угощения. Таким образом они завоевывали себе популярность. Прослыть скупым было позором для представителя знати. Зато щедрость причислялась к самым высоким добродетелям⁴⁴.

Бедуины не знали никаких регулярных налогов. «Платить налог — это всегда унижение»⁴⁵, — считали они. Отсутствие налогов внутри племени — важнейшее доказательство реальности патриархально-родовых отношений.

Тем не менее даже самый доброжелательный наблюдатель обнаруживает в бедуинском племени явления, очень далекие от этой патриархально-родовой идиллии.

Элементы неравенства внутри кочевых племен. В конце 1784 г. К. Вольней посетил шейха племени, кочевавшего в районе Газы. Сравнение благосостояния это-

---

⁴¹ C.-F. Volney. *Voyage en Syrie et en Egypte...*, pp. 205—206.

⁴² А. И. Першиц, *Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии...*, стр. 77—79.

⁴³ J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 1, pp. 167—176.

⁴⁴ A. Musil, *The manners and customs...*, pp. 452—453, 471.

⁴⁵ R. Montagne, *La civilisation du désert...*, p. 66.

го представителя аристократии, хотя и небогатого по европейским масштабам, с достатком рядового кочевника говорит о многом.

Шейх «почитался самым могущественным во всем округе, мне же показалось, что его расходы не превышали расходов богатого откупщика. Его движимое имущество, состоявшее из одежды, коров, оружия, лошадей и верблюдов, можно оценить не более чем в 50 тыс. ливров. Следует заметить, что сюда входят четыре чистокровные кобылы стоимостью 6 тыс. ливров и каждый верблюд по 10 луидоров. Поэтому, если речь идет о бедуинах, не следует применять наши обычные понятия к словам „государь“ или „сеньор“. Вернее будет их сравнить с состоятельными откупщиками из горных районов, на которых они похожи в простоте одежды, а также в домашней жизни и нравах. Шейх, который командует отрядом из 50 конников, не гнушается оседлывать и взнуздывать свою лошадь, дает ей ячменя и рубленной соломы. В палатке жена готовит кофе, замешивает сама тесто и варит мясо. Дочери и родственницы стирают белье и, закрыв лицо, ходят с кувшином на голове черпать воду из водоема. Это выглядит в точности так, как описано Гомером или „Книгой Бытия“ в истории Авраама. Однако нужно признать, что все это трудно представить себе, пока не увидишь собственными глазами.

Простота или, если хотите, бедность бедуинов соразмерны условиям жизни их вождей. Вся собственность семьи состоит в имуществе, перечень которого я даю почти полностью: несколько верблюдов и верблюдиц, коз, несколько кур (домашняя птица могла быть получена кочевниками в виде дани с оседлых. — А. В.), кобылица со сбруей, палатка, копье длиной 13 футов, кривая сабля, ржавое ружье, трубка, переносная мельница, котел, кожаное ведро, сковородка для обжаривания кофе, циновка, кое-какая одежда, плащ из черной шерсти, наконец, вместо всех драгоценностей — несколько стеклянных или серебряных колец, которые женщина носит на ногах или на руках. Если все это есть, то семья богата. То, чего нет у бедняка, и то, что он больше всего желает, — это кобыла»⁴⁶.

---

⁴⁶ C.-F. Volney, *Voyage en Syrie et en Egypte...*, pp. 208—209.

Хотя К. Вольней и подчеркивает простоту жизни бедуинского шейха, но отличие имущественного положения шейха даже от бедуина, имеющего лошадь, чрезвычайно велико. Бедный же кочевник жил несравненно хуже.

«Я заметил, — пишет Вольней, — что шейхи, т. е. богатые люди, и их слуги были вообще большего роста и большей упитанности, чем простой народ... Объяснить это можно лишь их пищей, которая более обильна у первой группы, чем у второй. Можно даже сказать, что простой бедуин всегда живет в нужде и постоянно голодает... Дневная пища большей части из них весит не более шести унций, в племенах Неджда и Хиджаза умеренность в пище доходит до крайности. Шесть или семь фиников, смоченных в растопленном масле, немного свежего или кислого молока составляют дневной рацион бедуина. Он считает себя счастливым, если может присоединить к тому несколько щепоток муки грубого помола или немного риса. Мясо едят лишь по самым большим праздникам; лишь на свадьбу или похороны они режут козленка. Только богатые шейхи и военачальники могут бить молодых верблюдов, есть рис, приготовленный с мясом. Из-за всегдашнего недостатка вечно голодный простолюдин не брезгует самой дрянной пищей — саранчой, крысами, ящерицами, змеями...»⁴⁷.

Имущественное неравенство в кочевых племенах проявлялось заметнее всего в собственности на скот. Если бедняки племени аназа в начале XIX в. владели едва десятком верблюдов, то у более состоятельных стада насчитывали до полусотни голов, а семейства шейхской верхушки имели по несколько сот верблюдов⁴⁸. У самых богатых и могущественных шейхов было до нескольких тысяч голов верблюдов.

Коллективная форма собственности на пастбищные земли в известной степени наполнялась иным содержанием. Регулируя сезонные перекочевки, участвуя в распределении пастбищ, племенная верхушка приобретала преимущественные права на распоряжение землей, хотя произвол знати и был ограничен рамками племенных обычаев. Стада, принадлежавшие шейхам, получали лучшие и большие пастбища. С древних времен существо-

---

⁴⁷ Ibid., pp. 204—205.

⁴⁸ J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 1, p. 69.

вали даже заповедники (хима) для шейхского скота. Часть водных источников также становилась собственностью кочевой знати, которая за их использование получала определенное вознаграждение.

Из института родовой взаимопомощи возникала эксплуатация кочевников при передаче им на выпас скота. Первоначально передача скота выглядела как временная ссуда нескольких животных обедневшему соподичу⁴⁹. Это явление было распространено у аравийских кочевников и позволяло крупным скотовладельцам бесплатно сохранять и приумножать свои стада.

Следующей ступенью эксплуатации была передача целых стад на началах издольщины малоимущим беднякам или бедуинам, совсем не имевшим скота⁵⁰. Условия такой «аренды» менялись от района к району. Владельцы при этом получали часть приплода и животноводческие продукты.

Передача овец на выпас была еще более распространенной. Верблюдоводы не могли забирать мелкий рогатый скот в продолжительные перекочевки и оставляли его на выпас овцеводам, принадлежавшим к другим родам или чужим племенам. В этом случае эксплуатация была откровеннее и не столь замаскирована патриархально-родовыми формами. Если семьи кочевой знати не справлялись с уходом за своими стадами верблюдов, то использовались рабы или же представители других племен, но лишь редко — соплеменники.

Поборы на издержки гостеприимства становились одним из способов эксплуатации бедуинов со стороны знати. «Когда приходят гости, — сообщает И. Буркхардт, — и для них нужно зарезать ягненка, арабы обычно приносят для этого одного к шатру шейха. В некоторых кочевьях арабы не допускают, чтобы их шейху приходилось резать своего ягненка, и по очереди снабжают мясом его шатер»⁵¹. Ввиду того что шейх «должен очень часто принимать гостей, он берет то там, то здесь верблюды или овцу, которых ему охотно дают, потому что дающий нередко сам ест у него после гостей», — так

---

⁴⁹ A. Jaussen, *Coutumes des Arabes...*, p. 273.

⁵⁰ *Ib'id.*, p. 278; C. Guarmani, *Northern Na d...*, p. 107.

⁵¹ J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 1, p. 246.

объясняли А. Мусилу механику этих поборов даже в начале нашего столетия⁵².

Племя помогало шейху приобрести лошадь. Когда шейхское стадо редело в результате грабительского набега, то убытки ему стремились возместить полностью. В подобных же обстоятельствах рядовому бедуину покрывали лишь часть потерь, пишет И. Буркхардт⁵³.

Шейхи и знатоки обычного права в племенах получали вознаграждение за разбор судебных дел.

Рядовые бедуины иногда оказывались в некоторой личной зависимости от представителей знати. Это осуществлялось при помощи развитого института самоотдачи бедуинов под покровительство могущественного шейха своего или чужого племени (дахаля). Вокруг такого шейха собирались «небольшие семьи, которые, не будучи достаточно сильными для самостоятельной жизни, нуждались в защите и в союзе»⁵⁴.

Более развитой формой зависимости была опека (вися), при которой бедняки за определенную мзду просили защиты шейха. Широко распространилась самоотдача под покровительство целыми группами. Например, лица, опасавшиеся кровной мести со стороны родственников убитого, стремились получить защиту знати чужого племени. За это бедуины должны были нести некоторые обязанности, в том числе экономические. Личная свобода таких лиц была несколько ограничена⁵⁵.

Об ослаблении патриархально-родовых уз свидетельствует и тот факт, что внутри рода должник кредитору должен был уплатить сам, в этом ему никто не помогал в отличие от практики взаимопомощи в выплате долга кредитору со стороны.

Возникает вопрос: зашло ли разложение патриархально-родовых отношений внутри кочевых племен настолько далеко, что эти отношения уже превратились в классовые? А. И. Першиц отвечает на него так: «Сосредоточение в руках кочевой аристократии обширных пастбищ и водных источников и накопление ею больших количеств скота способствовали превращению шейхской

---

⁵² См.: А. И. Першиц, *Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии...*, стр. 126.

⁵³ J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 1, p. 317.

⁵⁴ C. F. Volney, *Voyage en Syrie et en Egypte...*, p. 207.

⁵⁵ A. Jaussen, *Coutumes des Arabs...*, pp. 199, 208—220.

верхушки племен в крупных собственников, ведущих хозяйство феодального типа... Право кочевой аристократии распоряжаться общинными землями и колодцами... фактически было правом феодального землевладения»⁵⁶. Такой вывод вызывает серьезные возражения.

«Земельная собственность, — писал К. Маркс, — предполагает монополию известных лиц распоряжаться определенными участками земли как исключительными, только им подчиненными сферами их личной воли»⁵⁷. Действительно ли шейх какого-либо племени или аристократическая группа обладали правом распоряжаться пастбищами, как «исключительными, только им подчиненными сферами их личной воли»? Можно ли в таком случае говорить о собственности одного шейха или группы знати на участки пастбищных территорий? Означало ли это, что они могли, например, продать племенные пастбища чужестранцам? Сдать их в аренду и забрать все доходы в личное пользование? Поменять на другой участок, например в оазисе, и лишить своих соплеменников права пользоваться пастбищами? В условиях Аравии до XX в. все эти явления были невозможны или представляли собой неизвестные нам исключения, которые, если они встречались, лишь подтверждали общее правило. Право племенной верхушки распоряжаться пастбищами было ограничено хотя бы ее принадлежностью к своему племени, т. е. она пользовалась общинной территорией постольку, поскольку ее представители являлись соплеменниками, хотя и знатными, хотя и привилегированными, хотя и богатыми. Это, естественно, ограничивало их «монополию» на право распоряжения землей, а тем самым снимало важнейшую предпосылку «феодального метода» ведения хозяйства, феодальных отношений внутри племен.

В отдельно взятых кочевых племенах XVIII—XIX вв. можно наблюдать лишь тенденцию к феодальным отношениям, но не их господство. Только в конце XIX — начале XX в. сначала турецкая, а затем английская и французская колониальная администрация в северных районах Аравии стала ускорять этот процесс, искусствен-

⁵⁶ А. И. Першиц, *Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии...*, стр. 124.

⁵⁷ К. Маркс, *Капитал*, т. III, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 25, ч. II, стр. 165.

но насаждая частную собственность шейхов на общинные пастбищные земли. В Саудовской Аравии ликвидация общинной собственности племен на пастбища не завершена и поныне. И прав Н. И. Прошин, который разложение патриархально-родовых отношений внутри бедуинских племен относит только к XX в.⁵⁸

Многочисленные факты свидетельствуют о том, что доходы аристократии, которые она получала в своем племени, были очень незначительны, в ряде случаев не покрывали ее расходов, связанных с традициями патриархально-родовой солидарности и взаимопомощи. Поэтому остается признать, что *внутри* бедуинских племен вплоть до XX в. доминировали патриархально-родовые отношения, основанные на общинной собственности на пастбища и источники воды, на крепких кровнородственных связях, на традициях взаимопомощи и солидарности. Процесс усиления эксплуатации простых бедуинов знатью, основанный на имущественном неравенстве, происходил, но он не достиг еще стадии раскола кочевых племен на классы, стадии феодализма.

Главная причина этого, как представляется, лежит прежде всего в слабом развитии производительных сил кочевого хозяйства и мизерной норме и массе прибавочного продукта. Кочевая знать не могла сверх определенного минимального размера усиливать эксплуатацию соплеменников.

Сохранение в бедуинских племенах значительной или даже преобладающей прослойки «средних» бедуинов или бедняков, ведущих самостоятельное хозяйство, также служит веским доказательством отсутствия здесь сложившихся эксплуататорских отношений. Европейские путешественники не упоминают об эксплуатируемых соплеменниках внутри кочевых племен. Это предполагает, что большинство бедуинов владели собственным скотом и пасли его на общественных пастбищах.

При оценке характера социальных отношений в кочевых племенах невозможно брать их изолированно от аравийского общества в целом, так как подобный подход искажает реальную картину. И бедуины, и полукочевники, и оседлые жители Аравии представляли собой единый, взаимосвязанный социальный организм. Изучение

---

⁵⁸ Н. И. Прошин, *Саудовская Аравия*, стр. 7.

взаимоотношений различных групп населения Аравии, а также многих специфических черт аравийской жизни представляет особый интерес и определяет характеристику как бедуинского племени, так и общества в целом.

Грабительский набег (газу). Жизнь бедуинов невозможно даже представить без постоянных взаимных грабительских набегов — газу. Объектом грабежа чаще всего был скот, а также лагерное снаряжение, утварь, оружие, одежда, рабы⁵⁹, у купцов отбирали товары, у оседлых жителей — различные земледельческие продукты и утварь. Существовало различие между газу и настоящей войной из-за пастбищ и колодцев. Но эти два вида военных действий постоянно переплетались и переходили один в другой.

«Арабские племена находятся в состоянии почти непрерывной войны друг против друга, — пишет И. Буркхардт, — и редко случается, чтобы какое-либо племя наслаждалось моментом общего мира со всеми своими соседями. Однако война между двумя племенами редко продолжается долго, легко заключается мир, но его нарушают по малейшему поводу. Способ ведения войны — партизанский, генеральные сражения редки: захватить противника врасплох в результате внезапного нападения, ограбить его лагерь — главная цель обеих враждующих партий. Вот почему их войны обычно бескровны. Врага атакуют обычно превосходящим числом, и он уступает без боя. Ужасные последствия кровной мести предупреждают многие кровавые конфликты»⁶⁰.

О некоторых особенностях газу сообщает также К. Вольней: «Будучи больше грабителем, чем воином, араб не стремится пролить кровь; он нападает только для того, чтобы ограбить; и если ему оказывают сопротивление, он считает, что небольшая добыча не стоит риска быть убитым. Нужно пролить его кровь, чтобы его озлобить; но тогда он столь же упорен в мести, сколь был осторожен, избегая опасности.

Арабов часто упрекали за склонность к грабежу, но, не желая ее оправдывать, не обращали достаточно внимания на то, что стремление к грабежу направлено лишь против чужестранца, которого арабы считают врагом;

---

⁵⁹ О рабах см. ниже.

⁶⁰ J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 1, p. 133.

поэтому подобное стремление основано на публичном праве большинства народов»⁶¹.

Газу считался самым благородным занятием, и мечта о грабеже постоянно горячила головы бедуинов. Участие в грабительских экспедициях было добровольным, но на практике особенно молодежь просто не могла от них отказаться. Уклонение от газу создавало опасность ослабиться трусом и потерять уважение сородичей и соплеменников. «Уверяют, — пишет К. Нибур, — что молодой человек не может жениться, пока не совершит нескольких подвигов»⁶².

В результате газу имущество, особенно скот, нередко переходило из рук в руки. Беднейший бедуин одним удачным набегом мог поправить свое положение или даже превратиться в зажиточного. Газу несомненно был одной из причин сохранения прослойки самостоятельных кочевников.

Особенно большие преимущества от газу получала племенная верхушка. Именно ей повсеместно шла большая или лучшая часть добычи⁶³. Во главе набегов становились или шейхи, или военачальники — акыды. Даже если шейх не участвовал в набеге, ему «отчисляли» его долю. Не случайно добыча от газу неизменно фигурирует в числе важнейших доходов бедуинской знати.

Постоянные грабежи и набеги в Аравии, естественно, наносили ущерб хозяйству, производительным силам. Бывало, что газу не оканчивались без кровопролития, а приводили к жестоким, истребительным войнам. В результате разгрома могли погибать или вымирать целые роды и племена. «Иногда слабое племя возвышается и распространяет свое влияние, между тем как другое племя, когда-то могущественное, приходит в упадок или даже уничтожается»⁶⁴, — отмечает К. Вольней. Подобные же наблюдения делает А. Жоссан спустя более чем столет: «Племя может исчезнуть из страны многими способами. Прежде всего путем переселения, вследствие больших ссор или постоянного голода в районе... Другую,

---

⁶¹ C.-F. Volney, *Voyage en Syrie et en Egypte...*, p. 211.

⁶² C. Niebuhr, *Voyage...*, vol. 2, p. 139.

⁶³ J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. I, pp. 140—141, 299; C. Guarmani, *Northern Najd...*, p. 116; Ch. Doughty, *Travels in Arabia Deserta*, vol. 1, pp. 251, 334.

⁶⁴ C.-F. Volney, *Voyage en Syrie et en Egypte...*, p. 207.

более частую причину уничтожения этих племен нужно искать в постоянных войнах и набегах. Достаточно одного несчастного дня, чтобы уничтожить целое племя; мужчины остаются на поле битвы, а женщины рассеиваются в соседних племенах или... погибают от голода»⁶⁵. Некогда могущественные племена приходят в упадок, теряют людей, скот, пастбища, подчиняются другим племенам, иногда сливаются с ними.

Однако не было ли какой-либо закономерности в победах и поражениях отдельных племен?

Военные силы различных племен и их подразделений часто зависели от характера их хозяйственных занятий. Именно верблюдоводы, т. е. «настоящие» кочевники, обладали наибольшей военной мощью. Верблюды позволяли передвигаться по безводным пустыням быстро и на большие расстояния, концентрировать силы и наносить внезапные удары, а в случае неудачи уходить от преследования в пустыню — свое убежище, не доступное для противников. Верблюдоводы совершали самые удачные газу, чаще выходили победителями из крупных сражений и были соперниками только друг для друга. Именно племена или подразделения верблюдоводов в общем балансе потерь и приобретений в результате газу оказывались в выигрыше, а полукочевники-овцеводы проигрывали. В открытом поле по большей части пасовали перед «настоящими» бедуинами и оседлые. Безопасность их торговых связей, скота, который выпасали в степи или полупустыне, пашен или пальмовых рощ, не защищенных стенами, зависела от взаимоотношений с бедуинами.

Сильные племена бедуинов-верблюдоводов навязывали выплату дани более слабым племенам, главным образом овцеводам и оседлому населению. Газу служил одним из методов принуждения к даннической, а иногда и вассальной зависимости.

Дань (хува). С древних времен выплата полукочевым и оседлым населением дани бедуинам облекалась в патриархальную оболочку, принимала видимость вознаграждения за защиту и покровительство. Поэтому дань получила название «братство», «побратимство» — хува (хава, хувва, ухувва). «Дань обычно выплачивается шей-

---

⁶⁵ A. Jaussen, *Coutumes des Arabs...*, p. 124.

ху или какому-либо почтенному члену племени, — пишет И. Буркхардт. — Как только селение и какой-либо араб договорятся о хуве, последний немедленно требует часть обусловленной на год суммы, из которой покупает кое-какие припасы и делит их между своими друзьями, чтобы они были свидетелями договора, съев часть хувы»⁶⁶.

Дань шла не только протектору плательщиков хувы — «главному шейху, но и почти каждому влиятельному лицу в различных кланах»⁶⁷, — сообщает Г. Валлин. Значительная часть хувы оседала в руках племенной верхушки, но тем не менее какая-то доля доставалась и рядовым сородичам. Оседлые и полукочевники могли платить дань и нескольким бедуинским племенам сразу, а те в свою очередь собирали ее с различных оазисов и овцеводческих племен⁶⁸. Иногда полукочевники — плательщики хувы — сами собирали дань с более слабых племен или оазисов.

Все это создавало сложные формы зависимости, но суть дела — перекачка значительной части прибавочного, а иногда и части необходимого продукта от оседлых и полукочевников могущественным объединениям бедуинов — не менялась. Хува приносила кочевой аристократии и всем бедуинам большие доходы. За право собирать ее сражались племена бедуинов, при этом гибли и данники. Сбросить гнет «побратимов» можно было лишь в результате вооруженной борьбы, а она не часто приводила к победе⁶⁹.

Даннические отношения иногда переходили в вассальные, и тогда подчиненные племена участвовали в военных набегах своих сюзеренов, т. е. вносили «дань кровью». Шейх-вассал оказывал внешние знаки почтения шейху-сюзерену. Зависимость некоторых племен достигала такой степени, что Г. Диксон, например, называет племя рашайд «крепостным» племени мутайр, а племя авазим — «слугами» аджман⁷⁰. Правда, это информация

---

⁶⁶ J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 1, pp. 193—194.
⁶⁷ G. A. Wallin, *Narrative...*, p. 122.

⁶⁸ Ibid.; C. Guarmani, *Northern Najd...*, pp. 109—110; Ch. Huber, *Journal...*, p. 592.

⁶⁹ C. Guarmani, *Northern Najd...*, pp. 109—110.

⁷⁰ H. Dickson, *Kuwait and her neighbours*, pp. 102, 622; H. Dickson, *The arab of the desert*, pp. 572, 573.

XX в., но возможно, что подобные отношения существовали и несколько ранее.

Бедуины облагали пошлинами, также именуемыми «хува», караваны торговцев и паломников. Ибн Бишр для обозначения этих поборов употребляет слово того же корня — «ихават»⁷¹. Особенно обогащалась знать племен, через территорию которых пролегали главные пути паломников, в частности в Северном Хиджазе.

За право прохода турецких караванов хаджа Порты должна была выплачивать кочевникам крупные суммы. И. Буркхардт оценивает их на начало XIX в. в 50—60 тыс. ф. ст. в год⁷². В 1756 г. дамаский паша задержал выплату денег и даже казнил шейхов кочевников, явившихся за положенной суммой. Но через два года объединившиеся бедуинские племена разгромили охрану паломников, разграбили караван и вновь принудили турецкие власти к выплате этой своеобразной пошлины⁷³.

Определенную обычаем плату кочевая аристократия получала также за «покровительство» бродячим ремесленникам и торговцам⁷⁴.

«Низшие» племена. Из других плательщиков дани могущественным бедуинским племенам выделялись так называемые «низшие» племена Аравии — сулубба (слейб), хитайм, шарарат и их ответвления. Вследствие особого исторического развития они оказались разбиты на ряд родовых подразделений, почти не имевших собственной территории, рассеянных по всему полуострову небольшими группами, что определило их слабость. По большей части они кочевали на чужой территории вместе с хозяевами земли. И. Буркхардт пишет: «Среди бесчисленных племен, населяющих пустыни Аравии, нет ни одного, которое было бы более рассеяно и чаще встречалось бы во всех частях этой страны, чем хитайм. В Сирии, в Нижнем и Верхнем Египте, вдоль всего красноморского побережья до Йемена, в Неджде и Месопотамии можно встретить лагерь этого племени. Возможно, именно за такую склонность к рассеянию их уважают меньше, чем какое-либо иное племя... Почти повсюду

⁷¹ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 126.

⁷² J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 1, p. 194; vol. 2, pp. 9, 34.

⁷³ C. Niebuhr, *Voyage...*, vol. 2, pp. 178—179.

⁷⁴ A. Musil, *The manners and customs...*, pp. 280—282.

должны они платить дань соседним племенам за разрешение пасти свой скот»⁷⁵. Сулубба, шарарат, хитайм и прочие отверженные аравийского общества выплачивали хуву даже полукочевникам-овцеводам.

«Низшие» племена владели лишь незначительным количеством скота либо не имели его вовсе. У сулуббов даже основным транспортным средством был осел, а не верблюд. Как правило, скотоводство не могло прокормить этих париев Аравии, и они занимались некоторыми ремеслами, становились профессиональными музыкантами, танцорами, поэтами, знахарями. В качестве таковых они нанимались в услужение к знати⁷⁶. Сулуббы предсказывали погоду, сообщали о местах наилучших пастбищ и брали за это соответствующее вознаграждение⁷⁷.

Члены «низших» племен становились для бедуинов объектами беспощадной эксплуатации и вымогательств. Ч. Доути приводит пример, когда «несколько аназов явились в оазис, ведя за собой по улице жалкого обнаженного человека с веревкой на шее. Это был хитайми; бедуины в бешенстве кричали, обвиняя его, что он задержал выплату хувы — десять реалов! И они привели его, чтобы посмотреть, найдется ли кто-нибудь в Хайбаре, как он обещал им, кто бы заплатил за него; если нет, они выволокут его из города и убьют»⁷⁸. Один этот факт показывает, какая глубокая пропасть лежала между свободным бедуином и членом «низшего» племени, сколь жестоки были формы эксплуатации одних другими.

*Рабы и вольноотпущенники*⁷⁹. В Аравии на протяжении веков сохранялся рабовладельческий уклад. Рабов (абдов, мамлюков) доставляли на полуостров по большей части из Восточной и Центральной Африки. Их захватывали и закупали специальные экспедиции работорговцев или продавали паломники, стремившиеся покрыть расходы на посещение «святых городов». Торговля ра-

---

⁷⁵ J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, pp. 19—20.

⁷⁶ R. Montagne, *La civilisation du désert...*, pp. 68, 107; C. Guarnani, *Northern Najd...*, p. 120; A. Musil, *The manners and customs...*, p. 406.

⁷⁷ R. Montagne, *La civilisation du désert...*, p. 23.

⁷⁸ Ch. Doughty, *Travels in Arabia Deserta*, vol. 2, p. 136.

⁷⁹ Подробнее о рабовладении в Аравии см.: А. И. Першиц, *Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии...*, стр. 97—107.

бами сосредоточивалась преимущественно в Мекке, но велась и в других городах, а также в Хуфуфе, Маскате. В Аравию поступало, видимо, несколько тысяч рабов в год. В исключительных случаях в рабов обращали и арабов. Дети невольников (мувалиды) иногда сохраняли то же общественное положение, что и родители.

Больше всего рабов было сосредоточено в главном центре работорговли — Хиджазе, где любая более или менее состоятельная семья стремилась приобрести эту «ценную собственность». За пределами Хиджаза рабов имели только богатые семьи. «В Аравии мы нередко встречали негров, — пишет У. Пэлгрев, — в Джауфе, Шаммаре, Касyme и Судайре. Но мы видели их только в роли рабов и редко в других домах, кроме самых богатых»⁸⁰. По свидетельству путешественников, численность африканцев и мулатов в Южном Неджде возрастала и они составляли в отдельных оазисах большинство жителей. «В Рияде негров множество, в Манфухе и Сильмийе еще больше, в Хардже, Вади Давасире и их окрестностях они изобилуют»⁸¹.

Рабами владела и кочевая знать. «Каждый могущественный шейх, — сообщает И. Буркхардт об аназа, — ежегодно приобретает пять-шесть рабов-мужчин и нескольких рабынь...»⁸². Подобное положение было и в других бедуинских племенах.

Рабов использовали на самых тяжелых работах. В кочевом племени они пасли скот, доставляли воду, ставили и снимали шатры, собирали топливо. Рабский труд применялся также в земледелии и ремесле, но очень ограниченно...

Основная сфера его применения — домашнее хозяйство, где рабы были слугами и даже домоправителями.

Нужно отметить некоторые существенные особенности положения рабов в Аравии. Рабство здесь носило патриархальный характер. Этим и объясняется в общем мягкое обращение с абдами. Невольники, особенно мувалиды, становились как бы неравноправными членами семьи хозяина, с ограниченными правами и обязанностями. Иногда они могли даже наследовать имущество хо-

---

⁸⁰ W. G. Palgrave, *Narrative...*, vol. 1, p. 452.

⁸¹ Ibid., p. 453.

⁸² J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 1, p. 181.

зяина. Рабыни, главным образом в среде городской знати, использовались как наложницы. Их дети обычно становились свободными, так же как и они сами после смерти хозяина. Будучи бесправными в социальном плане, в экономическом отношении рабы жили часто лучше полуголодных кочевников или крестьян. Им доставалась часть доходов аравийской знати.

Многие рабы в Аравии получали свободу, становясь вольноотпущенниками, которых также называли абды. Это относилось не только к наложницам или их детям. Численность «наследственных» рабов в Аравии была незначительной.

В бедуинских племенах процесс освобождения невольников шел более интенсивно, чем у оседлых. По истечении определенного времени бедуины всегда отпускали рабов на волю и женили на женщинах того же цвета кожи, пишет И. Буркхардт. «Аназа никогда не сожительствоуют со своими рабынями, но через несколько лет службы предоставляют им свободу и выдают замуж за рабов-мужчин или их потомков, оставшихся в племени»⁸³. Вольноотпущенники занимались мелкой торговлей и ремеслом, нанимались слугами в богатые дома — в общем действовали, как сказали бы сейчас, в «сфере услуг».

В условиях Аравии освобождение рабов имело и другой смысл. Одному из аназийских шейхов, например, «принадлежало свыше пятидесяти семейств людей, которые когда-то были его рабами и своим состоянием полностью обязаны щедрости этого шейха. Он не вправе теперь получать с них ежегодную дань, так как они считаются свободными арабами (т. е. бедуинами. — А. В.), но он берет их дочерей в жены своим новым рабам и вольноотпущенникам, а когда во время войны эти чернокожие захватывают значительную добычу, шейх вправе забрать у них хорошего верблюда, в чем они никогда ему не отказывают»⁸⁴. Некоторые вольноотпущенники объединялись по формально-родовому признаку, но эти роды стояли ниже объединений чистокровных арабов. Так вольноотпущенники сохраняли и имущественную, и личную зависимость от бедуинской верхушки.

---

⁸³ Ibid.

⁸⁴ Ibid., pp. 181—182.

Основная масса вольноотпущенников занималась земледелием. В некоторых оазисах они составляли большинство населения. Вольноотпущенники были лишены земли, поэтому они становились арендаторами-издольщиками чаще всего у оседлой и кочевой знати (иногда и целых кочевых племен). Эксплуатировали вольноотпущенников-арендаторов нещадно, и, по словам Г. Валлина, «они редко достигали богатства и благосостояния»⁸⁵. Сохранялась также значительная личная зависимость вольноотпущенников-арендаторов от бывших рабовладельцев. Кроме того, в ряде случаев, прежде чем уйти от хозяина, вольноотпущенник должен был вернуть имущество, которое он получил при освобождении⁸⁶, что часто было невозможно. Вольноотпущенники-арендаторы не только платили феодальную ренту, но и оказывались в какой-то мере прикрепленными к земле. Поэтому их статус ближе подходил к положению крепостных, чем статус других групп населения Аравии.

Их эксплуатация оседлой знатью была специфической разновидностью феодальной эксплуатации арабов-издольщиков. Доходы от земельных владений, обрабатываемых вольноотпущенниками, служили для бедуинской верхушки одним из важнейших *внешних* (внеплеменных) источников дохода.

Роль внешних доходов в кочевом племени. Рассмотрение взаимоотношений бедуинов и кочевой знати с другими группами населения позволяет сделать некоторые выводы. Если *внутри* кочевого племени между аристократией и рядовыми бедуинами преобладали отношения, еще не ставшие по-настоящему классовыми, то *вне* племени бедуинская знать выступала как класс эксплуататоров. *Внешние источники* (доля в грабеже — газу, дань с оседлых, полукочевников, «низших» племен, ремесленников, торговцев и паломников, феодальная рента с поливных земель, сдаваемых в аренду вольноотпущенникам, а также арабам) *приносили ей львиную долю дохода*⁸⁷. Со своих соплеменников бедуинская знать, как

⁸⁵ G. A. Wallin, *Notes...*, p. 26.

⁸⁶ A. Musil, *The manners and customs...*, p. 277.

⁸⁷ А. И. Першиц также считает, что «острие шейхской эксплуатации было направлено не только и, может быть, даже не столько вовнутрь, сколько за пределы кочевого племени или его кочевой части» (А. И. Першиц, *Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии...*, стр. 140).

уже отмечалось, могла получать лишь незначительный прибавочный продукт их труда. Но земледелие обеспечивало относительно высшую производительность и позволяло в большей степени эксплуатировать крестьян. Кроме того, вне племени аристократия могла позволить себе забирать в виде дани не только прибавочный, но и часть необходимого продукта, обрекая на лишения данников. Газу также можно считать методом эксплуатации, но только хищнической, варварской эксплуатации, которая приводила порой к физической смерти ограбленных.

Внешние доходы, поступавшие в племя, обогащали верхушку, усиливая имущественное расслоение. Вместе с тем часть этих доходов доставалась и простым соплеменникам, что способствовало сохранению прослойки самостоятельных бедуинов и как бы сглаживало неравенство.

С двойственным характером племенной аристократии как более богатых и знатных соплеменников и как эксплуататоров населения, лежавшего вне их племени, связана организация политической власти у кочевников и в аравийском обществе в целом.

Организация и характер власти в кочевом племени. На первое место в функциях шейха племени выдвигалась его власть патриархального старейшины коллектива и распорядителя хозяйственной деятельности. Он руководил основными перекочевками племени, распределением пастбищ и колодцев, указывал место и время разбивания лагеря. Шейх регулировал возникающие ссоры и недоразумения внутри племени, выступал арбитром в вопросах семьи, брака, быта, надзирал за соблюдением племенных обычаев, особенно связанных с кровомщением, следил за возвращением украденного имущества. Часто он был судьей или арбитром в тяжбах. Он представлял племя в сношениях с внешним миром. От имени племени принимал почетных гостей. В отдельных случаях шейх становился военным предводителем, объявлял войну и заключал мир⁸⁸.

Важнейшие решения шейх принимал после консультаций с представителями племенной знати или племен-

---

⁸⁸ A. Jaussen, *Coutumes des Arabes...*, pp. 140—145.

ным советом — маджлисом⁸⁹. Племенной совет сохранял черты демократической организации патриархально-родового общества. По сообщению Ч. Доути, «здесь говорит кто хочет, здесь раздается голос последнего соплеменника, ибо он соплеменник»⁹⁰. Шейх не мог объявить войну или заключить мир без предварительного совещания с наиболее авторитетными членами племени; если он хотел разбить лагерь, он должен был предварительно узнать мнение своих людей. При этом в расчет принимались голоса главным образом знатных⁹¹.

Маджлис также служил «советом старейшин и общественным судом, сюда соплеменники в любое время приносят для разбирательства свои дела... Шейх советуется с другими шейхами, старейшинами и самыми значительными лицами. Приговор выносится беспристрастный и всегда без каких-либо взяток. Приговор является окончательным»⁹². Судебным разбирательством занимались, кроме того, и знатоки обычного права. В случае несогласия соплеменника, проигравшего дело и приговоренного к имущественному штрафу, он был вынужден покинуть племя.

Военно-демократический характер племенной организации проявлялся в разделении в ряде случаев власти в роде и племени на «гражданскую» (шейха) и «военную», представленную военачальником — акыдом. «Каждое племя, — пишет И. Буркхардт, — имеет помимо шейха еще и акыда, и редко случается, чтобы обе должности объединялись в одном лице. Мне по крайней мере такие примеры неизвестны, хотя некоторые арабы и рассказывают, что они видели шейха, который среди арабов района Басры был одновременно и акыдом... Если шейх участвует в походе, то он наравне с прочими повинуетсЯ приказам акыда, полномочия которого кончаются только тогда, когда воины возвращаются домой. Тогда шейх вновь вступает в свою должность»⁹³. Сообщения аравийских летописцев и позднейшие сведения говорят, что совпадение власти шейха и акыда было куда более частым явлением, чем считал И. Буркхардт. Акыдом вы-

---

⁸⁹ J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 1, p. 117.

⁹⁰ Ch. Doughty, *Travels in Arabia Deserta*, vol. 1, p. 248.

⁹¹ J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 1, p. 117.

⁹² Ch. Doughty, *Travels in Arabia Deserta*, vol. 1, pp. 248—249.

⁹³ J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 1, p. 296.

ступал сын шейха или его родственник. Шейхские и акыдские семьи нередко состояли в родстве.

Шейхи и акыды, как правило, не имели внешних атрибутов власти — ни особой одежды (хотя они и одевались богаче рядовых соплеменников), ни особого церемониала. Простые бедуины вели себя с шейхами, как с равными.

В случае смерти или физической немощи шейха ему на смену выбирали нового. Шейх должен был обладать следующими данными: щедростью, мужеством в бою, умом и благоразумием, богатством (скот и земля), многочисленными сторонниками в лице родственников и слуг⁹⁴. Вот что пишет о шейхе кочевого племени К. Вольней: «В самом деле, именно на главного шейха каждого племени возлагается обязанность содержать приходящих и уходящих; именно он принимает союзников и всякого, кто прибыл по делам. Рядом с его палаткой стоит большой шатер, который служит приютом для всех чужестранцев и проезжающих. Именно здесь происходят частые собрания шейхов и знатных особ для выбора стоянок или свертывания лагеря, по вопросам войны, мира, распрей с турецкими губернаторами или деревнями, для разбора тяжб и споров частных лиц и т. д. Всех этих людей, сменяющих друг друга, нужно угощать кофе, печеным в золе хлебом, рисом и иногда жареной козлятиной или верблюжатиной — одним словом, нужно быть гостеприимным хозяином. Быть щедрым тем более важно, что эта щедрость касается предметов первой необходимости. Влияние и могущество от этого зависят: изголодавшийся араб перед всеми достоинствами ставит такую щедрость, которая обеспечивает его пищей. И этот предрассудок не без основания, ибо опыт показал, что скупые шейхи никогда не были благородными людьми»⁹⁵.

В принципе шейхом мог стать любой бедуин, но уже по перечисленным требованиям, предъявленным к претенденту на это место, можно судить, что беднякам путь к власти в племени был закрыт. В большинстве случаев титулатура шейха на протяжении десятилетий, а то и столетий оставалась за одной и той же аристократической семьей. «Ни один простой член данного пле-

---

⁹⁴ A. Jaussen, *Coutumes des Arabes...*, pp. 128—129.

⁹⁵ C.-F. Volney, *Voyage en Syrie et en Egypte...*, p. 208.

мени, ни иноплеменник, хотя бы он даже превосходил всех богатством и способностями, не может стать главой аширы номадов»⁹⁶, — утверждает Ч. Доути. Благородное происхождение было важнейшей предпосылкой для выдвижения в племена.

Чаще всего власть передавалась от отца к сыну, но в случае отсутствия у претендента необходимых данных она доставалась другому представителю знати. Так же обстояло дело с акыдом. Шейх и акыд соперничали в племенах, иногда акыды захватывали и пост гражданского вождя. Внутри правящей племенной верхушки шла жестокая и беспощадная борьба за власть, сопровождавшаяся интригами, убийствами, расколами племен.

Личные достоинства претендента были, так сказать, условным идеалом, но они отнюдь не всегда определяли исход этой борьбы.

К правящей знати принадлежали также и знатоки обычного права в племенах⁹⁷.

Сосредоточение важнейших общественных постов в кочевом племенах в руках аристократической верхушки свидетельствовало о том, что власть теряла уже свои патриархальные черты. Но были ли у шейха также атрибуты классовой власти? Иными словами, не наполнялись ли его внешне патриархальные функции иным содержанием? В определенных границах — да. Несомненно шейх служил прежде всего интересам бедуинской верхушки. Знати с его помощью доставались и лучшие пастбища, и лучшие водопой, и большая доля военной добычи. Для навязывания своей воли шейх не только использовал щедрость и личный авторитет, но и опирался также на силу многочисленной родни и сторонников, на свою дружину, состоявшую из рабов и вольноотпущенников.

А. И. Першиц, развивая далее принятую им концепцию сложившегося феодализма *внутри* кочевых племен, считает, что «племенная организация в какой-то мере выполняла функции государства по поддержанию классовой диктатуры», маджлис стал «органом классовой диктатуры»⁹⁸. Однако, как представляется, несмотря на

---

⁹⁶ Ch. Doughty, *Travels in Arabia Deserta*, vol. 1, p. 251.

⁹⁷ J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 1, pp. 119—123.

⁹⁸ А. И. Першиц, *Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии...*, стр. 153, 159.

явные *тенденции* к превращению власти шейхской верхушки *внутри* племен во власть феодального типа, она таковой в тот период еще не стала.

Для выяснения этой проблемы уместно определить, был ли в руках кочевой верхушки особый аппарат, стоящий над обществом, и могла ли она для проведения своей воли применять систематическое насилие. Вот что сообщают европейские путешественники.

«Образ правления этого общества, — пишет К. Вольней, — одновременно республиканский, аристократический и даже деспотический, не будучи точно ни одним из них. Он республиканский потому, что народ в этом обществе имеет главное влияние во всех делах и ничего не делается без согласия большинства. Он аристократический потому, что семьи шейхов обладают рядом преимуществ, которые повсюду дает сила. Наконец, он деспотический потому, что власть главного шейха безгранична и почти абсолютна. Когда шейх — человек с характером, он может пользоваться своей властью вплоть до злоупотребления; однако даже этому злоупотреблению есть довольно узкие границы. В самом деле, если шейх допустит какую-либо большую несправедливость, если, например, он убьет араба, ему будет почти невозможно избежать наказания: злоба оскорбленного ни во что поставит его титул; он подвергнется возмездию, и, если он не заплатит за пролитую кровь, он будет неминуемо убит. Это будет сделано с легкостью, принимая во внимание его простую частную жизнь в лагере.

Если же он обременяет подданных своей суровостью, они его покидают и переходят в другое племя. Его родственники пользуются его ошибками, чтобы его сместить и занять его место. Он не может использовать против них иностранное войско. Его подданные слишком легко общаются друг с другом, чтобы он мог их разделить и создать свою собственную значительную группировку. К тому же как подкупить эту группировку, если он не получает с племени никаких налогов, если большая часть его подданных вынуждена довольствоваться лишь самым необходимым и если его собственность и так довольно незначительна и уже отягощена большими расходами?»⁹⁹.

---

⁹⁹ C.-F. Volney, *Voyage en Syrie et en Egypte...*, pp. 207—208.

По наблюдениям И. Буркхарда, «у шейха нет действительной власти над членами своего племени; он может, однако, с помощью личных качеств приобрести широкое влияние. Он не может приказывать, но он может советовать... Если между двумя соплеменниками возникает спор, шейх постарается урегулировать дело; но, если кто-либо из спорящих окажется неудовлетворенным его советом, шейх не может настаивать на послушании. Самый могущественный вождь аназов не смеет наложить легчайшее наказание на беднейшего члена своего племени, не подвергаясь риску кровного мщения от этого человека и его родственников. Единственное наказание, известное в племени, — имущественный штраф...»¹⁰⁰.

Другие европейские исследователи Аравии того периода сообщают подобные же сведения.

Аппарат классового насилия у кочевников только зарождался. Его главные атрибуты — армия, полиция, тюрьма, административная машина, классовый суд — в племени практически отсутствовали. Личной дружине шейха, состоявшей из абдов, противостояла гораздо более мощная военно-демократическая организация племени. (Интересно отметить, что случаи применения насилия внутри племен, приведенные А. И. Першицем, относятся к началу XX в.)¹⁰¹.

При существовавшей структуре аравийского общества в целом кочевая верхушка объективно не только не была заинтересована в том, чтобы сломать родо-племенную организацию и заменить ее какой-либо разновидностью государственной машины, но наоборот. Лишь опираясь на военную мощь племен, на племенную организацию, на родо-племенную солидарность, она могла осуществлять свою внешнеэксплуататорскую или просто грабительскую деятельность. С помощью племени бедуинская знать проводила свое классовое господство над группами населения, лежавшими вне племени¹⁰².

---

¹⁰⁰ J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 1, pp. 116—117.

¹⁰¹ А. И. Першиц, *Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии...*, стр. 155.

¹⁰² О некоторых специфических функциях родо-племенной организации кочевников см., например, И. М. Рейснер, *Развитие феодализма и образование государства у афганцев*, М., 1954, стр. 115—116 и др.

Феодалный характер власти в оазисах. Двойственный характер власти бедуинской знати великолепно подметила английская путешественница А. Блант.

«Города ставят себя под покровительство главного бедуинского шейха района, который, получая ежегодную дань, обеспечивает безопасность горожан за пределами городских стен, позволяя им беспрепятственно путешествовать так далеко, как простирается его власть, а она, если речь идет о могущественном племени, распространяется на многие сотни миль и охватывает многие города. Тогда говорят, что города „принадлежат“ такому-то и такому-то племени, и бедуинский шейх становится их сюзереном, или главным протектором...

Затем идет дальнейшее развитие. Бедуинский шейх, разбогатев на дани с дюжины городов, строит себе замок близ одного из них и проводит в нем летние месяцы. Затем благодаря своему престижу (ибо бедуинская кровь все еще считается самой чистой) и опираясь на власть в пустыне, он быстро становится практическим правителем города и из протектора горожан превращается в их суверена. Тогда они дают ему титул эмира, или князя, и, *оставаясь шейхом бедуинов, он становится королем всех городов, которые платят ему дань* (курсив мой. — А. В.).

С другой стороны, в городе бедуинского князя, хотя он и может быть деспотом, еще в большой мере обузывает общественное мнение... Эмир, хотя и безответственный в индивидуальных действиях, хорошо знает, что он не может безнаказанно нарушать традиционный неписанный закон Аравии»¹⁰³.

Процесс превращения кочевой знати в господствующий класс оседлого населения в Аравии происходил постоянно. При этом можно было наблюдать разнообразные формы взаимоотношений аристократии с племенем и с оседлым населением, различный образ жизни и различное поведение в быту. Могущественные шейхи племен или конфедераций племен могли установить контроль над крупными оазисами или группой оазисов. Но при этом бывало, что племенная верхушка сохраняла бедуинский образ жизни и оставалась по преимуществу кочевыми шейхами. Примером этого служат представители аристо-

¹⁰³ А. Blunt, *A pilgrimage to Nejd...*, vol. 1, pp. 260—261, 270.

кратического рода Ааль Хумайд из племени бану халид, которые в XVII—XVIII вв. контролировали богатую земледельческую провинцию Хасу, но, подобно первым Омейядам, предпочитали не покидать бедуинского кочевья. Это отнюдь не мешало им держать гарнизоны в ключевых оазисах. Так же вело себя в XIX в. аристократическое семейство Ибн Шааланов, вождей племени руала, кочевавшего к югу от Сирии.

После захвата власти в оазисах выходцы из кочевой знати отрывались от своих племен и превращались в оседлых феодальных правителей. При этом их эксплуататорские устремления по отношению к «своему» земледельческому населению сталкивались с интересами бедуинов, как сборщиков дани. Став частью оседлой знати, бывшие бедуинские шейхи яростно защищали свои владения от покушений со стороны кочевников. Таковы по происхождению и эмиры Дерийи — Саудида и правители Хаила — Рашидиды.

Наконец, при усилении военного могущества того или иного оседлого правителя он, опираясь на союз с некоторыми кочевыми племенами или лишь собственные силы, ставил под свое влияние соседних кочевников, грабил их, иногда принуждал к выплате дани. Так действовали в пору своего могущества Саудида и Рашидиды, а в рамках государства Саудидов — правитель Таифа и некоторых хиджазских бедуинских племен аль-Мудайфи, эмир Асира — Абу Нукта. То же самое в принципе можно сказать и о шерифах Мекки.

Власть в оазисе не всегда сосредоточивалась в одних руках. Иногда земледельцы, выходцы из разных племен, жестоко враждовали друг с другом, не подчинялись единому правителю, а имели собственных, самостоятельных шейхов или эмиров.

Правители аравийских оазисов именовались по-разному. Наиболее часто встречаются титулы эмир или шейх, но также сахиб, вали, кабир, сейид. При этом никакого сколько-нибудь четкого разграничения в употреблении этих титулов ни у аравийских летописцев, ни у европейских путешественников найти невозможно. Титулы правителей часто чередуются, взаимозаменяются.

Власть оседлого эмира существенно отличалась от власти кочевых шейхов. Прежде всего ему в оазисе не противостояла военно-демократическая организация пле-

мени. Земледельцы с их ослабевшими родо-племенными связями находились в несравненно большей зависимости от своей знати, чем бедуины. Не удивительно поэтому, что аравийские летописцы называют жителей оазисов райя — подданные, стадо, быдло. Эмир-феодал опирался, с одной стороны, на оазисную аристократию, со многими представителями которой он находился в родстве, с другой — на собственную дружину из рабов, вольноотпущенников, наемных солдат. Судебная система в оазисах базировалась чаще на основе мусульманского права — шариата. Суд вершил не только лично феодал, но и судья — кади, имевший специальную юридически-богословскую подготовку.

Организацию политической власти оседлых феодалов в Аравии XVIII в. можно наблюдать на примере Мекки. Правда, здесь были и большие отличия от положения в оазисах-городах полуострова, в частности в Центральной Аравии: исключительное положение Мекки как «священного города» всех мусульман, обширная торговля через Джидду и сравнительно большой приток богатств в руки шерифа, особая аристократичность рода шерифов, считавших себя потомками пророка.

Правитель Мекки получал власть с согласия наиболее влиятельных шерифских семей и формальной санкции султана. Его войско состояло из нескольких сот абдов и наемных солдат. Обладая большими средствами, шериф в случае нужды мог увеличить его численность. Чиновниками шерифа были, как правило, рабы. Из их числа он назначал своего наместника в Джидду (называемого везиром) и таможенного чиновника.

Шериф всегда стремился заручиться расположением соседних с Меккой кочевых племен. Своих детей шерифы отдавали на воспитание бедуинам. Там будущие воины или правители вырастали крепкими, выносливыми, энергичными, а главное — приобретали друзей и союзников для будущей борьбы за влияние и власть ¹⁰⁴.

Политическое устройство эмирата Джебель-Шаммар, описанное путешественниками в середине и второй половине XIX столетия, вполне могло повторять некоторые черты организации власти в мелких оазисах-государст-

---

¹⁰⁴ C. Niebuhr, *Voyage...*, vol. 2, pp. 29—31; J. L. Burckhardt, *Travels in Arabia...*, vol. 1, pp. 331, 405—408, 422—428, 440.

вах Центральной Аравии XVIII в. Хаильские эмиры управляли государством с помощью родственников, но главным образом с помощью рабов и вольноотпущенников, которые пользовались бóльшим, чем родственники, доверием правителя. При этом Рашидида, так же как и мекканские шерифы, опирались на дружину из абдов и наемников. Верхушка невольников, так называемые раджайль аш-шух (мужи главного шейха), получала важнейшие посты во дворце и должности чиновников в формировавшемся государственном аппарате. Они же были наместниками в оазисах. Важнейшие судебные и некоторые гражданские дела разбирались на эмирском маджлисе, который заседал публично. В нем участвовали представители хаильской аристократии и высшие богословы. Роль полиции в эмирате Рашидидов выполняла та же гвардия правителя. В Хаиле была тюрьма. В качестве наказания за преступления конфисковали имущество, избивали палками, отсекали руку¹⁰⁵.

Однако система государственности в других оазисах была развита в меньшей степени. Ч. Доути, посетивший Анайзу, крупный торговый центр в Касыме, не обнаружил там даже тюрьмы¹⁰⁶.

Легко заметить, что опорой феодальной власти в оазисах была гвардия рабов. Полностью зависимая от хозяина, не связанная с местным населением, она служила верным орудием систематического насилия знати против простого люда. При этом абды — воины, полицейские, чиновники, наместники — занимали привилегированное положение, получали большие доходы, превращались практически в часть правящего класса, хотя и особую часть, хотя и с урезанными правами. Приобретая в ряде случаев большой вес и влияние, эта прослойка рабов претендовала порой на высшую власть и захватывала ее. Так обстояло дело, например, в Рияде в первой половине XVIII в., а также в Мекке в конце 80-х годов того же столетия¹⁰⁷. Влияние военной силы дружины рабов в

---

¹⁰⁵ Ch. Doughty, *Travels in Arabia Deserta*, vol. 2, p. 50; C. Guarnani, *Northern Najd...*, pp. 46—48, 91—92; R. Montagne, *La civilisation du désert...*, pp. 151—158; W. G. Palgrave, *Narrative...*, vol. 1, pp. 109—113.

¹⁰⁶ Ch. Doughty, *Travels in Arabia Deserta*, vol. 2, p. 368.

¹⁰⁷ J. L. Burckhardt, *Travels in Arabia*, vol. 1, pp. 415—417; Ибн Ганнам, ч. 2, стр. 5.

какой-то мере сказывалось и на бедуинских шейхах. Возможность превращения абдов в правящий класс Аравии в ходе исторического развития не стала реальностью. Но как далеко могли зайти в обществе подобные тенденции, свидетельствует и тюркская гвардия Аббасидов, и мамлюки Египта, и янычары Османской империи.

Черты кастовости в аравийском обществе. Многоплановая структура аравийского общества еще более усложнялась элементами кастового деления и связанными с ними обычаями и предрассудками. В своей основе эти элементы определялись хозяйственной деятельностью, родо-племенными отношениями и классовым делением.

В Аравии именно бедуинов-верблюдоводов считали благороднейшими представителями рода человеческого. Сами они были твердо убеждены в своем превосходстве над оседлым и полuosедлым населением. Единственным достойным для себя занятием бедуины считали газу, разведение верблюдов и иногда торговлю. В бедуинских племенах «голубой крови» пастухи-овцеводы занимали приниженное положение и уважением не пользовались. Превращение кочевника-верблюдовода в овцевода или земледельца настолько умаляло его «благородство», что он с трудом мог вернуться в лоно настоящих бедуинов¹⁰⁸. Претензии на особое благородство своей крови бедуины обосновывали генеалогиями, корни которых уходили «во тьму веков». Специалисты по составлению генеалогий в Аравии всегда были обеспечены работой¹⁰⁹.

Следующими на ступеньке кастовой лестницы стояли овцеводы, которые свысока глядели на оседлых. За ними шли земледельцы, если они имели возможность возвести свою генеалогию к благородным предкам. Кастовое неравенство этих групп населения закреплялось их замкнутостью, отсутствием между ними устойчивых брачных связей. Беднейший бедуин редко соглашался выдать свою дочь замуж за состоятельного феллаха.

Над тремя прослойками аравийского населения, имевшими различную степень «голубизны» крови, высшалась знать. Она считала себя настолько же выше рядовых кочевников, насколько те превосходили «благородством» земледельцев: «Дома главных шейхов пле-

---

¹⁰⁸ R. Montagne, *La civilisation du désert*, p. 66.

¹⁰⁹ Ibid., p. 141.

мени, в противоположность всем остальным соплеменникам считавших себя потомками единого предка, зачастую претендовали на отличные от общеплеменных „благородные“ генеалогии... Кровь членов шейхских фамилий либо (обычно у бедуинов) вообще не имела цены, либо (чаще у полукочевников) стоила дороже крови простого соплеменника. Ломая предписанные обычным правом нормы родовой и племенной эндогамии, шейхи отдавали своих дочерей шейхам чужих племен и сами женились только на дочерях шейхов, причем брачный выкуп, принятый в шейхской среде, значительно превышал обычный»¹¹⁰. Племенную верхушку Ч. Доути назвал «аристократией по крови и происхождению (общему предку)»¹¹¹. Такого же мнения придерживался и К. Вольней: «В каждое племя входит одна или несколько главных семей, члены которых носят титулы шейхов, или сеньоров. Эти семьи представляют собой то же, что и римские патриции и европейские дворяне»¹¹².

Свое происхождение от бедуинской аристократии подчеркивали и оседлые феодалы. В ряде случаев они стремились сохранять бедуинский образ жизни и поддерживали родственные отношения с кочевой знатью.

«Низшие» племена (сулубба, хитайм, шарарат) были париями, отверженными аравийского общества. Назвать кого-либо другого их племенным именем значило нанести тяжкое оскорбление. Члены «низших» племен должны были проявлять знаки почтения к «благородным» арабам. Те, в чьих жилах текла «благородная кровь», никогда не вступали в брак с «низшими»¹¹³. О происхождении этих племен рассказывали позорящие их легенды. Это не мешало юношам из знатных фамилий, пользуясь большой свободой нравов в «низших» племенах, заводить там любовниц, особенно из числа сулуббов. Примерами подобного рода полна устная бедуинская поэзия¹¹⁴.

В современной науке одни исследователи полагают, что некоторые из «низших» племен, в частности сулубба,

---

¹¹⁰ А. И. Першиц, *Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии...*, стр. 147—148.

¹¹¹ Ch. Doughty, *Travels in Arabia Deserta*, vol. 1, p. 251.

¹¹² C.-F. Volney, *Voyage en Syrie et en Egypte...*, p. 207.

¹¹³ L. Pelly, *A visit to the Wahabee capital...*, pp. 189—190.

¹¹⁴ R. Montagne, *La civilisation du désert...*, pp. 110, 134.

доарабского или даже досемитского происхождения¹¹⁵. Другие считают, что они появились на полуострове позже арабов¹¹⁶.

В аравийском обществе ремесленников (суннаа) презирали в еще большей мере, чем «низшие» племена. Занятие профессиональным ремеслом, особенно ткачеством, было самым последним делом для араба. Это налагало несмываемое пятно позора не только на него, но и на его детей. Слово «ремесленник (сани)» было оскорбительным. С суннаа часто гнушались вступать в брачные отношения даже члены «низших» племен. Некоторые ремесленники (в частности, кузнецы) создали обособленную касту, рассеянную по всему полуострову, и считали себя членами одного племени¹¹⁷. Ремесленники из числа вольноотпущенников и иностранцев не входили в их организацию.

На самой низкой ступени общественной лестницы в Аравии находились абды — рабы и вольноотпущенники. Только они вступали в брак с «низшими» племенами и ремесленниками, и не исключено, что этническое своеобразие и «низших», и суннаа вызвано именно этим обстоятельством.

Деление аравийского общества на группы с кастовыми признаками часто не совпадало с делением на эксплуататоров и эксплуатируемых. В каждой из «отверженных» прослоек населения — у «низших» племен, суннаа, абдов — была своя элита, свои богачи. Их богатство иногда превышало состояние не только рядовых бедуинов, но и представителей кочевой аристократии. Рабы — чиновники крупнейших феодалов — иногда возносились над многими представителями оседлой или кочевой знати. Однако самый беднейший бедуин смотрел свысока на влиятельного наместника-абда и ни при каких обстоятельствах не выдавал за него дочь.

Аравийское общество в развитии. В Аравии XVIII—XIX вв. безусловно существовало классовое, эксплуататорское общество. Но классовые грани в нем пролегали изломанными линиями: не только между имущими и не-

¹¹⁵ Ibid., p. 18.

¹¹⁶ J. R. Wellsted, *Travels in Arabia*, vol. 2, pp. 258—260; Ch. Doughty, *Travels in Arabia Deserta*, vol. 1, pp. 280—282; H. Philby, *The heart of Arabia*, vol. 1, p. 268.

¹¹⁷ A. Musil, *The manners and customs...*, pp. 136, 281.

имущими, знатью и подданными, но и между бедуинами-верблюдоводами и полукочевым и оседлым населением, между «благородными» и «низшими» племенами, между свободнорожденными и абдами. В ряде случаев эти классовые грани затушевывались патриархально-родовыми отношениями и элементами кастовых различий.

В свете рассмотренного материала невозможно разделить точку зрения З. Н. Степановой, которая разложение патриархально-родовых отношений и появление классов в Аравии в целом относит к XX в. «С ростом оседлости, производительных сил, с ростом имущественного расслоения, с делением на богатых и бедных неизбежно было связано появление классовых, антагонистических противоречий, — пишет она. — Особенно организация оседлого населения перерастала рамки рода в соответствии с возникновением классовых отношений. Назревала необходимость появления органов для защиты крупной собственности и господства над народом. Возникала необходимость в государстве»¹¹⁸. Потратив несколько десятков страниц на историю эмирата Саудидов, она не заметила, что этот эмират был государством.

Прямо противоположного мнения придерживается А. И. Першиц. Отмечая сложный характер взаимоотношений различных групп населения, переплетение классовых, патриархально-родовых и кастовых отношений, он тем не менее приходит к выводу, что «основными классами североаравийского общества были класс феодалов и класс феодально-зависимых крестьян. К первому из них наряду с крупными оседлыми землевладельцами и кочевыми шейхами принадлежали различные категории средних и мелких эксплуататоров феодального типа — городские купцы, ростовщики, раскрестьянившиеся деревенские богатеи; ко второму — феодально-зависимые феллахи, кочевники, африканские вольноотпущенники»¹¹⁹. При всех оговорках подобное определение в принципе ставит на одну доску и бедуина «благородного» племени — соучастника внешнеэксплуататорской деятельности своего шейха, и полукрепостного вольноотпущенника, и презируемого ремесленника, а шейха посе-

¹¹⁸ З. Н. Степанова, *Борьба арабов за объединение Центральной Аравии...*, стр. 153.

¹¹⁹ А. И. Першиц, *Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии...*, стр. 142.

ления абдов — даже выше рядовых кочевников аназа, мутайр или харб. С таким выводом трудно согласиться.

Можно ли считать, что рассмотренный общественный строй сложился в Аравии лишь в XVIII в.? Очевидно, нет. Правда, проблема определения хронологических рамок его существования требует особого изучения. Но, например, отдельные сведения европейцев об аравийской жизни в средние века не противоречат позднейшей информации. Сообщения Ибн Халдуна о североафриканском обществе XIV в. в зоне пустынь и полупустынь, у которого так много сходных черт с аравийским и куда вместе с арабскими племенами несомненно перекочевали и их общественные отношения, подкрепляют подобную точку зрения¹²⁰. Такие черты общественной системы Аравии XVIII—XIX вв., как химы, дахалья, замена кровной мести выкупом, гвардия рабов в Мекке, были известны еще в Аравии времен зарождения ислама¹²¹, хотя не исключено, что за много столетий содержание некоторых институтов приобретало более классовый оттенок. «Салуки» доисламской поэзии живо перекликаются с немущими бедуинами XVIII—XIX вв., а эпитетом представителей племенной знати в VI—VII вв. было «обладатели сотен (верблюдов)»¹²². Поэтому, учитывая, что за последние несколько столетий вплоть до XX в. не произошло никаких революционных сдвигов в развитии производительных сил Аравии, допустимо полагать, что подобная общественная система с теми или иными модификациями и постепенным углублением классовых различий сохранялась продолжительное время.

Факторы децентрализации и объединения. Со времен Мухаммеда и до появления ваххабизма Аравия не знала

---

¹²⁰ См. по этому вопросу работу Н. А. Иванова «Свободные и податные племена Северной Африки в XIV в.» (в сб. «Арабские страны. История», М., 1963). Он отмечает, например, «особую прочность и жизненность... родо-племенной организации в свободных племенах», «дополнительные функции, которые приобрела родо-племенная организация; объединяя действия сравнительно большого кровнородственного коллектива, она и обеспечивала господство свободных бедуинских племен над земледельческим населением и податными племенами» (стр. 185—186).

¹²¹ Е. А. Беляев, *Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье*, стр. 69—78.

¹²² Н. Lammens, *L'Arabie occidentale avant l'Hégire*, Beyrouth, 1928, p. 189.

единой власти, стабильности, мира. На протяжении веков она лежала раздробленной по большей части на мелкие и мельчайшие оазисы-государства или их объединения, кочевые племена или их конфедерации. Экономическая разобщенность отдельных оазисов и племен — этих самостоятельных хозяйственных единиц — и размеры пустынного полуострова, где островки человеческой жизни были порой разделены сотнями километров, действовали как факторы децентрализации. Объединению также препятствовали племенные и местнические различия арабийского населения, диалектальные особенности языка, пестрота и противоречивость религиозных верований и представлений.

Племенная и оазисная знать была заинтересована в усилении эксплуатации подвластного населения и расширении границ своей власти с целью увеличения источников обогащения. Устремления каждой из отдельно взятых племенных и оазисных группировок знати сталкивались с подобными же тенденциями соседей. Во взаимной борьбе истощались силы. Но бывало, что та или иная группировка знати, опиравшаяся на военную мощь бедуинов или оседлых и имевшая во главе талантливого вождя, широко распространяла свое господство. В результате образовывались государства на сравнительно обширной территории. Главной побудительной силой объединения была совместная экспансия, которая обеспечивала им военную добычу. В Аравии существовали обширные районы, где центробежные силы феодально-племенной анархии перемежались с центростремительными силами объединения. Это Хиджаз, Неджд, Хаса, Йемен, Оман.

На территории крупных государственных объединений в результате установления безопасности и притока богатств извне могло идти развитие производительных сил несколько ускоренными темпами. Но затем наступательный порыв иссякал, внутренняя борьба и соперничество подтачивали прочность власти, знать усиливала эксплуатацию подвластного населения, создавая предпосылки внутреннего недовольства, центробежные силы брали верх и государства распадались. Этот процесс мог резко ускориться в случае каких-либо стихийных бедствий и эпидемий.

Можно считать поэтому, что в раздробленной Аравии

на протяжении веков существовали потенциальные силы объединения, а в любом из образующихся централизованных государств начинали действовать мощные силы распада.

Первое государство Саудидов не было исключением в этом ряду. Оно, однако, достигло могущества и расширения, невиданного со времен зарождения ислама, а эпоха наложила неизгладимый отпечаток на его характер и предопределила его судьбу.

Османская империя и Аравия, ослабление иностранного влияния на полуострове к середине XVIII в. Мусульманские империи, возникавшие и распадавшиеся на Ближнем и Среднем Востоке, прямо или косвенно оказывали воздействие и на Аравию. Начиная с XVI в. постоянным фактором аравийской политики стали турки. Вскоре после захвата ими Египта наступила очередь Хиджаза, а затем Йемена. В Джидду, морские ворота Мекки, Порты назначала трехбунчужного пашу, которому сначала принадлежала большая часть доходов джиддийской таможни. Небольшие турецкие гарнизоны временами находились в Мекке, Медине, Джидде и некоторых других пунктах. Из Стамбула в Мекку и Медину посылали отдельных чиновников. Все же власть турок в Хиджазе была больше номинальной, и местные правители во внутренних делах, как правило, пользовались широкой автономией, если не сказать независимостью.

Присоединение в XVI в. Ирака к Османской империи еще не означало, что он попал под безраздельное господство Порты. Большую долю независимости вплоть до конца XVII в. сохранили арабские эмиры Басры. Правители Багдада или Басры оказывали влияние на ход событий в Хасе. Иногда в города Восточной Аравии турки направляли небольшие гарнизоны. Но власть их была призрачной.

Центральная Аравия сохраняла и формальную и фактическую независимость от турок.

Так обстояло дело даже в пору наибольшего расцвета Османской империи.

После поражения под Веной в 1683 г. было остановлено турецкое наступление на Европу. К началу XVIII в. Османская империя вступила в полосу заката. Хотя на Востоке в первые десятилетия XVIII в. турки смогли одержать верх над персами, но это не меняло общего по-

ложения. Османская империя еще владела обширными территориями в Европе, Азии и Африке, где были сосредоточены огромные природные богатства и людские ресурсы. Однако основа турецкого могущества — военно-феодальная система — неумолимо разрушалась.

Новые помещики феодального типа превратили на практике бывшие военные лены в свою собственность, считали себя ничем не обязанными государству, отказывались нести военную службу. Падала боевая мощь янычар. Они обзаводились семьями, занимались ремеслами, торговлей. Зато янычары приобрели особый вес и влияние во внутренних делах в роли преторианской гвардии. Они участвовали в дворцовых интригах, свержали везиров и султанов, приводили в трепет Порту. Былая дисциплина солдат и чиновников Османской империи сменилась полной распущенностью и коррупцией.

В результате военных поражений отпал важнейший источник доходов правящего класса — военное ограбление побежденных. Тем с большей беспощадностью турецкие феодалы и чиновники грабили трудовое население империи, прежде всего крестьян. Разорение сельского хозяйства, основы экономики Османской империи, шло все более быстрыми темпами. Непосильные, хищнические поборы и налоги (числом почти до сотни), выколачиваемые через откупную систему, подрывали какую-либо основу даже для простого воспроизводства. Деревни пустели. Под «мертвыми» землями находилась половина земельного фонда империи. Грабежи, вымогательства разоряли и городское население. Пожары, эпидемии и другие катастрофы уносили тысячи жертв.

Ни жизнь, ни собственность в Османской империи не были гарантированы. Султан, провинциальные правители и более мелкие феодалы и чиновники казнили людей часто только для того, чтобы затем конфисковать их имущество. Лишь богословы пользовались личной безопасностью и неприкосновенностью собственности. Чтобы избежать конфискаций, разоряющиеся ленники и мелкие собственники передавали в вакфы свои угодья и дома и пользовались ими на правах аренды. К концу XVIII в. две трети обрабатываемых земель стали вакуфным имуществом.

Оценивая общий кризис Османской империи, К. Маркс и Ф. Энгельс сравнивали ее с гниющей и раз-

лагающейся лошадиной падалью, которая, подобно всякому другому гниющему телу, «обильно выделяет в окружающую среду болотный газ и другие „благоухающие“ газообразные вещества»¹²³.

Провинции Османской империи приобретали все большую самостоятельность, оказывались во власти полунезависимых хищных феодальных группировок. Не удивительно, что в этих условиях Порты потеряла какую-либо реальную власть и над аравийскими территориями.

Мекканские шерифы вели себя все с большей самостоятельностью и переставали считаться с турками. Титул джиддийского паши султаны давали лицам, которые чаще всего никогда не появлялись в Хиджазе. Все большую долю доходов от джиддийской таможни забирали себе мекканские шерифы. Кочевые племена господствовали на путях паломников. Устойчивость позиций Порты в Хиджазе в те годы определялась не ее военным могуществом, а скорее заинтересованностью хиджазской знати и всего населения в доходах от паломников, приходивших главным образом из Османской империи, и в богатых подарках от турецких султанов¹²⁴.

Что касается Йемена, то вскоре после турецкого завоевания, в первой половине XVII в., он уже добился и формальной и фактической независимости.

В 70-х годах XVII в. Баррак ибн Гурай, шейх одного из подразделений племени бану халид, объединил все племя, изгнал небольшие турецкие отряды из некоторых оазисов Хасы и оградил Восточную Аравию даже от призрачного турецкого контроля. Власть над богатой земледельческой провинцией Аравии сосредоточилась в руках шейха одного племени¹²⁵. Бану халид начали совершать набеги в сторону Ирака, но эти налеты не стали систематическими.

Уменьшение иностранного вмешательства в дела Аравии проявилось и в постепенном ослаблении позиций Португалии на побережье Персидского залива.

В середине XVII в. португальцы были изгнаны из Омана, который они захватили в XVI в. Что касается

---

¹²³ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Британская политика. — Дизраэли. — Эмигранты. — Мадзини в Лондоне. — Турция*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 9, стр. 5.

¹²⁴ См.: С. Niebuhr, *Voyage...*, vol. 2, pp. 16, 26—29, 178—179.

¹²⁵ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 64—65.

англичан и французов, то их колониальная экспансия в Аравии относится больше ко второй половине XVIII в. Вторжения персов в прибрежные города Восточной Аравии в начале XVIII в. производились лишь спорадически и не привели к их прочному закреплению в этом районе полуострова.

Ко времени появления ваххабизма Аравия на несколько десятилетий в значительной мере оказалась предоставленной самой себе.

Неджд, Хиджаз и Хаса в первой половине XVIII в. Центральная Аравия в XVII — начале XVIII в. подвергалась нашествиям восточных и западных соседей, хотя это не исключало отдельных успешных рейдов недждийских кочевых племен на оазисы и племена Хиджаза и Хасы. Хиджазцы нападали почти на все провинции Неджда, в первую очередь на Касым, а также на кочевников Центральной Аравии — аназа, мутайр, зафир. Некоторые центральноаравийские племена и оазисы платили дань правителям Мекки. Ибн Бишр называет отдельных лиц из правящей аристократии Хиджаза шерифами Неджда¹²⁶. По мнению Г. Филби, это служит доказательством стремления мекканских шерифов обосновать свои притязания на внутренние области Аравии¹²⁷.

В начале XVIII в. экономическое положение Хиджаза необычайно ухудшилось. В результате страшного голода Мекка обезлюдела¹²⁸. Борьба за власть, внутренние неурядицы в ней усилились настолько, что рейды во внутренние районы Аравии стали не по силам хиджазцам. Последние крупные походы на Неджд были предприняты в середине 20-х годов XVIII в.¹²⁹. Затем на несколько десятилетий вмешательство хиджазцев в дела Центральной Аравии прекратилось.

Шейх племени бану халид Баррак после установления господства над Восточной Аравией начал набег на бедуинов, кочевавших между Хасой и Недждом, а затем и на Неджд. Его наследники продолжали экспансию. Набегам хасцев подвергались Хардж, Судайр, Садик, Арид. Бану халид и присоединенные к ним племена Хасы стали могущественными участниками в борьбе за

---

¹²⁶ Там же, стр. 61, 85, 110—122.

¹²⁷ H. Philby, *Saudi Arabia*, p. 18.

¹²⁸ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 223.

¹²⁹ Там же, стр. 138.

влияние в Неджде, за долю в грабеже его населения. Иногда они вступали в союз с некоторыми центрально-аравийскими оазисами, городами, кочевыми племенами. Набеги бану халид на Неджд проводились почти каждый год.

В 1722/23 г. умер способный вождь бану халид Саадун¹³⁰. Среди племенной верхушки началась междоусобная борьба, которая хотя и не привела к распаду объединения, но значительно ослабила его. Тем не менее в Неджде с бану халид считались, их боялись, но об их господстве над Центральной Аравией в те годы говорить не приходится.

Отдельные оазисы и племена бедуинов Неджда сохранили самостоятельность. Крупных объединений, играющих роль доминирующей силы, здесь не было. Даже оазисы-города Аяйна, Дерийя, Рияд, которым суждено было сыграть важную роль в борьбе за гегемонию в Неджде, вряд ли поднимались над средним уровнем. Их преимущество заключалось в том, что они все были расположены в районе Арида, центральной провинции Неджда, где скрещивались торговые пути. Но одно лишь географическое положение не давало оснований считать, что именно они могли стать центром всенедждийского, а тем более всеаравийского государственного объединения. Их соперники из Касыма, Харджа, Джебель-Шаммара вполне могли «предъявлять права» на такую же роль. Вряд ли можно согласиться с Г. Филби, утверждавшим, что уже в начале XVIII в. Дерийя была одним из претендентов на господство не только в Неджде, но даже во всей Аравии¹³¹.

Положение в центральной части Неджда в первые десятилетия XVIII в. характеризовалось равновесием сил между основными противниками. Дерийя только-только выходила из периода внутренней неустойчивости, смут и борьбы за власть внутри правящей аристократии. Убийства и предательства следовали одно за другим, пока, наконец, во втором десятилетии эмиром оазиса не стал Сауд ибн Мухаммед ибн Микрин, основатель династии Саудидов.

Правление Сауда было недолгим. В июне 1725 г. он

---

¹³⁰ Там же, стр. 218.

¹³¹ H. Philby, *Saudi Arabia*, p. 30.

умер¹³², и после его смерти верховенство в оазисе отчаянно оспаривали несколько соперников. Описание их борьбы приводит Ибн Бишр, и даже если детали не соответствуют действительности, все же в целом информация неждийского летописца достаточно хорошо характеризует нравы той эпохи.

Место Сауда занял его двоюродный брат Зейд. Брат Сауда Микрин, желая стать эмиром, решил убить Зейда. Он пригласил эмира в гости. Тот, почуяв неладное, потребовал, чтобы его безопасность была гарантирована Мухаммедом, сыном Сауда, и двоюродным братом Микрина. Тем не менее когда Зейд приехал в гости к Микрину, то на эмира было совершено покушение. Произошла схватка. Хозяина загнали в уборную и там убили. Зейд остался правителем оазиса¹³³.

Правители Аяйны в те годы были заняты войной с соседями — Манфухой и Садиком, а также с окрестными племенами бедуинов. Военные действия не выходили за рамки рейдов местного значения. В 1725/26 г. Аяйну опустошила страшная эпидемия холеры¹³⁴. Удар, постигший ее, оказался настолько тяжелым, что она на многие годы вышла из борьбы за преобладание в Центральном Неджде.

Этим воспользовался Зейд, который в следующем году выступил против обезлюдившего оазиса. Эмир Аяйны Мухаммед ибн Муаммар выразил готовность подчиниться ему, но замыслил хитрость: заманив дерийцев к себе в дом, он убил Зейда. Мухаммеду ибн Сауду с группой воинов удалось спастись. Он и стал эмиром Дерийи¹³⁵.

В конце 30 — начале 40-х годов власть в Рияде захватил смелый и энергичный Даххам ибн Даввас, который в течение десятилетий оставался самым упорным и беспощадным противником Дерийи. Вот как описывает историю его возвышения Ибн Ганнам:

«Его отец был правителем (раисом) в Манфухе; он овладел оазисом, а затем злодейски убил некоторых его жителей из числа земледельцев. Он правил в оазисе некоторое время. После его смерти начал править его сын

---

¹³² Ибн Бишр, ч. 1, стр. 157, 160, 212, 223—224.

¹³³ Там же, стр. 234—235.

¹³⁴ Там же, стр. 99, 224, 229.

¹³⁵ Там же, стр. 234—235.

Мухаммед. Против него восстал Замиль ибн Фарис, сын его дяди, а с ним некоторые жители Манфухи; они убили его и изгнали его братьев. Среди изгнанных был Даххам, а также его братья Абдаллах, Турки, Мишляб, Фахд. Они поселились в Рияде.

Правителем этого оазиса был Зейд ибн Муса Абу Зура. Его убил без какой-либо причины его безумный племянник, который поднялся на крышу дома, где спал эмир, и ударил его кинжалом. Затем появился один из рабов Зейда, по прозвищу Хамис, который убил племянника эмира. И завладел упомянутый раб Риядом. Дети Зейда в то время были малолетними, и Хамис утверждал, что он будет править от их имени, пока они не станут способными [управлять]. Хамис правил в Рияде три года, потом он бежал из него в страхе перед жителями оазиса за свои дела. Он некоторое время жил в Хайре, потом в Манфухе. Затем напал на Хамиса человек из нее (Манфухи. — А. В.) жителей, отца которого он убил во время своего правления в Рияде, и убил его.

Остался Рияд некоторое время без правителя. Даххам ибн Даввас, в то время когда Хамис завладел Риядом, стал его слугой. Когда же после бегства Хамиса Рияд остался без правителя, Даххам стал его раисом. Сын Зейда Абу Зура был сыном сестры Даххама, и Даххам утверждал, что будет его заместителем (наибом), пока мальчик не вырастет, а затем он откажется от власти. [Однако] потом Даххам выслал сына Зейда из Рияда.

Даххама возненавидели жители Рияда и пожелали его убить или сместить. Они собрались, окружили его и осадили его замок. Но были они простым народом и сборищем, не было у них предводителя. Даххам послал своего брата Мишляба на коне к эмиру Дерийи Мухаммеду ибн Сауду с просьбой помочь ему и победить этих подданных (райя)...

Ибн Сауд оказал ему самую лучшую помощь: он послал Мишари ибн Сауда, своего брата, с воинами, и они пришли, и вышел из замка Даххам с теми воинами, и убили они из жителей Рияда троих или четверых, а остальные бежали.

После этого укрепилось его владение над оазисом и стал он раисом и вали. Мишари оставался у него несколько месяцев и не ожидал, что Даххам проявит такую

подлость и злобу... Возросло его распутство и неслыханные злодеяния, и увеличилась его злоба на подданных, и много потерпели они от него. И его страшные дела напоминают... фараонский суд. Он разгневался однажды на женщину и приказал зашить ей рот. Он разгневался на одного мужчину, приказал отрезать кусок мяса из его бедра и сказал: „Нужно съесть его постепенно“. Выхода не было, и мужчина, которого пытали, обещал съесть это мясо, предварительно поджарив его. Но не помог ему в этом Даххам, и [несчастный] съел мясо. Или еще: разгневался он однажды на заключенного. Сказали, что он освободился от цепей с помощью зубов, и приказал Даххам железной палкой выбить ему зубы. Разгневался он на другого человека и приказал отрезать ему язык, и сделали это его помощники [ааван]. И примеров подобных дел много»¹³⁶.

Отрывок из Ибн Ганнама о возвышении Даххама ибн Давваса, как и материалы о развитии событий в Дерийе и Аяйне, повествует о борьбе за власть, жестокой междусусобице, взаимных разорительных набегах и грабежах, которые стали нормой политической жизни в Неджде в первой половине XVIII в. Неустойчивости правления способствовала неопределенность прав наследования, нередко против детей умершего правителя поднимались его братья и племянники. Только расшатанностью системы феодального правления Неджда в оазисах в тот период можно объяснить захват власти в Рияде рабом.

Произвол и тирания оазисной знати достигли крайних форм. Эксплуатация принимала хищнический характер. Есть основания предполагать, что в это время усиление эксплуатации земледельцев феодалами привело к обостренной классовой борьбе. Так, Ибн Ганнам сообщает о восстании возмущенного до точки кипения населения против Даххама. А посылку Ибн Саудом своего брата на помощь Даххаму можно считать проявлением своего рода классовой солидарности феодалов.

Об усилении эксплуатации в недждийских оазисах свидетельствует и ряд косвенных данных. Только ею можно объяснить немедленную отмену налога на крестьян после присоединения к ваххабизму дерийской зна-

---

¹³⁶ Ибн Ганнам, ч. 2, стр. 5—6.

ти¹³⁷, сильное звучание уравнилельных мотивов в идеологии ваххабизма. Возрождение ваххабитами старой мусульманской нормы, запрещающей лихвенные проценты, видимо, было реакцией на жестокий гнет ростовщиков.

На общее положение в Неджде и во всей Аравии оказывали влияние и внешние факторы.

Еще в XVI в. непоправимый удар по всей ближневосточной торговле нанесло освоение морского пути из Европы в Индию. Упало мореходство и в Красном море, и в Персидском заливе, сократилась караванная торговля. Развитие кофейных плантаций в Йемене в XVII в. и красноморская торговля кофе лишь незначительно поправили положение¹³⁸.

В XVIII в. экономическое положение стран Ближнего и Среднего Востока и, в частности, Аравии резко ухудшилось. Экономический упадок Османской империи в XVIII в., разрушение производительных сил, сокращение торговли не могли не привести к уменьшению закупок главного транспортного средства—верблюдов. Паладала транзитная торговля с Индией через Хиджаз¹³⁹. Междоусобная борьба в Османской империи, разорение населения приводили к сокращению паломничества. Все это больно било по аравийским бедуинам.

Можно полагать, что разорительные турецко-персидские войны начала XVIII в. оказались губительными для иранско-иракского хаджа, что отозвалось на доходах населения Неджда. В таких обстоятельствах бедуины, очевидно, удвсили грабеж местного оседлого населения и редких караванов, чтобы компенсировать потерю доходов от паломников. Недаром ваххабиты с такой страстью будут следить впоследствии за безопасностью на дорогах.

И политическая устойчивость, и прекращение грабежа бедуинов, и безопасность торговых связей могли быть достигнуты только в условиях централизованного государства. Обеспечить массовую поддержку такому государству могла политика ослабления классового

---

¹³⁷ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 12.

¹³⁸ Т. Е. Marston, *Britain's imperial role in the Red sea area (1800--1878)*, p. 25.

¹³⁹ М. Abir, *Relations between the government of India...*, p. 34.

гнета. Но чтобы при этом не пострадали интересы знати, централизованное государство должно было найти для нее внешние источники обогащения, т. е. военную добычу.

В этот момент в Неджде зародилось мощное религиозное движение, социально-политическое содержание которого отвечало задачам, стоявшим перед аравийским обществом в целом и перед Центральной Аравией в частности.

УЧЕНИЕ МУХАММЕДА ИБН АБД АЛЬ-ВАХХАБА

Жизнь основателя ваххабизма до начала политической деятельности. «Назад тому около полувека, как секта сия (т. е. ваххабизм. — А. В.) была основана арапским шеком по имени Магометом. По утверждениям ваабиев он происходил от Абдель Вааба, сына Солиманова. Древнее есть предание между ими, что оный Солиман, бедный арап малого негдийского поколения, видел некогда во сне, что пламя, выходящее из тела его, распространилось далеко по полям, истребляя в проходе своем палатки в степях и жилища в городах. Солиман, утраченный сим сновидением, требовал истолкования от шеев своего поколения, которые почли его щастливым предзнаменованием. Объявив ему, что сын его будет основателем новой веры, к которой обратятся степные арапы, а ими жители городов будут покорены. Этот сон действительно сбылся не в особе Абдель Вааба, сына Солиманова, но внука его шека Магомета»¹, — писал в 1805 г. русский «Журнал различных предметов словесности». Приведенная легенда хорошо передает аромат той эпохи, но мало соответствует действительности.

Основатель религиозного и общественно-политического течения в Аравии, названного ваххабизмом, родился в Аяйне в 1703/04 г.² Его отец Абд аль-Ваххаб

¹ «Журнал различных предметов словесности», 1805, т. 2, № 1, стр. 20.

² Ибн Ганнам, ч. 1, стр. 25; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 6. Дата, приведенная Ф. Манженом, — 1696 г., объясняется лишь неправильным переводом 1116 г. х. на наше летосчисление (1116 г. х. = 1704/05 г.) (F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, p. 449).

ибн Сулейман был мусульманским судьей (кади). Его брат Сулейман ибн Абд аль-Ваххаб рассказывал летописцу Ибн Ганнаму, что в детстве будущий основатель новой мусульманской секты проявлял большие способности, выучил Коран, не достигнув и 10 лет. Первым учителем Мухаммеда был его отец. Мальчик хорошо освоил толкование Корана (тафсир) и предания о жизни пророка (хадисы). В 12 лет Мухаммед уже достиг зрелости, начал молиться с мусульманской общиной, и Абд аль-Ваххаб женил его.

После женитьбы будущий вероучитель с разрешения отца совершил паломничество в Мекку, затем два месяца прсбыл в Медине и вернулся домой. Он много путешествовал по «соседним странам», побывал несколько раз в Хиджазе и Басре. Затем жил в Хасе³.

В качестве его мединского учителя называют некоего Абдаллаха ибн Ибрагима ибн Сайфа, одного из знатных людей оазиса Малжмаа в Судайбе. Вероучитель рассказывал впоследствии об Абдаллахе ибн Сайфе следующее: «Сказал мне однажды шейх: „Хочешь, я покажу тебе оружие, которое я приготовил для нее (Маджмаа. — А. В.)?“ Я сказал: „Да“. Он ввел меня в дом, в котором было много книг. И сказал он: „Вот, что мы пригостили для нее“»⁴. Ибн Абд аль-Ваххаб намекал тем самым, что его мединский учитель готовил какое-то «идеологическое оружие» для борьбы с распространенными в его оазисе верованиями.

Когда Ибн Абд аль-Ваххаб находился в Басре, он обратился с призывом вернуться к нормам «истинного единобожия» в исламе. Он «проповедовал свое учение знати и другим людям, но был изгнан»⁵.

По пути из Басры в Зубайр он едва не погиб от жажды, но был спасен одним из жителей Зубайра, ехавшим на осле⁶. Возможно, история с жаждой во время пути и неожиданным спасением — легенда: очень уж она напоминает подобные же легенды о пророке и других героях ислама.

Ибн Абд аль-Ваххаб затем жил некоторое время в Хасе у богослова Абдаллаха ибн Абд аль-Латыфа. Он

³ Ибн Ганнам, ч. 1, стр. 25—26; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 6—7.

⁴ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 7.

⁵ Там же, стр. 8; Ибн Ганнам, ч. 1, стр. 28.

⁶ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 8.

намеревался совершить путешествие в Сирию, но у него не хватило денег. Тогда Мухаммед направился в Хураймлю, оазис в Неджде. Сюда переселился его отец в 1726/27 г. из-за ссоры с новым правителем Аяйны, захватившим власть после смерти покровителя Абд аль-Ваххаба⁷. В Хураймле вероучитель с новой энергией начал проповедовать свои идеи и даже спорил с отцом. Он оставался в оазисе несколько лет. В этот период им была создана «Книга единобожия». «Дело шейха прославилось по всему Ариду — в Аяйне, Дерийе, Манфухе... Люди разделились на его врагов и друзей...»⁸.

В 1740/41 г. умер Абд аль Ваххаб, и Мухаммед, видимо, стал судьей вместо отца. Хураймля в то время была поделена между двумя подразделениями одного племени, возможно независимыми друг от друга. Проповеди вероучителя вызвали недовольство части жителей оазиса. «В Хураймле жили абды, принадлежавшие одному из подразделений. Они были известны своим развратом. Ибн Абд аль-Ваххаб захотел обратить их в истинную религию. И решили тогда абды убить шейха»⁹, — пишет Ибн Бишр. Проповедник случайно спасся и был вынужден бежать в Аяйну¹⁰.

В европейской востоковедной литературе широкое распространение получили сообщения о путешествии Ибн Абд аль-Ваххаба в Дамаск, Багдад и некоторые города Ирана. Эти сведения нашли отражение и в таком международном издании, как «Энциклопедия ислама». В 1933 г. известный востоковед Д. Марголиус в статье «Ваххабизм», основываясь на анонимной рукописи «Блеск метеора в житие Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба», также изложил эту версию.

Д. Марголиус утверждал, что вероучитель прожил в Басре четыре года. Затем в течение пяти лет он находился в Багдаде, где женился на богатой женщине. Она умерла, оставив Ибн Абд аль-Ваххабу 2 тыс. динаров. Год он был в Курдистане, два года — в Хамадане, после чего отправился в Исфахан. Это случилось в начале

---

⁷ Там же.

⁸ Ибн Ганнам, ч. 1, стр. 29—30.

⁹ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 8; Ибн Ганнам, ч. 1, стр. 29—30; F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, p. 449.

¹⁰ По сообщению Ф. Манжена, он оставался в Аяйне 8 лет, т. е. он прибыл туда в 1736/37 г. («*Histoire de l'Egypte...*», p. 449).

правления Надир-шаха (1736 г.). Там в течение четырех лет будущий проповедник изучал аристотелевскую философию и суфизм. В течение года он даже преподавал суфизм. Затем Ибн Абд аль-Ваххаб отправился в Кум, здесь он якобы стал приверженцем школы Ибн Ханбалы. Побывав в Куме, он вернулся в Аяйну¹¹. Эту версию привел несколько лет назад также один из потомков Ибн Абд аль-Ваххаба¹².

Встает вопрос: каким источникам больше доверять?

Летописи ваххабитов стали известны большинству европейских востоковедов уже после выхода в свет первого издания «Энциклопедии ислама». В ее новом издании еще не появился последний том со статьей о ваххабитах, но отдельные материалы энциклопедии, касающиеся того периода истории Аравии (например, статья о Дерийе), используют Ибн Бишра и Ибн Ганнама.

Утверждение, что Ибн Абд аль-Ваххаб стал ханбалитом после путешествий, вызывает сомнения, потому что большинство богословов оазисов Неджда, в том числе предки Ибн Абд аль-Ваххаба, были ханбалиты. Кроме того, в его сочинениях нет следов знакомства с Аристотелем.

Быть путешественником всегда считалось почетным в арабской истории, и ваххабитские летописцы не преминули бы добавить славы своему учителю, если бы что-либо знали о его далеких путешествиях.

Автор рукописи «Блеск метеора...», как сообщает «Энциклопедия ислама», был настроен враждебно к ваххабитам. Поэтому законно предположить, что, даже если он был современником Ибн Абд аль-Ваххаба, он не находился в его непосредственном окружении и описал его жизнь как сторонний наблюдатель.

Нельзя признать точной и дату возвращения вероучителя в Неджд (1742 г.), которую сообщает автор «Блеска метеора...». Ваххабитские летописцы возвращение Ибн Абд аль-Ваххаба в Неджд (причем не в Аяйну, а в Хураймилу) относят к 30-м годам. Их сведения подтверждает и хиджазский историк XIX в. Ибн Зайни Дахлан.

---

¹¹ «Encyclopédie de l'Islam», vol. 4, p. 1144.

¹² См. предисловие Абд аль-Азиза ибн Абдуррахмана к книге Ибн Абд аль-Ваххаба «Муфид аль-мустафид», стр. 13.

Он пишет, что Ибн Абд аль-Ваххаб начал свою проповедь в Неджде в 1730/31 г.¹³

Если принять сообщение рукописи «Блеск метеора...» только в ее первой части и предположить, что проповедник не высказал далее Ирака, то его возвращение в Неджд также падет на начало 30-х годов XVIII в. Однако других материалов, подтверждающих такое предположение, нет.

Долгие путешествия Ибн Абд аль-Ваххаба и упорные занятия богословием оказали решающее воздействие на формирование его мировоззрения. За эти годы он имел возможность познакомиться с культами и верованиями Аравии и соседних стран и определить свое к ним отношение, изучить богословские науки, толкование Корана, хадисы и их комментарии и почерпнуть в них аргументы для создания своего учения. Лишь рассмотрение той линии в исламе, выразителем которой он стал, с одной стороны, и духовной жизни Ближнего и Среднего Востока, в особенности Аравии, — с другой, позволит составить верное представление о его учении.

Сунна и бида в истории ислама. В средние века религия была господствующей формой идеологии. Политические и социальные течения и по объективным, и по субъективным обстоятельствам неизбежно принимали ту

---

¹³ Ахмед Дахлан, *Хуласат аль-калям*, стр. 228. Следует отметить, что данные о жизни Ибн Абд аль-Ваххаба Д. Марголиусом были несколько причесаны и в тексте «Блеска метеора...» несуряниц гораздо больше, чем удалось обнаружить по «Энциклопедии ислама». Возьмем хотя бы хронологическую сторону. Как сообщает летопись, вероучитель отправился в путешествие, имея 37 лет от роду (по лунному календарю), он провел примерно 6 лет в Басре, 5 лет в Багдаде, около года в Курдистане, 2 года в Хамадане (Иран), в начале правления Надир-шаха (1736 г.) он перебрался в Исфахан, где пробыл 7 лет, некоторое время он жил в Куме и других городах, полгода — в Халебе (Сирия), год — в Дамаске, некоторое время — в Иерусалиме, 2 года в Каире; затем он добрался до Мекки, из Хиджаза возвратился в Неджд, полтора-два года провел в Йамаме, и в 1150 г. х. (1737/38 г.) обосновался на некоторое время в Айне. Умер же он, по сообщению «Блеска метеора...», в 1212 г. х. (1797/98 г.). Автор отмечает, что Ибн Абд аль-Ваххаб постоянно менял свое имя и в Басре он был Абдаллахом, в Багдаде — Ахмедом, в Курдистане — Мухаммедом, в Хамадане — Юсуфом. Такое противоречивое изложение позволяет полностью отвергнуть версию о жизни вероучителя, содержащуюся в хронике «Блеск метеора...».

или иную религиозную форму или религиозный оттенок. Поиски новых идеологических форм, новых идеологических одежд для прикрытия нового общественного содержания — дело сложное, долгое и неблагодарное. Этим, как правило, сопровождались лишь крупнейшие из исторических переворотов. Мелкие социально-политические движения были вынуждены довольствоваться старыми идеологическими одеждами. Чаще всего они использовали ту религию, которая была в наличии. Для истории мусульманских стран это было еще более характерно, чем для истории христианских. Подобное положение особенно справедливо для такого отсталого района, каким была Аравия.

Чтобы понять, какую тенденцию выражал ваххабизм в рамках ислама, необходимо вкратце остановиться на некоторых линиях развития мусульманской идеологии.

Ислам зародился в хиджазском обществе первой трети VII в.; он отражал примитивное социальное расслоение, складывавшиеся там классовые отношения. Религиозная система арабов, выраженная сначала лишь в Коране, не могла удовлетворить запросы гораздо более развитого общества в странах, завоеванных ими. Появилась потребность придать исламу характер, более соответствующий этому феодальному обществу, интересам его правящего класса. С этой целью были созданы многочисленные предания о жизни и деятельности пророка (хадисы), которые определили кодекс поведения и взглядов, основанный якобы на поведении и взглядах пророка, для всех случаев жизни. Этот кодекс получил название «сунна».

Кодификация преданий была закончена приблизительно к X в. н. э., примерно через три столетия после появления ислама.

Число преданий было огромным. Даже в собранном и принятом ортодоксальным исламом виде они содержали массу неясных мест и противоречий. Да и ясные места в разные эпохи и в разных странах трактовались по-разному. Впоследствии каждое религиозное течение искало и находило предания, оправдывавшие его установки. В таком же плане использовался и Коран. Поэтому с точки зрения внешней богословской стороны можно повторить вслед за венгерским исламоведом И. Гольдцие-

ром: «История религии... это в то же самое время история толкования писания»¹⁴.

В сунне воплощалась застывшая традиция. Но с изменением условий жизни должны были меняться обычаи, а вслед за ними и традиции. Приспособление ислама к изменяющейся действительности осуществляется путем религиозного освящения новых традиций, доказательством их соответствия сунне. Эта операция проводится путем согласованного решения богословов (так называемая *иджма*) или через аналогию (*кияс*).

«Новшество», «нововведение», которое не находило прецедента в правоверных преданиях (*хадисах*), называлось «бида». «Новшество», пока оно не освящено с помощью *иджма*, — это полная противоположность сунне. Оно означает мнение, вещь или образ действия, которые раньше не были известны или не практиковались.

Таким образом, бида была ответом мусульманской религии на изменение общественной жизни, реакцией ислама на окружающую действительность, приспособлением к требованиям места и времени.

Можно также сказать, что история ислама в области догматики — это в значительной степени борьба традиций (*сунны*) и «новшества» (*бида*). По отношению главным образом к бида внутри ортодоксального ислама (*суннизма*) образовались четыре правоверные школы, или толка (*мазхаба*). Самым «либеральным» из них был ханифизм, самым крайним — ханбализм, который стоял на позиции полного отказа от бида. Ханбализм считал, что с точки зрения религиозной практики только то «законно», что предписано Кораном и сунной, и только в таком виде, как это предписано. Конечно, ханбализм охватывает широкий круг вопросов внутри ислама, его расхождения с другими правоверными толками затрагивают разные области, но в отрицании бида — его наиболее существенная черта.

Оставаться, однако, на позициях такой непримиримости, начисто отрицать возможность приспособления ислама к требованиям жизни чрезвычайно трудно. Ваххабизм (эта, как мы увидим, крайняя форма ханбализма) будет вынужден одобрить такие вещи, которые и не снились средневековым богословам (радио, велосипед,

---

¹⁴ I. Goldziher, *Le dogme et la loi de l'Islam*, p. 49.

телефон, а сейчас и телевизор). Но отрицательное отношение к беда тем не менее превратило ханбализм в самую негибкую форму ортодоксального ислама, что и привело к его очень незначительному распространению. Маленькая группа воинствующих ханбалитов оставалась бессильной перед лицом ортодоксального ислама именно потому, что она воевала против него с позиций «сверхортодоксальности». В то же время различные сектантские учения, ереси неоднократно служили теми отдушинами, через которые прорывалось недовольство; сектантская идеология нередко становилась знаменем движений угнетенных.

Одним из «новшеств», вошедших в ислам, был культ святых. Если для усиления идеологического воздействия на верующих вновь присоединенных территорий римляне просто включали в свой пантеон местных богов, то уже христианство пошло по пути создания районных святых. Новые культы впитали, трансформировав, местные культы. Поклонение местным божествам сменилось поклонением христианским праведникам. По такому же пути пошел и ислам. Культ святых в исламе в основном местного, доисламского происхождения; но прежних божков или христианских святых заменили исламские проповедники, сподвижники пророка, выдающиеся теологи. Включив в себя эти культы, ислам стал массовой религией, близкой широким социальным группам различных районов.

Распространение культа святых оказалось тесно связанным с деятельностью мистиков ислама — суфиев. Они приписывали святым способность творить чудеса, привлекая тем самым массы невежественных верующих. Суфии утверждали, что постичь божественную истину можно лишь при помощи интуиции, различными способами доводили себя до состояния экстаза, предавались аскетизму, чтобы добиться «слияния с божеством». Они проявляли, особенно на первых порах, презрение к условностям феодального общества, равнодушие к установленной канонической мусульманской обрядности.

В XI в. аль-Газали, этот Фома Аквинский ортодоксального ислама, ввел в правоверие некоторые элементы суфизма, в частности мистическую любовь к богу. Одновременно он включил в ислам определенные рационалистические идеи богослова X в, аль-Ашари. Так в общих

чертах сложилось суннитское правоверие — всеохватывающая идеологическая система, включающая в себя не только религию и ритуально-культовую сторону, но и философию, право, политические доктрины.

Ибн Таймийя. В начале XIV в. в Сирии появился решительный представитель крайней тенденции ханбализма — теолог Таки ад-Дин ибн Таймийя. Это одна из любопытнейших и противоречивых фигур теологической и философской мысли.

В плане богословском он в своих проповедях и сочинениях выступал за изменение существовавшей тогда формы ортодоксального ислама, категорически противопоставляя сунну «новшествам» (бида). Он ополчился против всех «новшеств», которые в религиозной теории или практике отходили бы от первоначального ислама. Ибн Таймийя выступил и против привнесения в ислам философских концепций ашаритов, и против суфиев, а также против культа святых и пророка. Он осудил как не соответствующее исламу паломничество к мавзолею пророка в Медине, что уже долгие годы считалось дополнением к паломничеству в Мекку.

Ибн Таймийя отвергал учение тех богословов, которые с помощью иджда придали законность подобным культам. Он брал за основу сунну, и только ее. Мишенью «новых» ханбалитов, последователей Ибн Таймийи, оказался столп ортодоксального ислама аль-Газали. Находясь на таких крайних позициях, Ибн Таймийя расходился по некоторым вопросам даже с ханбалитами.

Этот сирийский богослов в свое время не добился признания, его таскали с одного богословского суда на другой, и он умер в тюрьме в 1328 г., оставив после себя около 500 сочинений. Небольшая группа его последователей, первым и самым выдающимся представителем которой был Ибн аль-Кайим, окружила его имя сиянием святости. «Его влияние чувствовалось впоследствии и осуществлялось скрытым образом в течение четырех столетий. Его работы были предметом внимательного изучения и в мусульманских кругах играли роль молчаливой силы, которая время от времени производила взрывы враждебности против биды»¹⁵, — пишет И. Гольдциер.

---

¹⁵ Ibid., p. 224.

Ислам в Османской империи. Официальным толком ислама в Османской империи стал ханифизм, самая гибкая из четырех ортодоксальных школ, хотя признавались и другие ортодоксальные школы. Окончательное оформление религиозной системы здесь относится к XV—XVI вв.

Османский султан присвоил себе титул халифа, т. е. духовного главы всех мусульман, рассчитывая укрепить тем самым свой авторитет.

Богословы (улемы) были одной из самых влиятельных групп населения империи. На них опиралась Порта в делах религиозных, юридических, в области образования и интеллектуальной жизни. Во главе иерархии богословов стоял стамбульский муфтий — шейх-уль-ислам, равный по рангу великому везиру. Вслед за ним шли два кади-аскера, затем другие высшие богословы. Порта пыталась контролировать улемов через систему назначаемых кади (судей), осуществлявших надзор за юридическими и административными делами, и мухтасибов, следивших за моралью верующих и надзиравших за цеховыми организациями ремесленников и купцов.

Общее разложение Османской империи в огромной степени затронуло и мусульманское духовенство. Коррупция богословов, их жадность и несправедливость вызвали частые выступления против них простого люда.

В Османской империи XVIII в. с ортодоксальными улемами делили влияние и богатство также мистики ислама — суфии, которые к этому времени отказались от многих своих антисуннитских позиций. Вся империя покрылась сетью суфийских дервишских орденов. Значительно выросло число дервишей. С их орденами были связаны многие цеховые, профессиональные организации, жители одной местности. Например, широко известно о связи дервишского ордена Бекташи с янычарами. Суфии распространяли идеи фатализма и безволия, подрывая способность к протесту и решительным действиям.

Они, как и ранее, придавали исключительное значение поклонению святым, включая в них как пророков от Адама до Мухаммеда, так и многих знаменитых суфиев. Была даже создана иерархия живых святых. Суннитские богословы также поддерживали поклонение святым, и всякий, кто выступал против этого, рисковал оказаться

жертвой фанатиков. Суфии пропагандировали музыку, которая распространялась под их влиянием. Они пили спиртное, курили табак и гашиш, занимались астрологией, магией, предсказанием будущего.

Конечно, Аравия поддерживала с более развитыми странами Ближнего и Среднего Востока не только экономические, политические отношения, но и широкие связи в области идеологии, культуры. Тем не менее известная изолированность гигантского полуострова, особенности его общественного устройства порождали многие специфические формы духовной жизни Аравии.

Верования и культы доваххабитской Аравии. Привлекает внимание распространение ханбализма в оазисах Неджда, что было феноменальным явлением для мусульманского мира. Ваххабитские летописцы, упоминая о смерти знатных людей своей эпохи, не забывают и про ханбалитских богословов. Чем же объясняется сохранение этого островка ханбализма?

Центральная Аравия, оторванная в силу ряда обстоятельств от общего поступательного развития Ближнего Востока, не отошла далеко от того уровня общественного устройства, на котором стоял Хиджаз времен зарождения ислама, т. е. от уровня довольно примитивного эксплуататорского общества с его нечетким делением на классы.

В догматах раннего ислама, выработанных в первые века его существования, было много от идеологического оформления общественных отношений раннеисламского Хиджаза, от освященного хадисами обычного права Мекки и Медины. А так как ханбализм признавал в принципе только ранний ислам, то он в целом соответствовал потребностям центральноаравийского общества XVIII в.

Вместе с тем Центральная и Восточная Аравия всегда была пасынком мусульманских империй Ближнего Востока, сохраняя самобытность и самостоятельность. Поэтому здесь находили благоприятные условия также различные «еретические» течения, например хариджиты и их подразделение — ибадиты. Долгое время в районе Хасы существовало сильное государство карматов со своеобразной общественной структурой. В Омане большая часть населения принадлежала к секте ибадитов, а в Йемене — к умеренно шиитской секте зейдитов. В восточных и северо-восточных районах полуострова,

связанных с Южным Ираком и Ираном, многие арабы исповедовали шиизм.

В некоторых районах Йемена и Неджрана жили иудеи¹⁶. К. Нибур сообщает, что в Хасе встречались сабейцы¹⁷.

В городах и оазисах Хиджаза преобладали мусульмане различных правоверных толков.

Все оттенки ислама в Аравии мирно уживались с культом святых, широко распространенным по всему полуострову, и даже с пережитками идолопоклонничества. Ибн Ганнъм оставил довольно подробное описание верований аравийских жителей¹⁸.

«В те времена (когда появился ваххабизм. — А. В.) большая часть людей погрязла в скверне... — сообщает он, — они стали предаваться поклонению святым и праведникам и забросили единобожие и религию». Люди приходили к святым или их могилам и требовали совершить какое-либо доброе дело или избавить их от несчастья. Они обращались с подобными призывами к «живым и мертвым». А многие верили, что такие вещи, как камни и деревья, смогут «принести пользу или причинить вред».

«С их умами играл шайтан». В своем неверии «они превысили жителей джахилии» (доисламской Аравии), и многие из них считали, что именно эти заблуждения и были настоящей религией, потому что так же верили их отцы и предки.

«В оазисах Неджда было много таких дел, и каждый предавался им». В Вади Ханифа находилась могила Зейда ибн аль-Хаттаба. К нему обращались с просьбой избавить от бед и горестей. В Джубайле и в Дерийе поклонялись могилам, где, как утверждали, были похоронены некоторые сподвижники пророка. В местечке Фида росла пальма, к которой приходили мужчины и женщины, просили у нее благословения и совершали «гнуснейшие вещи». Сюда стекались женщины, которые не могли выйти замуж; приближаясь к дереву, они говорили: «Хо-

---

¹⁶ С. Niebuhr, *Voyage...*, vol. 1, pp. 393—394; vol. 2, pp. 21, 204. Они встречались в этих местах и в XX в., см.: Н. Philby, *The heart of Arabia*, vol. 2, p. 299.

¹⁷ С. Niebuhr, *Voyage...*, vol. 2, pp. 21, 140; С. Niebuhr, *Description de l'Arabie...*, p. 298.

¹⁸ Ибн Ганнам, ч. 1, стр. 5—13.

чу мужа прежде всего». Вокруг пальмы совершали шествия и вешали на нее украшения.

Около Дерийи находилась священная пещера, называемая «Пещерой дочери эмира». Рассказывали, что однажды несколько беспутных нечестивцев хотели обидеть дочь эмира. Но она призвала на помощь аллаха, и раскрылась перед нею пещера. В этой пещере оставляли хлеб и мясо. В Хардже, недалеко от Дерийи, жил знаменитый «святой» по имени Тадж. К нему обращались за благословением, просили сотворить добро, отвратить беду. Ему за это платили. «Святой» слыл слепым, но ходил без палочки. Его побаивались и местные правители.

«А что делали из подобных вещей в Мекке, то превышало все прочее». Там был мавзолей Абу Талиба, могилы Маймуны бинт аль-Харис Умм-аль-муминин, Хадиджи и др. С громкими криками мужчины и женщины обращались к могилам со своими просьбами. То же — у могилы Абдаллаха ибн Аббаса в Таифе.

В Джидде считали, что у них находится могила Евы. Здесь также был построен храм под названием Ави, куда укрывались банкроты, должники, воры. И даже шериф не мог их оттуда извлечь. Так, в 1795/96 г. один купец, задолжавший 70 тыс. риалов, укрылся в храме и тем самым принудил должников к отсрочке выплаты.

К востоку от Саны в Йемене находилась могила, называвшаяся Хади. Сюда приходили женщины с тяжелой беременностью или же бездетные женщины с просьбой о помощи.

На могилах святых приносили жертвы.

В Йемене устраивали шествия с плясками, их участники кололи себя ножами. (Возможно, это было нечто вроде изуверского шиитского праздника шахсей-вахсей).

В Ходейде жил шейх Сиддык, которого считали святым и без благословения которого не отправлялись в море. В других портовых городах были свои святые.

Ибн Ганнам слышал о культе святых и за пределами Аравии. В Сирии и Египте примеров его было так много, что летописец не стал даже их перечислять. Возмущался он также положением в Ираке и Курдистане, особенно поклонением мавзолею Али. Он пишет, будто, по мнению шиитов, посещение этой мечети лучше 70 паломничеств в Мекку. Ибн Ганнам упоминает о многочисленных мавзолеях и мечетях на могилах святых вокруг Басры, у

Шатт-эль-Араба, на восточном побережье Аравии, на Бахрейне.

Есть данные, правда негативные, что среди населения Аравии кое-где сохранились с доисламских времен даже прорицатели. Иначе нельзя объяснить выступления против них Ибн Абд аль-Ваххаба¹⁹.

Ибн Бишр приводит примеры примитивного знахарства, когда народная медицина, обрастая магическими действиями, превращалась в колдовство. Он пишет: «Причина распространения многобожия в Неджде заключалась в том, что вместе с бедуинами, когда они останавливались в оазисах для сбора плодов, приходили мужчины и женщины, лечившие жителей оазиса, если кто-либо из них заболел. Оседлые приходили к лечащему из бедуинов и просили у него лекарства от болезни. Им говорили: принесите в таком-то и таком-то месте такую-то жертву, потом съешьте, из нее такую-то часть, а такую-то выбросьте. Не упоминайте имени аллаха. Может быть, с соизволения аллаха вы выздоровеете. Это стало повторяться часто. И жителям никто не мог объяснить, что это плохо»²⁰.

Так распространялись магия и колдовство в неприкрытом виде. Конечно, нельзя забывать, что и магия, и колдовство в более тонкой форме входят в ислам.

Арабы в те времена совершали жертвоприношения духам (джиннам) и просили их вылечить от болезней, сообщает внук вероучителя Абдуррахман ибн Хасан²¹. «Накануне появления ваххабизма население Джауфа (в Северной Аравии), подобно жителям всего полуострова, впало в полужизнь и поклонялось местному джинну», — пишет У. Пэлгрев. И даже более чем через столетие после появления ваххабизма жители Джауфа, по его наблюдениям, «как и большинство их братьев, уже давно сменили мухаммеданизм на местный фетишизм и полусабейское поклонение, на молитвы, обращенные к солнцу, на жертвоприношение мертвым»²².

Все исследователи Аравии отмечают, что ислам пло-

---

¹⁹ Ибн Абд аль-Ваххаб, *Китаб ат-таухид*, стр. 118.

²⁰ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 6—7.

²¹ См. комментарий Абдуррахмана ибн Хасана к «Китаб ат-таухид» Ибн Абд аль-Ваххаба в сб. «Маджмуат ат-таухид», стр. 64.

²² W. G. Palgrave, *Narrative...*, vol. 1, pp. 61, 68.

хо прививался среди бедуинов, если не сказать, что он был им вовсе чужд.

Бедуины и ислам. Равнодушное отношение кочевников к предписаниям ислама отмечает еще К. Вольней: «Бедуины, живущие на границах с турками, из политических соображений делают вид, что они — мусульмане, однако они столь мало религиозны и их набожность настолько слаба, что их считают обычно неверными, не имеющими ни закона, ни пророков. Они сами с охотой признаются, что религия Магомета не для них создана. „Ибо, — добавляют они, — как нам выполнять омовение, когда у нас нет совсем воды? Как подавать милостыню, если сами мы не богаты? Для чего нам поститься в рамадан, когда мы постимся весь год? И зачем ходить в Мекку, если бог есть повсюду?“»²³.

По сообщению И. Буркхардта, до ваххабизма бедуины зачастую вообще не знали ислама²⁴.

У. Пэлгрев утверждает, что «в огромных массах кочевого населения мухаммеданизм на протяжении 12 веков произвел очень мало или никакого эффекта... В то же время, окруженные искренними и даже фанатичными последователями ислама и нередко зависимые от них, кочевники по временам считали благоразумным... называть себя магометанами»²⁵.

Ориентируясь во время перекочевков по небесным светилам, бедуины создали культ солнца, луны и звезд, пишет Р. Монтань²⁶. На основе наблюдений за племенами Северной Аравии У. Пэлгрев приходит к выводу: «Бог для бедуинов — это вождь, живущий главным образом, как кажется, на солнце. С солнцем они в некотором роде его и отождествляют»²⁷.

Также останавливает на этом внимание финский путешественник по Аравии середины XIX в. Г. Валлин. «Подобно большинству племен, которых не заставляли принять реформированное учение ваххабитской секты в период ее восходящей власти в Аравии, маазе (одно из племен Западной Аравии. — А. В.) в общем совершенно не знают религию, которую они исповедуют. И я едва

²³ C.-F. Volney, *Voyage en Syrie et en Egypte...*, p. 212.

²⁴ J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. I, pp. 99—102.

²⁵ W. G. Palgrave, *Narrative...*, vol. I, p. 9.

²⁶ R. Montagne, *La civilisation du désert...*, pp. 73—75.

²⁷ W. G. Palgrave, *Narrative...*, vol. I, p. 33.

могу вспомнить встречу с каким-либо членом племени, который соблюдал бы какие-либо исламские обряды или имел бы малейшее представление о его (исламе) основных и руководящих догмах. В то же время обратное в известной степени можно сказать о тех бедуинах, которые являются или раньше были ваххабитами»²⁸.

Спустя несколько десятилетий после Г. Валлина офицер российского генштаба Давлетшин замечает: «Религиозностью кочевые арабы совершенно не отличаются и к религии примешивают много своеобразных обычаев и преданий, которые идут совершенно вразрез с учением ислама»²⁹.

Большое распространение среди бедуинов получили культ предков и обряды, с ним связанные. А. Жоссан пишет, что кочевники приносили жертвы предку или аллаху через его посредничество; с особой помпой это производилось после удачной победы в газу. Руалы не упустили случая, чтобы заколоть верблюда на могиле своего предка со словами: «Дар и воздаяние мертвецу...»³⁰.

С культом предков было связано и наличие знамени бедуинов — маркяба, особого сооружения на спине верблюда. Считали, что маркяб служит как бы обиталищем духа предка; ему также приносили жертвы. В него садился погонщик — раб или мальчик, а иногда дочь шейха или красивейшая девушка племени, которая вдохновляла воинов на бой³¹. Нельзя не вспомнить при этом доисламских жриц, которые, восседая на верблюде, водоушевляли в сражении бедуинов.

В газу часто участвовали ясновидцы и колдуны, дававшие советы военачальникам³².

Картина духовной жизни Аравии в целом накануне появления ваххабизма выглядела пестрой и противоречивой. Здесь была представлена широкая гамма цветов и оттенков ислама — от ханбалитов через ортодоксальных суннитов других толков и зейдитов до шиитов и

---

²⁸ G. A. Wallin, *Notes...*, p. 21.

²⁹ [Давлетшин], *Отчет штабс-капитана Давлетшина о командировке в Хиджаз*, стр. 8.

³⁰ A. Jaussen, *Coutumes des Arabs...*, p. 316.

³¹ *Ibid.*, p. 174; A. Musil, *The manners and customs...*, pp. 571—573.

³² A. Musil, *The manners and customs...*, p. 509.

ибадитов; культ святых стал всеобщим и распространенным; а рядом, переплетаясь с исламом или заменяя его, существовали домусульманские религиозные верования и культы — колдовство, идолопоклонничество, солнцепоклонничество, анимизм, фетишизм, культ предков.

Таково было духовное наследие, на основании которого складывались взгляды Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба, и духовная среда, в которой он жил.

Единобожие (таухид) и осуждение культа святых — стержень ваххабитской догматики. Путь формирования учения Ибн Абд аль-Ваххаба кажется сравнительно несложным. С раннего детства добросовестное изучение мусульманских теологических наук, стремление к переделке религии и жизни, подведение общественной жизни под идеалы, выработанные мусульманством, причем идеалы, понятые им особым образом. (Это его особое понимание религии и представляет самый большой интерес, так как в нем отразилась специфика общественных отношений Центральной Аравии его времени).

Можно представить, как он объяснял для себя неустроенность и безобразия жизни окружающего мира: люди забыли настоящий ислам, отсюда всеобщее падение нравов, за которым следуют политические неурядицы и экономический хаос, упадок и разрушение. Для спасения погрязшего в грехах мира предлагается очищение религии, возвращение ее к форме, в которой она существовала в первые три века ислама. Такова субъективная сторона дела. При этом степень искренности побуждений Ибн Абд аль-Ваххаба можно не принимать во внимание.

Важнейшая идея, над которой работал мозг Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба во время его путешествий и занятий богословием, — это единобожие, главная ось ислама. По его мнению, единобожие — это убеждение в том, что аллах один — творец данного мира, он его господин, он дает ему законы. Из сотворенного им нет ничего и никого, равного ему³³, способного творить. Аллах не нуждается ни в чьей помощи, как бы кто-либо ни был близок к нему. Лишь в руках аллаха способность совершать добро и зло. В природе нет никого, кто был бы

---

³³ Ибн Абд аль-Ваххаб, *Китаб ат-таухид*, стр. 134.

достойн возвеличения или поклонения, за исключением аллаха³⁴.

Однако исламский мир, по мнению ваххабитов, отошел от этих принципов единобожия. Люди предаются «новшествам» (бида) — самому страшному из грехов³⁵. Они наделяют творения аллаха его способностями и атрибутами. Например, они совершают паломничества к мусульманским святым, дают им обеты, приносят жертвы, просят их о помощи, убежденные, что святые могут сделать добро и причинить зло. К мавзолеям святых приходят люди, поклоняются им, требуя сделать добро или отвести зло³⁶.

Люди придают атрибуты аллаха даже растениям и камням. По мнению ваххабитов, это не может совмещаться с истинным единобожием³⁷.

А раз нельзя было «давать богу товарища»³⁸ или наделять божественными атрибутами его творения, то соответственно регламентируется и культовая сторона, в которой также отвергаются все «новшества».

Можно приносить жертвы только аллаху, утверждают ваххабиты. Нельзя звать о помощи ни к кому, кроме аллаха. Нельзя просить заступничества ни у кого, кроме аллаха³⁹. Ангелы, пророки (посланники аллаха), праведники, святые не могут быть заступниками перед богом за грехи мусульман⁴⁰. Нельзя давать обет не аллаху⁴¹. Нельзя чрезмерно почитать праведников, сподвижников пророка и святых. Нельзя строить мечети над их могилами. Нельзя чрезмерно ухаживать за их моги-

---

³⁴ Ибн Абд аль-Ваххаб, *Усуль аль-иман*, стр. 167—170; Ибн Абд аль-Ваххаб, *Аль-усуль ас-саляса*, стр. 8; Абд аль-Азиз I, *Ар-рисаля*, стр. 19.

³⁵ Ибн Абд аль-Ваххаб, *Фадль аль-ислам*, стр. 198.

³⁶ Ибн Абд аль-Ваххаб, *Китаб кашф*, стр. 220—223, 232; Ибн Абд аль-Ваххаб, *Масаиль аль-джахилийя*, стр. 123—125.

³⁷ Ибн Абд аль-Ваххаб, *Китаб ат-таухид*, стр. 56.

³⁸ Ибн Абд аль-Ваххаб, *Китаб аль-кабаир*, стр. 206; Абд аль-Азиз I, *Ар-рисаля*, стр. 5.

³⁹ Ибн Абд аль-Ваххаб, *Китаб ат-таухид*, стр. 60, 70, 86; Ибн Абд аль-Ваххаб, *Аль-усуль ас-саляса*, стр. 42; Ибн Абд аль-Ваххаб, *Масаиль аль-джахилийя*, стр. 76.

⁴⁰ Ибн Абд аль-Ваххаб, *Муфид аль-мустафид*, стр. 28; Ибн Абд аль-Ваххаб, *Масаиль аль-джахилийя*, стр. 70; Абд аль-Азиз I, *Ар-рисаля*, стр. 6.

⁴¹ Ибн Абд аль-Ваххаб, *Китаб ат-таухид*, стр. 67.

лами и превращать надгробия в идолы. Святым нужно оказывать уважение и почет, но не поклоняться им⁴².

Особое отношение было у ваххабитов к Мухаммеду, пророку ислама. Они считали его обыкновенным человеком, которого аллах выбрал для пророческой миссии; его нельзя обожествлять. Ему не следует поклоняться, у него ничего нельзя просить. Нельзя поклоняться его могиле, однако ее можно посещать без всяких просьб. К нему нельзя взывать о помощи. У Мухаммеда нельзя просить никакого заступничества. Однако в Судный день он может выступить заступником перед аллахом за мусульман. Места, связанные с жизнью Мухаммеда, нельзя превращать в мечети⁴³.

Все виды поклонения и верований, противоречащие этим установкам, считаются «ширком», т. е. многобожием.

Ибн Абд аль-Ваххаб призывал бороться против магии, колдовства, прорицателей⁴⁴, хотя особого акцента на этом не делал. Он осудил также такие языческие пережитки, как заклинания, амулеты, талисманы⁴⁵.

Ислам, по мнению ваххабитов, имел своим источником только Коран и сунну. Они признавали четырех имамов, основателей правоверных школ суннизма⁴⁶, а также Таки ад-Дина Ибн Таймийю и Ибн аль-Кайима (XIV в.). Одновременно они фактически отвергали теорию и практику всех последующих поколений. Мнение некоторых путешественников и исследователей, что они якобы отвергали всю сунну и признавали только Коран, было ошибочным⁴⁷.

«Очищение ислама». Свою систему доводов, яростную

---

⁴² Там же, стр. 90; Ибн Абд аль-Ваххаб, *Масаиль аль-джахилийя*, стр. 29, 72, 118; Ибн Абд аль-Ваххаб, *Китаб ат-таухид*, стр. 55, 95, 99; Ибн Абд аль-Ваххаб, *Китаб кашф*, стр. 226.

⁴³ Ибн Абд аль-Ваххаб, *Масаиль аль-джахилийя*, стр. 91, 120; Ибн Абд аль-Ваххаб, *Китаб кашф*, стр. 230; Комментарий внука вероучителя Абдуррахмана ибн Хасана к «Китаб ат-таухид» Ибн Абд аль-Ваххаба, стр. 102; Абд аль-Азиз I, *Ар-рисаля*, стр. 10, 13; Ибн Абд аль-Ваххаб, *Китаб ат-таухид*, стр. 74, 87, 207—209; Абдаллах Ибн Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб, *Ар-рисаля*, стр. 47, 48.

⁴⁴ Ибн Абд аль-Ваххаб, *Китаб ат-таухид*, стр. 111, 118; Ибн Абд аль-Ваххаб, *Масаиль аль-джахилийя*, стр. 33, 144.

⁴⁵ Ибн Абд аль-Ваххаб, *Китаб ат-таухид*, стр. 52.

⁴⁶ Абд аль-Азиз I, *Ар-рисаля*, стр. 5; Ибн Ганнам, ч. 1, стр. 38.

⁴⁷ Ch. Didier, *Séjour chez le grand-chérif de la Mekke*, p. 179; [J. Rousseau], *Description du pachalik...*, pp. 129, 146.

атаку на культ святых, на «новшества» ваххабиты заимствовали у Ибн Таймийи и Ибн аль-Кайима. Правда, учение Ибн Абд аль-Ваххаба более примитивно; ваххабиты не углубляются в сложные религиозно-философские проблемы, как это делал Ибн Таймийя. Ваххабиты признавали, что по некоторым мелким ритуальным и бытовым вопросам они расходятся с этим богословом⁴⁸. Однако его труды, а также сочинения Ибн аль-Кайима были для них фактически «настолярными книгами». Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб неоднократно цитирует Ибн Таймийю и Ибн аль-Кайима. Сохранились работы Ибн Таймийи, переписанные рукой вероучителя⁴⁹. На теологов XIV в. ссылается историк-ваххабит Ибн Ганнам⁵⁰. Абдаллах, сын вероучителя, писал: «Книги Ибн аль-Кайима и его шейха (т. е. Ибн Таймийи. — А. В.) у нас считаются из самых ценных книг, высказывания этих богословов часто используются»⁵¹.

Внутри ислама ваххабизм возродил линию крайней непримиримости, отвергающей все «новшества», возвратился к Корану и «неповрежденной» сунне.

С точки зрения догматики ваххабиты кажутся ортодоксами. Такого же мнения придерживаются они сами, а также большинство исследователей, как арабов, так и неарабов, как современников их первоначального движения, так и представителей последующих поколений.

По сообщению И. Буркхардта, каирские богословы, в целом настроенные против ваххабитов, заявили, что они не могли найти никакой ереси в их учении, а так как это было заявление, сделанное «вопреки собственному желанию», оно меньше всего может вызвать подозрений. После того как многие каирские богословы прочли написанную Ибн Абд аль-Ваххабом книгу, содержащую различные сочинения на религиозные сюжеты, они единодушно заявили, что если таково мнение ваххабитов, то они сами полностью принадлежат к этой вере⁵².

---

⁴⁸ Абдаллах ибн Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб, *Ар-рисаля*, стр. 53.

⁴⁹ А. Крымский, *История арабов и арабской литературы*, стр. 201; Ахмед Амин, *Зуама аль-ислах*, стр. 13.

⁵⁰ Ибн Ганнам, ч. 1, стр. 17, 19, 53.

⁵¹ Абдаллах ибн Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб, *Ар-рисаля*, стр. 53.

⁵² J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins*, vol. 2, p. 113.

Догматика ваххабитов вполне правоверна, утверждал алжирский богослов Абу Рас ан-Насыри⁵³. Ибн Санад, басрийский летописец, указывал, что ваххабиты — это ханбалиты прежних дней⁵⁴. По мнению Л. Корансеца, ваххабизм — это мусульманство в его первоначальной чистоте⁵⁵.

В новейшее время арабские исследователи развивают подобную точку зрения. Мухаммед Хамид аль-Факи полагает, что Ибн Абд аль-Ваххаб не был основателем нового учения⁵⁶. Такого же мнения и Хафиз Вахба; ваххабизм не дал религии нового, утверждает он⁵⁷. Таха Хусейн писал, что «этот мазхаб» является не чем иным, как «мощным призывом к истинному исламу, очищенному от многобожия и идолопоклонничества»⁵⁸.

Тем не менее ваххабиты — это сектанты именно потому, что они выступили против суннизма в той форме, которая тогда господствовала, хотя бы с позиций «очищения» этого суннизма. В своей борьбе против ортодоксальных суннитов (столп которых аль-Газали) они опирались на Ибн Таймийю.

В европейской и арабской литературе широко распространено определение ваххабитов как «пуритан или протестантов ислама». Его первым пустил в оборот Л. Корансез⁵⁹, а затем И. Буркхардт⁶⁰. Это — сравнение ваххабизма с европейскими течениями средневековой реформации по чисто формальному признаку, т. е. по внешнему стремлению «очистить» первоначальную религию от последующих наслоений. И только в таком плане можно говорить о внешнем сходстве двух явлений, совершенно различных по общественно-политическому содержанию.

Духовный кризис арабийского общества. Легко заметить, сколь разительный контраст представляла стройная и строгая религиозная система ваххабитов с многообра-

---

⁵³ А. Крымский, *История арабов и арабской литературы*, стр. 195.

⁵⁴ Ибн Санад, *Тарих Багдад*, стр. 32.

⁵⁵ [L. A. Corancez], *Histoire des wahabis...*, pp. 7, 18.

⁵⁶ Аль-Факи, *Аср ад-дава аль-ваххабийя*, стр. 4.

⁵⁷ Хафиз Вахба, *Джазират аль-араб*, стр. 308—309.

⁵⁸ Цит. по кн.: Ахмед Абд аль-Гафур Аттар, *Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб*, стр. 151.

⁵⁹ [L. A. Corancez], *Histoire des wahabis...*, p. 18.

⁶⁰ J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 1, p. 102.

зием культов и верований Аравии той эпохи. Она могла родиться в условиях серьезного психологического надлома, неудовлетворенности тогдашним состоянием духовной жизни. Ваххабизм явился реакцией на духовный кризис аравийского и, в частности, недждийского общества, в котором бродили, возможно и неосознанные, стремления к каким-то новым идеалам и желание отказаться от старых. Что этот кризис нашел разрешение в форме религиозной идеологии, естественно и понятно.

Ибн Абд аль-Ваххаб вовсе не был единственным, кто почувствовал и отразил потребность в обновлении ислама в Аравии той эпохи. Ведь не случайно же какое-то «идеологическое оружие» для изменения религии готовил его мединский учитель Абдаллах ибн Сайф.

Богослов из Саны Мухаммед ибн Исмаил (умер в 1768/69 г.) в своих сочинениях осуждал поклонение деревьям и камням и выступал в защиту «истинной» религии. Когда он узнал о проповеди Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба, то написал в его честь хвалебную поэму (касыду)⁶¹.

В XVIII в. в Йемене жил богослов Мухаммед аль-Муртада (умер в 1790 г.), выступавший против некоторых установок ортодоксального суннизма⁶². Несколько позднее в Йемене действовал богослов аш-Шаукани (умер в 1834 г.). В комментариях к сочинениям Ибн Таймийи и в собственных работах он отвергал паломничество к могилам, идолопоклонничество, считая это многобожием. Возможно, он был связан с недждийским вероучителем⁶³.

Не исключено, что эти имена не исчерпывают списка «потенциальных ваххабитов» и участников создания учения. Как во время всех более или менее значительных социально-политических поворотов, их идеологическое обоснование уже, так сказать, «носилось в воздухе». Зерна ваххабитской пропаганды падали на почву, в той или иной степени готовую для восприятия нового учения, и проросли они там, где сложились наиболее благоприятные условия для осуществления общественных и политических идей, выдвинутых ваххабизмом.

⁶¹ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 53—54; Абдуррахман ибн Хасан, *Фатх аль-маджид*, стр. 4.

⁶² H. Gibb, *Mohammedanism*, London, 1954, p. 168.

⁶³ Ахмед Амин, *Зуама аль-ислах*, стр. 21—23.

Заранее оговоримся, что невозможно найти социально-политическое содержание в каждом положении ваххабитского учения. Оно в значительной мере охватывает, как уже показано, область внутрибогословских схоластических споров. Но в социально-политическом плане оно имеет бесспорно оригинальное содержание. И сути дела не меняет, что сочинения Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба на 90—95% состоят из цитат богословов первых веков ислама и правоверных преданий. Важно, что скрывается за этими цитатами. Исследователь судит об историческом явлении не по его внешней оригинальности, а по его воздействию на общество, на ход исторического развития.

Социальное содержание учения. Работы Ибн Абд аль-Ваххаба в море схоластических рассуждений содержат недвусмысленные положения, отражающие интересы знати и направленные против неимущего населения. Простой народ должен повиноваться власти имущим⁶⁴, утверждает он в соответствии с первоначальным исламом. За мятеж, бунт против эмиров полагаются муки адовы⁶⁵.

В качестве обязательного требования религии ваххабизм вновь ввел уплату закята⁶⁶ и возвел тем самым в несокрушимый религиозный принцип централизованную налоговую эксплуатацию населения, в том числе и кочевников.

Лица, присоединившиеся к ваххабитам, вовсе не освобождались от обязанностей по отношению к своим хозяевам или заимодавцам. «Клеветой» назвал Абдаллах, сын вероучителя, утверждение врагов ваххабизма, будто если «кто-либо присоединится к нам, то он считается свободным от всех обязанностей и даже долгов»⁶⁷.

Тем не менее ваххабизм предлагал одновременно довольно тонкую систему маскировки классового гнета и неравенства, почерпнутую в более чем тысячелетних традициях ислама. Он требовал от эмиров, знати «справедливого» отношения к их подданным, т. е. выступал

---

⁶⁴ Ибн Абд аль-Ваххаб, *Ситтат усиль азыма*, стр. 275.

⁶⁵ Ибн Абд аль-Ваххаб, *Китаб аль-кабаир*, стр. 225.

⁶⁶ Ибн Абд аль-Ваххаб, *Муфид аль-мустафид*, стр. 37; Абд аль-Азиз I, *Ар-рисаля*, стр. 33; Ахмед ибн Насыр ибн Осман аль-Муаммари, *Ар-рисаля*, стр. 68.

⁶⁷ Абдаллах ибн Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб, *Ар-рисаля*, стр. 46.

за упорядоченный классовый гнет. Ваххабиты призывали проявлять заботу о рабах, слугах, наемных рабочих⁶⁸. Они льстили чувствам неимущих, прославляя бедность, осуждая алчность, утверждая, что бедному легче попасть в рай⁶⁹. В своей практике ваххабиты преследовали ростовщичество⁷⁰.

В ваххабитском учении проповедовались идеи социальной гармонии: «Каждый из вас пастух, и каждый отвечает за стадо [подданных]. Имам заботится о подданных, мужчина заботится о своем семействе и стаде, женщина заботится о доме своего мужа, его сыне, его скоте, мальчик должен заботиться об имуществе своего отца и его скоте, слуга заботится об имуществе своего господина и его скоте. Каждый из вас пастух, и каждый должен заботиться о своем стаде [подданных]»⁷¹.

Частично этим же целям служит усиленная проповедь «братства» мусульман⁷², которая в несколько модифицированном виде будет использована в ихванском движении спустя полторы сотни лет. «Арабы равны арабам, — утверждает Абдаллах ибн Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб, — и противоположная практика, которая распространена в ряде стран, просто свидетельство гордыни... и является верной причиной большого распутства». Он призывал «запретить и отменить целование рук, распространенное в некоторых городах»⁷³, т. е. внешнее раболепство одних и высокомерие других.

Вперемежку с чисто классовыми установками в учение, естественно, включался ряд моральных норм, пригодных для различных слоев населения. Ваххабизм учил людей быть и добрыми, и осмотрительными⁷⁴, твердо выполнять данные обещания⁷⁵, быть терпеливыми⁷⁶, не

---

⁶⁸ Ибн Абд аль-Ваххаб, *Китаб аль-кабаир*, стр. 238—239, 241.

⁶⁹ Ибн Абд аль-Ваххаб, *Насыхат аль-муслимина*, стр. 323—324, 328.

⁷⁰ Ибн Бишр. ч. 1, стр. 165—166; Абд ар-Рахман ал-Джабарт, *Египет под властью Мухаммада Али*, стр. 326.

⁷¹ Ибн Абд аль-Ваххаб, *Китаб аль-кабаир*, стр. 240.

⁷² Там же, стр. 243.

⁷³ Абдаллах ибн Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб, *Ар-рисаля*, стр. 48—49.

⁷⁴ Ибн Абд аль-Ваххаб, *Насыхат аль-муслимина*, стр. 281, 286, 299.

⁷⁵ Ибн Абд аль-Ваххаб, *Китаб аль-кабаир*, стр. 213.

⁷⁶ Ибн Абд аль-Ваххаб, *Насыхат аль-муслимина*, стр. 332.

лгать, не клеветать, не сплетничать, не быть болтливыми, помогать слепым. Он осуждал скупость, завистливость, лжесвидетельство, трусость⁷⁷. Ваххабизм регламентировал мельчайшие детали человеческого поведения. Он давал советы, как смеяться, чихать, зевать, обниматься, пожимать руку при встрече, как шутить⁷⁸ и т. п.

Так, ваххабизм в какой-то мере безусловно нес в себе черты, свойственные эгалитаристским народным движениям, направленным против чрезмерного классового угнетения. Однако упорядоченный гнет — это все-таки гнет, умеренная эксплуатация все-таки остается эксплуатацией. И никакие поверхностные изменения в механизме классовых отношений, которые проповедовал ваххабизм, не меняли сути этих отношений, хотя они вовсе не были безразличны крестьянству, главному объекту эксплуатации. Оно всегда принимает сторону проповедников ослабления или «упорядочения» эксплуатации. Поэтому симпатии негджийских крестьян середины XVIII в. в условиях, когда классовый гнет и эксплуатация усиливались, в значительной мере принадлежали ваххабитам.

Центр тяжести ваххабитской доктрины все же лежал скорее не в социальной, а в политической области.

Фанатизм и священная война. Ваххабиты всех современных им мусульман, которые не разделяли их учения, считали гораздо худшими «многобожниками», чем людей джахилии, доисламской Аравии⁷⁹. Это было отправным пунктом крайнего фанатизма и оправдывало всяческую жестокость по отношению к «многобожникам».

Брат основателя секты Сулейман, который долгое время возглавлял антиваххабитские выступления во многих оазисах Неджда, заметил, что непримиримость — характерная черта ваххабизма. Ибн Зайни Дахлан, хиджазский историк, пишет: «Сулейман сказал однажды своему брату Мухаммеду: „Сколько столпов ислама, о Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб?“. Тот ответил: „Пять“. Он сказал: „Нет же, ты сделал шесть, а шестой — кто

---

⁷⁷ Ибн Абд аль-Ваххаб, *Китаб аль-кабаир*, стр. 212—214, 219, 222, 230.

⁷⁸ Ибн Абд аль-Ваххаб, *Насыхат аль-муслимина*, стр. 254, 260, 262, 278.

⁷⁹ Ибн Абд аль-Ваххаб, *Китаб кашф*, стр. 227—228.

не последовал за тобой, тот не мусульманин. Это для тебя шестой столп ислама"»⁸⁰.

Об этом же фанатизме сообщает и Ибн Санад, басрийский летописец: «Когда Туайс, черный раб, убил Сувайни (вождя племени мунтафик в низовьях Евфрата. — А. В.), то сторонники Сауда хвалили его за убийство не только потому, что были убеждены в неверии Сувайни, они также были убеждены в неверии всех людей на земле, которые не разделяют их убеждений»⁸¹.

Выступая против господствовавшей в те годы формы ислама, ваххабиты шли гораздо дальше в своем разрыве с мусульманством, чем обычные сектанты. Как считает Е. А. Беляев, «согласно твердо установившемуся представлению самих мусульман, последователи всех направлений, течений и сект в исламе считаются мусульманами»⁸². Для ваххабитов же их противники были не мусульмане, а «многобожники». Они считали неверными (кафирами) всех, кто слышал их призыв, но не присоединился к ним.

Впоследствии ваххабиты даже к евреям и христианам относились мягче, чем к мусульманам. Им разрешали молиться в домах и лишь облагали подушным налогом в 4 пиастра⁸³. Видимо, последователи Ибн Абд аль-Ваххаба руководствовались принципом, что еще пророк к «людям писания» предлагал относиться терпимо.

В практику ваххабитов впоследствии легло правило повсюду разрушать надгробия и памятники на могилах святых и праведников при захвате оазиса или города. Этим самым они закрепляли в осязаемом виде победу своего учения. В результате для истории потерян масса ценных памятников. Ваххабиты сожгли также много книг богословов, не согласных с ними⁸⁴. Абдаллах, сын вероучителя, находит аргументы, чтобы оправдать сожжение некоторых книг⁸⁵.

Религиозная практика ваххабитов, возможно, отличалась от доктрины Ибн Абд аль-Ваххаба, от его формаль-

---

⁸⁰ Ахмед Дахлан, *Хуласат аль-калям*, стр. 232.

⁸¹ Ибн Санад, *Тарих Багдад*, стр. 23.

⁸² Е. А. Беляев, *Мусульманское сектантство*, М., 1957, стр. 99.

⁸³ [L. A. Coqancez], *Histoire des wahabis...*, p. 16.

⁸⁴ Ахмед Дахлан, *Хуласат аль-калям*, стр. 230.

⁸⁵ Абдаллах ибн Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб, *Ар-рисала*, стр. 45.

ных предписаний. Многие богословы обвиняли ваххабитов в «неуважении» к пророку. Это обвинение яростно отрицают все поздневаххабитские авторы. Но возможно, что желание снять божественные покровы с Мухаммеда практически привело к отрицанию его роли и проявлению к нему «неуважения».

Широко распространилось мнение, что ваххабиты запретили употреблять кофе⁸⁶. Факты опровергают эти сведения, но не исключено, что какие-либо чрезмерно усердные фанатики пошли на это, так как в преданиях о пророке, по их мнению, о кофе ничего не упоминалось.

В среде ваххабитов фанатизм принимал крайние, необузданные формы. Убеждение, что их противники — «неверные» и «многобожники», оправдывало жестокость по отношению к ним. Одновременно фанатизм сплачивал и дисциплинировал ваххабитов, воодушевлял на военные подвиги. Таким образом создавались идеологические предпосылки для объявления священной войны (джихада) всем неваххабитам.

Нужно ли говорить, какие преимущества могло обеспечить ваххабитское учение эмиру, взявшему его на вооружение? Ведь он из обычного предводителя разбойничьего набега (газу) на соседей превращался в борца за «чистоту религии», а его противники становились «слугами дьявола», «идолопоклонниками», «многобожниками». Включив в себя в качестве важнейшего постулата «священную войну» против «многобожников», ваххабизм с самого зарождения стал идеологией военной экспансии, грабительского набега.

Объединительные тенденции. Ваххабизм был не только знаменем завоевательной войны; он служил также идеологическим обоснованием объединительных тенденций в Аравии⁸⁷. То, что ваххабиты отвергали культ святых, преследовали местные культы, разрушали могилы праведников и местных идолов, уничтожали священные деревья, означало в условиях Аравии разрушение идеологической, духовной опоры феодальной раздробленности. Знать какого-либо оазиса, оставшаяся без собственного святого, тем самым лишалась определенных претен-

⁸⁶ См.: I. Goldziher, *Le dogme et la loi de l'Islam*, p. 225.

⁸⁷ О том, что ваххабизм отражал тенденцию к феодальному объединению, писал М. В. Чураков («Советская этнография», 1960, № 1, стр. 89).

зий на исключительность, а также доходов от паломничества к этому святому.

Простые люди должны были повиноваться и подчиняться своему местному правителю, за исключением тех случаев, когда им приказывают «совершить прегрешение»⁸⁸, утверждали ваххабиты. А так как что является грехом, а что нет, решали борцы за единобожие во главе с Ибн Абд аль-Ваххабом, то всякое выступление против эмира, принявшего ваххабизм, со стороны его вассалов снимало с их подданных необходимость послушания. Таким образом эмиру-ваххабиту облегчалась задача держать в повиновении вассалов.

В ваххабизме были заложены идеи объединения прежде всего Неджда, недждийской знати в борьбе с ее традиционным противником — хиджазской аристократией. Он запрещал паломничество к священным местам Мекки и Медины (за исключением хаджа к Каабе), в частности к мавзолею пророка, что лишало бы хиджазцев значительной доли их доходов. В тех исторических условиях хиджазцы сочувственно относились к официальной форме ислама в Османской империи, бывшей основным поставщиком паломников. Хиджазские богословы опасались потерять авторитет, а вместе с ним привилегии и доходы в случае успеха ваххабитов. Естественно также, что улемы святых городов, кичившиеся своими богословскими знаниями, не хотели примириться с тем, что какой-то недждиец вздумал учить их «настоящему» исламу.

Осуждение «отуреченного ислама». Из положений и практики ваххабизма вытекало его вполне определенное антисуфийское содержание, точнее, осуждение суфизма в том виде, который получил распространение в Османской империи XVIII в. Правда, учение ваххабитов не содержало открытых выпадов против суфиев. Абдаллах, сын основателя секты, даже заявил однажды, что он не против суфизма⁸⁹. Но это высказывание кажется все же тактической оговоркой. Действительно, суфизм, с точки зрения истинного ваххабита, опирающегося на Коран, сунну и богословов первых трех веков ислама, — это

---

⁸⁸ Ибн Абд аль-Ваххаб, *Китаб аль-кабаир*, стр. 231.

⁸⁹ Абдаллах ибн Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб, *Ар-рисаля*, стр. 54.

«новшество», самый смертный грех. Против суфиев по существу направлено и осуждение культа святых, и выступление против колдовства и магии. Не следует забывать и того, что одним из важнейших ритуально-бытовых «табу» ваххабизма был запрет курения табака и гашиша⁹⁰, запрет четок, музыки, громкого пения, танцев⁹¹. (Эти «табу» относились больше к практике; в сочинениях ваххабитов им уделяется гораздо меньше места, чем в заметках европейских путешественников).

Выступая в принципе против «новшеств», доводя до крайности положения ханбализма, ваххабиты тем самым озвергали официальную школу суннизма Османской империи—ханифизм. Можно сказать поэтому, что ваххабиты восставали против ислама в той форме, в которой он существовал в Османской империи.

Запрет, наложенный на табак, на шелковые одежды и шумные празднества, не представлял собой просто практического осуществления отношения ваххабитов к «новшествам». Это была реакция жителей Неджда на внешние проявления образа жизни турецких феодалов, турецкой знати. «Ваххабиты с презрением относятся к роскошным одеждам турецких паломников»⁹², — замечает И. Буркхардт. Он пишет, что аравийские арабы возмущались продажными судами, отсутствием справедливости в Османской империи, половыми извращениями, открыто практиковавшимися турками, их заносчивостью⁹³. Ж. Раймон, французский артиллерист на службе багдадского паши, отмечал, что антитурецкие настроения были широко распространены в Аравии. Один араб заявил ему: «Придет день, когда мы увидим араба, сидящего на троне халифов; мы слишком долго находились под гнетом узурпатора»⁹⁴.

Бунт ваххабитов против отуреченного ислама, как показало развитие событий, далеко вышел за религиозные рамки и вступил в сферу военно-политического конфликта. Это было столкновение арабской аравийской го-

---

⁹⁰ Там же, стр. 43; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 151; [L. A. Corancez], *Histoire des wahabis...*, p. 17.

⁹¹ J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 1, p. 102; vol. 2, p. 115.

⁹² Ibid., vol. 2, p. 114.

⁹³ Ibid., pp. 110—111.

⁹⁴ J. Raymond, *Les wahabys...*, p. 34.

сударственности и Османской империи. Ваххабизм стал знаменем арабского национального движения против турецкого влияния в Аравии.

Воинственная антишиитская направленность ваххабитов содержала в себе также зародыш идеи борьбы против персов, как носителей шиитской «ереси», но в ходе дальнейших событий это не проявилось в больших масштабах в военном и политическом плане.

Некоторые выводы. Идеология ваххабизма была продуктом серьезного духовного кризиса в Аравии, в основе которого лежали экономические и социально-политические факторы.

Это учение образовало крайнее крыло ханбализма, оно отвергало все «новшества» (бида) в догматике и культе, требуя возвращения к Корану и первоначальной сунне, и только к ним.

В социальном плане ваххабизм стоял на службе интересов знати, он освящал, упорядочивал и маскировал отношения эксплуатации и гнета. Одновременно он нес в себе элементы, свойственные эгалитаристским, уравнительным движениям, что привлекало к нему широкие массы аравийского населения.

Противопоставляя ваххабитов всем прочим мусульманам, учение Ибн Абд аль-Ваххаба превращало их в сплоченную секту, разжигало фанатизм. Необходимость священной войны против «многобожников», провозглашенная в учении, делала его знаменем завоевательных войн и набегов.

Ваххабизм стал идеологическим оружием движения централизации на Аравийском полуострове.

Он освящал политическую и военную борьбу недждийской знати за преобладание в Аравии, прежде всего против хиджазцев.

Выступая против господствующей формы ислама в Османской империи, ваххабизм служил идеологическим оформлением национального движения аравийских арабов против турецкого влияния.

Благоприятную питательную среду ваххабиты нашли в оазисах. Это объясняется прежде всего тем, что ваххабизм был идеологией классового, эксплуататорского общества. Несмотря на заряд эгалитаристских настроений в ваххабизме, его едва ли можно рассматривать в качестве религии народных низов, оседлых крестьян,

как это делал советский историк М. Томара. «Учение Абд-эль-Уаххаба, — писал он, — явилось... идеологией неждидского крестьянства, которое объединилось и сплотилось под знаменем своего духовного вождя и его светского меча — Сауда и вступило в борьбу с грабившими его бедуинами, с одной стороны, со своими мелкими князьками и шейхами, разорявшими его, — с другой стороны»⁹⁵. По его мнению, «структура ваххабитского государства имела свою социальную базу в крестьянстве», точнее, в том его слое, «который теперь мы назвали бы середняком»⁹⁶. В оценке содержания ваххабизма М. Томара исходил из предполагаемого разделения арабийского общества на двух главных антагонистов — крестьян-земледельцев и кочевников, интересы которых непримиримо сталкиваются и между которыми идет постоянная, никогда не прекращающаяся война. Классового деления в оазисах он по существу касался лишь мимоходом и считал его второстепенным фактором.

Действительно, многие установки ваххабизма — прежде всего требование платить налог в виде закята — отталкивали бедуинов, особенно из «благородных племен», не говоря уже о несоответствии многих религиозных представлений ислама верованиям и культу кочевников. Однако в идеях «джихада», провозглашенных ваххабизмом, т. е. набега под знаменем ислама, содержалась и привлекательная для бедуинов черта. На этой основе было возможно в определенных условиях и на определенное время присоединение к ваххабитам кочевников и союз оседлой и кочевой знати.

М. Томара, подметив «крестьянские» черты в ваххабизме, посчитал их главным содержанием учения и упустил из виду положения, отвечающие интересам знати. Поэтому в его логическом построении появился противоречивый термин «крестьянское государство», а феодалы Саудиды стали «крестьянскими вождями».

Ход событий показал, что выходец из привилегированного слоя неждидских богословов Ибн Абд аль-Ваххаб постоянно стремился обеспечить поддержку своему учению у власти имущих, и, лишь обретя ее, ваххабизм стал могущественным движением.

⁹⁵ М. Томара, *Истоки ваххабизма*, — «Атеист», 1930, № 53, стр. 76.

⁹⁶ Там же, стр. 77, 79.

Первые шаги вероучителя в политике. Когда Ибн Абд аль-Ваххаб переехал в Аяйну, он поспешил завоевать расположение эмира Османа ибн Хамада ибн Муаммара. «Сказал ему шейх: „Я хочу, чтобы ты занялся распространением ‘Нет божества, кроме аллаха’ (т. е. единобожия. — А. В.) и завладел Недждом и его бедуинами“». Это предложение устраивало эмира. Вскоре семейства Ибн Абд аль-Ваххаба и правителя Аяйны породнились⁹⁷.

Для практического осуществления догматов ваххабизма они принялись уничтожать местные святилища. Прежде всего Ибн Абд аль-Ваххаб собственноручно срубил дерево, которое в той местности почиталось священным⁹⁸.

Затем настала очередь могилы одного из сподвижников пророка (сахаб) — Зейда ибн аль-Хаттаба, захороненного в местечке Джубайле. Это было местное святилище, куда стекались паломники. Жители оазиса хотели было воспротивиться уничтожению своего святилища, но за проповедником шел Осман с шестьюстами воинами. Надгробие разрушил сам Ибн Абд аль-Ваххаб⁹⁹.

После этого в оазисе произошел случай, который с восторгом будут описывать последующие «проваххабитски» настроенные арабские историки. В Аяйне была женщина, которая совершила «прелюбодеяние», и Ибн Абд аль-Ваххаб приказал забить ее камнями¹⁰⁰. «Вышли правитель Осман и группа из мусульман и били ее камнями, пока она не умерла. И первый камень бросил упомянутый Осман, — пишет Ибн Ганнам. — Ибн Абд аль-Ваххаб приказал омыть ее, завернуть в саван и прочитать молитву»¹⁰¹.

Это было уже серьезным событием. Весть о нем разнеслась по окрестностям, якобы «приводя в ужас» тех, кто, по мнению Ибн Ганнама, отошел от истинного мусульманства¹⁰². Ваххабизм заявил о намерении проводить в жизнь свои принципы не только путем пропаган-

---

⁹⁷ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 9, см. также: Ибн Ганнам, ч. 1, стр. 30.

⁹⁸ Ибн Ганнам, ч. 1, стр. 30—31; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 9.

⁹⁹ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 9—10.

¹⁰⁰ Там же, стр. 10; F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, pp. 449—450.

¹⁰¹ Ибн Ганнам, ч. 2, стр. 2.

¹⁰² Там же.

ды, разрушения памятников, но и с помощью террора, рассчитанной жестокости.

Сообщение об этом убийстве дошло до правителя «Хасы, Катифа и окрестных кочевников» Сулеймана ибн Хамада ибн Гурайра аль-Хумайди. Аяйна находилась от него в какой-то зависимости. Во всяком случае через порты Хасы шла часть ее торговли. Кроме того, в Хасе у эмира Аяины была собственность, с которой он получал доходы. Сулейман аль-Хумайди приказал Осману убить шейха, а в случае невыполнения приказа грозил отрезать снабжение продовольствием и одеждой и лишить его доходов¹⁰³.

Причину подобных действий Сулеймана аль-Хумайди можно объяснить давлением на него местных улемов, недовольных популярностью нового учения, подрывающего их позиции. Среди населения Хасы также были и шииты, резко враждебные ваххабизму. Кроме того, видимо, вождь бану халид опасался растущей мощи ваххабитов, видя в них угрозу своей власти.

Однако эмир Аяины не решился или, быть может, не захотел расправиться с влиятельным вероучителем и выслал его¹⁰⁴. Не исключено, что Осман ибн Муаммар надеялся переждать некоторое время, а затем вернуть вероучителя.

Ибн Абд аль-Ваххаб обосновался в Дерийе в 1744/45 г.¹⁰⁵. В этом оазисе у него была группа последователей, среди которых два брата местного эмира Мухаммеда ибн Сауда, а также жена эмира. Вероучитель остановился у одного из своих учеников и немедленно предпринял попытку установить связи с правителем Дерийи. Братья эмира и его жена способствовали их сближению¹⁰⁵. Мухаммед ибн Сауд, питавший честолюбивые военные планы, уже был знаком с учением известного богослова и оценил перспективы ваххабизма.

Желание объединить усилия вероучителя, заинтересованного в военной поддержке, и честолюбивого эмира,

---

¹⁰³ Там же, стр. 3; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 10—11; F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, p. 450.

¹⁰⁴ F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, p. 450.

¹⁰⁵ Ибн Ганнам называет 1157 г. х. (ч. 2, стр. 4); Ибн Бишр дает 1158 г. х. (ч. 1, стр. 15). См. также: F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, p. 452.

¹⁰⁶ Ибн Ганнам, ч. 2, стр. 3; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 11.

нуждавшегося в пламенной проповеди, оказалось взаимным, и союз был заключен. Ибн Сауд поставил вероучителю два условия: первое — не уезжать из его оазиса, второе — разрешить ему собирать с жителей оазиса прежний налог. «У меня на жителей Дерийи налог, я его беру во время плодоношения, я боюсь, что ты мне скажешь: „Не бери его“», — заявил Ибн Сауд. Ибн Абд аль-Ваххаб согласился без возражений с первым условием, а второе отверг, пообещав эмиру, что его добыча в набегах и в священной войне будет гораздо больше этого налога ¹⁰⁷.

Этот факт показывает, что Ибн Сауд попытался поставить за собой право на феодальную эксплуатацию своих подданных, видимо «незаконную» с точки зрения мусульманского права (шариата). Но более прозорливый Ибн Абд аль-Ваххаб предложил Ибн Сауду отказаться от этого налога, добиваясь двух целей: сохранения «чистоты» доктрины и завоевания поддержки местного населения, участь которого ваххабизм немедленно облегчил. Все это по его плану должно было окупиться и действительно окупилось в результате огромных военных трофеев.

На этом заканчивается начальный период истории ваххабизма, его, так сказать, утробное развитие, эксперименты, провалы, политическое оформление. С момента переезда в Дерийю жизнь Ибн Абд аль-Ваххаба уже неотделима от судеб Дерийского эмирата и государства Саудидов.

---

¹⁰⁷ Ибн Бишр, стр. 12; Ибн Ганнам пишет только о первом условии (ч. 2, стр. 3).

ГЛАВА III

ВОЗВЫШЕНИЕ ГОСУДАРСТВА САУДИДОВ

После переезда вероучителя в Дерийю Осман ибн Муаммар понял, какие возможности упущены для укрепления его эмирата, и попытался вернуть Ибн Абд аль-Ваххаба¹. Но основатель секты остался верен союзу с Ибн Саудом. Вслед за Ибн Абд аль-Ваххабом в Дерийю перебралось много его последователей из Аяйны и других оазисов Неджда.

Столица будущего обширного саудидского государства в то время влачила жалкое существование. Ибн Сауд не мог обеспечить питанием даже ближайших учеников Ибн Абд аль-Ваххаба, и они были вынуждены работать по ночам, чтобы иметь возможность учиться днем. Во власти вероучителя была лишь сила убеждения². Своих последователей и приверженцев Ибн Абд аль-Ваххаб знакомил с некоторыми элементарными принципами учения и внушал им идею необходимости священной войны против «неверных»³.

После первых же набегов на соседей добыча была распределена «справедливо» в соответствии с ваххабитской доктриной: пятая часть — Ибн Сауду, остальное войнам: пешему — одну долю, всаднику — две. Приверженность к ваххабизму вознаграждалась материально. Если раньше газу был просто лихим набегом, то теперь он превратился в изъятие имущества у «многобожников» и передачу его в руки «истинных мусульман».

По внешним признакам военные действия ваххаби-

---

¹ Ибн Галнаи, ч. 2, стр. 4; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 13.

² Ибн Бишр, ч. 1, стр. 13.

³ Там же, стр. 14.

тов, хотя и проходившие под знаменем джихада, не отличались от обычной междоусобицы оазисов-государств. Стремительный набег, засада с несколькими десятками воинов, несколько десятков верблюдов или овец, захваченных в случае успеха, срубленные пальмы, разграбленное поле или несколько жилищ — таковы достижения Саудидов в первые годы после переезда в Дерийю Ибн Абд аль-Ваххаба.

Установление гегемонии Дерийи в Центральном Неджде. Неизменными союзниками дерийцев были воины Аяйны во главе с Османом ибн Муаммаром. Первые годы объединенными отрядами ваххабитов даже командовал эмир Аяйны⁴. Видимо, несмотря на переезд вероучителя в Дерийю, Осман ибн Муаммар продолжал претендовать на политическое руководство в зарождавшемся ваххабитском государстве. Он находился в родственных отношениях с Саудидами. Абд аль-Азиз ибн Мухаммед был женат на его дочери. (Ее сын Сауд, при котором ваххабиты достигнут зенита могущества, родился в 1748 г.⁵). Однако смертельная вражда между родственниками — явление, слишком обычное для Аравии, чтобы можно было удивляться последующему развитию событий. В соперничестве правителей Дерийи и Аяйны решающее значение имела позиция вероучителя, а он не забыл своего изгнания из Аяйны и питал к Саудидам чувство признательности.

Взаимная подозрительность между эмирами Дерийи и Аяйны вскоре привела к открытому столкновению. Во время осады ваххабитами оазиса Сармиды войском союзников командовал Осман ибн Муаммар. Сармида потеряла несколько десятков воинов и оказалась на грани поражения. Абд аль-Азиз, находившийся в подчинении Османа, предложил захватить оазис. Осман отказался, что вызвало недовольство ваххабитов⁶.

Эмира Аяйны обвиняли в том, что он вступил в тайную переписку с правителем Хасы Мухаммедом ибн Афаликом и готовил измену. В июне 1750 г. после пятничной молитвы он был убит ваххабитами — жителями своего оазиса. Правителем стал Мишари ибн Ибрагим

---

⁴ Ибн Ганнам, ч. 2, стр. 9—12; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 21.

⁵ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 23.

⁶ Ибн Ганнам, ч. 2, стр. 12; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 22.

ибн Муаммар, родственник убитого⁷. Еще через десять лет Аяйна окончательно потеряла свою независимость. Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб сместил Мишари, поселил его вместе с семьей в Дерийе, а на его место назначил человека, полностью покорного Саудидам. Вероучитель лично прибыл в Аяйну и приказал разрушить семейный замок Ибн Муаммаров⁸.

Через пять лет после заключения союза Ибн Абд аль-Ваххаба с Мухаммедом ибн Саудом власть Саудилов еще оспаривалась даже в самых ближайших к Дерийе оазисах. В 1750—1753 гг. эмираты Манфуха, Хураймиля, Дурма, бывшие в числе первых союзников ваххабитов, попытались порвать узы зависимости от Дерийи⁹. Особенно опасен был бунт Хураймили, где восстание вдохновил брат вероучителя Сулейман ибн Абд аль-Ваххаб. Он направлял по всему Неджду свои богословские послания, в которых осуждал учение брата. Под воздействием антиваххабитской пропаганды заволновалась даже покорная прежде Аяйна. Мухаммеду ибн Абд аль-Ваххабу пришлось удвоить свои пропагандистские усилия¹⁰. В 1755 г. Абд аль-Азизу с 800 пехотинцами и 20 конниками удалось взять Хураймилю. Сулейман бежал в Судайр¹¹.

Основным соперником Саудилов оставался Даххам ибн Даввас, эмир Рияда. Взаимные набеги отрядов из Дерийи и Рияда проводились почти каждый год. Вместе с Даххамом попеременно выступали жители областей и оазисов Вашма, Судайра, Садика, Хураймили. Правда, атакующей стороной чаще были ваххабиты. Об этом говорит хотя бы то, что в 1753, 54 г. Даххам был вынужден заключить перемирие, которое действовало около двух лет, и заявить о своей преданности обновленному исламу¹². А в 1757/58 г. дерийцы построили перед

---

⁷ Ибн Ганнам, ч. 2, стр. 13—14; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 23—24

⁸ Ибн Ганнам, ч. 2, стр. 57; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 43; F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, p. 457.

⁹ Ибн Ганнам, ч. 2, стр. 6, 9, 12, 15, 17, 18; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 18—26; F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, pp. 451—454. Ф. Манжен относит эти события ко второй половине 40-х годов.

¹⁰ Ибн Ганнам, ч. 2, стр. 20.

¹¹ Ибн Ганнам, ч. 2, стр. 45; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 29—30.

¹² Ибн Ганнам, ч. 2, стр. 19; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 28; F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, p. 454. Ф. Манжен это событие относит к 1748 г.

Риядом крепость для стеснения действий неприятеля¹³.

На недждийской сцене в конце 50-х годов вновь появились хасцы, во главе которых за несколько лет до этого стал энергичный Арайар ибн Дуджайн. Хасцы привлекли на свою сторону противников Дерийи — Рияд, Вашм, а также некоторые элементы Судайра, Муниха, Садика, Махмаля. Но набег не принес Арайару успеха, а некоторые его временные недждийские союзники поспешили заявить о верности Дерийе¹⁴.

В начале 60-х годов ваххабиты распространили атаки на Хардж, Сармиду, Ушайкир, Судайр и на кочевые племена и проникали даже в глубь территории Хасы. Даххам ибн Даввас был вынужден подчиниться Дерийе и выплатить большую контрибуцию¹⁵.

Неожиданное вторжение противника с юга прервало экспансию ваххабитов. В конце 1764 г. вождь племен, кочевавших в районе Неджрана, Хасан Хиббат-улла¹⁶ по просьбе жителей Южного Неджда и кочевников аджман выступил против Дерийи. Войско Абд аль-Азиза было разгромлено наголову, потеряв около 500 человек убитыми и 200 пленными.

Ибн Абд аль-Ваххаб обратился к воинам со словами утешения, а затем вступил в переговоры с неджранцами. Он проявил большую дипломатическую ловкость, поспешив заключить унизительное перемирие с неджранцами на условиях выплаты контрибуции и обмена пленными. Этим он добился, что неджранцы ушли, не дождавшись подхода Арайара из Хасы¹⁷.

Войско Арайара, вооруженное пушками, прибыло под Дерийю в начале 1765 г. К нему присоединились многие недждийцы; в том числе Даххам из Рияда и Зейд

---

¹³ Ибн Ганнам, ч. 2, стр. 53; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 40.

¹⁴ Ибн Ганнам, ч. 2, стр. 54—57; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 42—43. Ф. Манжен дает 1757 г., постепенно приближаясь к датам аравийских летописцев, а с 1769/70 г. их датировка начинает совпадать (F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, p. 456).

¹⁵ Ибн Ганнам, ч. 2, стр. 57—63; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 43—47; F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, pp. 457—461.

¹⁶ По словам Ф. Манжена, его считали астрологом (F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, p. 462).

¹⁷ Ибн Ганнам, ч. 2, стр. 65—66; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 47—48; F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, p. 462.

ибн Замиль, эмир Харджа. Но осада Дерийи кончилась неудачей¹⁸.

В 1765 г. умер Мухаммед ибн Сауд. Его место занял Абд аль-Азиз. Ибн Ганнам и Ибн Бишр пишут, что Абд аль-Азиз был не только наследником престола, но и имамом мусульман-ваххабитов. По данным Ф. Манжена, жители Дерийи «избрали» его эмиром. Слово «избрали», очевидно, означает, что жители столичного города имели какой-то вес при назначении на пост эмира¹⁹.

После потрясения, полученного в результате поражения от неджранцев и набега хасцев, эмират Саудилов быстро оправился. Его экспансия продолжалась ускоренными темпами, и к концу 60-х годов ваххабиты полностью покорили Вашм и Судайр, атаковали оазис Зилфи, расположенный к северо-востоку от богатой недждийской провинции Касым, совершили успешные рейды против кочевников к югу и востоку от Неджда. Некоторые подразделения кочевых племен субай и зафир подчинились ваххабитам. В 1769/70 г. большая часть Касыма присягнула на верность обновленной религии. Эта провинция попала, хотя и временно, под влияние Саудилов²⁰.

В таких условиях положение Рияда, окруженного со всех сторон вассалами или союзниками ваххабитов, становилось безнадежным. В одной из схваток дерийцы убили двух сыновей Даххама. Боевой дух старого риядского эмира был сломлен. Когда летом 1773 г. ваххабиты подошли к Рияду, они обнаружили, что город покинут жителями. Риядский эмир вместе с семьей бежал. Его примеру последовала большая часть жителей, не напрасно опасавшихся мести своих старых противников. Многие

---

¹⁸ Ибн Ганнам, ч. 2, стр. 66—68; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 48—49; F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, pp. 463—464. О поражении, нанесенном неджранцами ваххабитам, и о вторжении Арайара в Неджд сообщает также К. Нибур, который в середине 60-х годов посетил Хасу. Он, однако, вождем неджранцев называет некоего Меккрами, столкновения ваххабитов с хасцами, по его мнению, произошли перед их военными действиями против неджранцев (C. Niebuhr, *Description de l'Arabie...*, pp. 299—300).

¹⁹ Ибн Ганнам, ч. 2, стр. 74; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 49; F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, p. 465.

²⁰ Ибн Ганнам, ч. 2, с. 75—82; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 49—58; F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, pp. 465—470.

из рядцев погибли в пути от жары и жажды, многие пали под мечом ваххабитов²¹.

Борьба за преобладание в Центральном Неджде окончилась. Она длилась примерно четверть века, но по своим масштабам не выходила за рамки обычной междоусобной розни недждийских оазисов-государств. По подсчетам летописцев, возможно несколько преуменьшенным, в ней было убито 4—5 тыс. человек, из них более половины — последователи Даххама. И можно присоединиться к мнению Г. Филби, писавшего: «К тому времени Абд аль-Азиз уже восемь лет находился на троне Дерийи, которая была лишь немногим больше чем *primus inter pares* (первой среди равных) среди многочисленных городов-государств Аравии»²². Но теперь у ваххабитов была прочная база для дальнейшего расширения их государства.

Власть Саудидов держалась не только на силе оружия. В каждый присоединенный оазис из Дерийи направляли ваххабитских улемов, которые должны были проповедовать «истинное единобожие». Это приводило к тому, что часть населения начинала видеть в Дерийе не только сильный эмират, но и духовный центр, а в дерийских правителях не только могущественных эмиров, но и борцов за чистоту веры. Нельзя забывать, что улемы и просто сторонники ваххабизма в эмиратах, враждебных Дерийи, разлагали изнутри сопротивление, часто раскалывали аристократию, привлекали на свою сторону часть народа и, кроме того, выполняли функцию прямых шпионов Саудидов. Не случайно измены Даххама союзу с ваххабитами происходили тогда, когда он замечал, что влияние Дерийи через улемов охватывает его подданных. Военной мощи ваххабитов, соединенной с религиозным убеждением, он мог противопоставить только свое слабеющее оружие и террор. (Как сообщает арабский летописец, когда однажды Даххам узнал, что один из жителей его оазиса стал ваххабитом, он приказал отрубить ему ногу и руку и в таком виде отвезти в Дерийю. Несчастный вскоре умер²³).

---

²¹ Ибн Ганнам, ч. 2, стр. 82—86; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 60—61; F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, pp. 473—474.

²² H. Philby, *Saudi Arabia*, p. 62.

²³ Ибн Ганнам, ч. 2, стр. 9.

В записках аравийских летописцев, относящихся к началу деятельности ваххабитского государства, постоянно встречаются сообщения о столкновениях войска Саудилов с бедуинами. Но по мере развития событий, особенно в 80-х годах, выступления кочевых племен или их подразделений на стороне Дерийи становились все более частыми.

В целом же, несмотря на все свои усилия, Саудилов с большим трудом ломали сопротивление независимых эмиров. Силы децентрализации, раздробленности, племенной анархии давали о себе знать, и должно было пройти десять-двенадцать лет после падения Рияда, чтобы Неджд оказался целиком под властью Дерийи.

Объединение Центральной Аравии. Главным прогивником Саудилов в Неджде стал Зейд ибн Замиль, храбрый и ловкий эмир Дилама и всего Харджа. Он попытался вновь привлечь к участию в борьбе против ваххабитов племена неджранцев. С этой целью он обратился к эмиру Неджрана с просьбой прислать ему на помощь воинов, обещая определенное вознаграждение. Этот факт очень любопытен. Он показывает, что в Неджде в те времена существовала такая форма союзов, в которой одна из сторон как бы нанимала другую для участия в военных действиях.

В ответ на просьбу Зейда эмир Неджрана послал свое войско, но вместо помощи неджранцы начали вымогать деньги и грабить жителей Харджа. Намеченный союз не удался. Замиль объявил о своем присоединении к ваххабитам, хотя через некоторое время снова изменил им²⁴.

Воины бану халид во главе с Арайаром в середине 70-х годов вторглись в Неджд, захватили Бурайду в Касуме и жестоко разграбили ее. Многие правители оазисов Неджда, недовольные властью Саудилов, готовы были поддержать хасцев, но Арайар внезапно умер, и его войско отступило. В стане бану халид началась борьба за верховенство, созрел заговор против Саадуна, сына Арайара, но он смог удержаться у власти²⁵.

В течение нескольких последующих лет хасцы почти

---

²⁴ Ибн Ганнам, ч. 2, стр. 88—94; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 63—64; F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, pp. 474—478.

²⁵ Ибн Ганнам, ч. 2, стр. 88—90, 94; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 61—63; F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, pp. 475—478.

каждый год появлялись в Неджде. Вместе с бану халид в набегах участвовали кочевники из племен субай и зафир. Ряд оазисов Неджда — Харма, Маджмаа, Зилфи и многие другие — то присоединялись к ваххабитам, то отпадали от них и действовали самостоятельно, то объединялись с врагами Дерийи — Саадуном ибн Арайаром и Зейдом ибн Замилем²⁶.

Поведение жителей Йамамы в Хардже можно считать характерным для того времени. В 1744 г. они направили в Дерийю делегацию во главе со своим эмиром и попросили Абд аль-Азиза считать их его подданными. Дерийский правитель прислал им законоведа (факыха), чтобы тот был судьей в оазисе и «направлял на путь истинный» их души. Но едва этот богослов поселился в Йамаме, как жители устроили заговор с целью убить его вместе со всеми сторонниками ваххабизма. Богослова предупредили о заговоре, и он бежал. Абд аль-Азиз вынужден был направить в Йамаму Сауда с войском, чтобы навести порядок и оставить там ваххабитский гарнизон²⁷.

Как велись военные действия в тот период, показывает один любопытный эпизод, приведенный в записках Ф. Манжена. Около Дилама ваххабиты воздвигли крепость для стеснения действий дружины Зейда ибн Замия. Подходы к ней были трудными. Ее защищали отборные ваххабитские солдаты. Чтобы выбить противника из крепости, диламцы под руководством одного перса, жившего в оазисе, соорудили деревянную коробку на четырех колесах и облили ее свинцом для защиты от пуль. В коробку залезли воины и покатали ее к крепости. Но на подходах к крепости это сооружение застряло и не могло двинуться ни вперед, ни назад. Лишь отчаянная вылазка отряда смельчаков из Дилама спасла воинов, находившихся в передвижной башне²⁸.

Несмотря на ожесточенное сопротивление, государство Саудидов постепенно расширяло свое влияние и территорию. После взятия ваххабитами оазиса Маджмаа прекратилась деятельность активнейшего антиваххабит-

---

²⁶ Ибн Ганнам, ч. 2, стр. 91—107; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 65—68, 70—72; F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, pp. 480—486. При совпадении общей картины Неджда в те годы ее детали различаются во всех трех источниках.

²⁷ F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, pp. 479—480.

²⁸ Ibid., pp. 483—484.

ского проповедника — Сулеймана ибн Абд аль-Ваххаба. Вместе с семьей его переселили в Дерийю, где он и оставался до самой смерти²⁹.

Окончательная судьба Касыма решилась в начале 80-х годов. Уже несколько лет в этой провинции происходили волнения, междоусобицы, выступления против Дерийи. Сказывалась старая вражда, прежние привязанности, антипатии и союзы. В 1782 г. в Касым вторгся Саадун ибн Арайар во главе кочевников бану халид, шаммар и зафир с весьма решительными намерениями изгнать ваххабитов. К нему присоединился Зейд ибн Замиль с войском из Харджа. Несколько недель они осаждали Бурайду, оставшуюся верной ваххабитам, но на этот раз безуспешно. Антиваххабитская коалиция распалась, хасцы покинули Неджд³⁰.

В 1783 г. в одной из схваток был убит Зейд ибн Замиль. Погиб стойкий и упорный противник Саудидов. Во главе Дилама стал его сын Баррак. Однако его положение было неустойчивым из-за соперничества внутри семьи эмира³¹.

В 1783—1786 гг. Неджд постигла страшная засуха, сопровождавшаяся голодом. Положение Харджа, блокированного ваххабитами, стало отчаянным. Дерийские отряды перехватывали караваны с продовольствием, направлявшиеся в Дилам, что усугубляло голод. В 1785 г. оазис был взят штурмом. Эмир и некоторые его сторонники были убиты. Весь Хардж принес присягу верности Саудидам. Правителем Дилама был назначен ваххабитский военачальник Сулейман ибн Уфайсан³².

Примерно в эти же годы Дерийе подчинились Афладж и Вади Давасир, хотя в последней провинции еще долго продолжались восстания против ваххабитов³³.

Тяжелую руку дерийских правителей почувствовали на себе самые могущественные кочевые племена Аравии.

²⁹ Ибн Ганнам, ч. 2, стр. 95; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 65; F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, p. 479.

³⁰ Ибн Ганнам, ч. 2, стр. 91—114; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 75—76; F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, pp. 485—486.

³¹ Ибн Ганнам, ч. 2, стр. 119; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 78.

³² Ибн Ганнам, ч. 2, стр. 120—124, 132; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 78—80. Ф. Манжен присоединение Харджа и Дилама относит к 1783 г. (F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, p. 492).

³³ Ибн Ганнам, ч. 2, стр. 124—131; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 79—80, 83; F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, pp. 491, 496—499.

Когда в 1781 г. ваххабиты разгромили кочевников зафир, они забрали у них все имущество, лагерное снаряжение, 17 тыс. овец и коз, 5 тыс. верблюдов, 15 лошадей³⁴. Ваххабиты успешно совершали набеги также на бану мурра и кахтан, субай и бану халид. Они проникли далеко на север и во второй половине 80-х годов подчинили Джебель-Шаммар³⁵. Ваххабиты стали главной силой в Аравии.

Консолидация центральноаравийских земель вокруг Дерийи завершилась. Хотя в отдельных областях происходили выступления против Саудидов, местных эмиров уже нельзя считать их соперниками. В лучшем случае это были полузависимые вассалы либо чаще — прямые ставленники Дерийи, игравшие роль губернаторов. В конце 80-х годов, например, Сауд посетил Анайзу, один из главных городов Касыма, и без всякого сопротивления сместил неугодного ему эмира. Многочисленные представители аристократии Анайзы вместе с прежним эмиром отправились в Дерийю заложниками³⁶.

Общее укрепление власти и влияния дома Саудидов привело к тому, что Абд аль-Азиз и Ибн Абд аль-Ваххаб в 1788 г. решились на очень важный шаг. Они решили обеспечить Сауду при жизни имама Абд аль-Азиза наследственное право на трон. Вероучитель взял на себя задачу привести к присяге города и провинции государства. Объявление официального наследника престола укрепляло династию Саудидов, так как обеспечивало более безболезненный переход власти от эмира к наследнику. Сауд и так был популярен благодаря своему мужеству, военным успехам и участию в решении государственных дел. Но объявление наследника престола при жизни правителя было фактом исключительным³⁷.

---

³⁴ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 75. Сообщая об этом факте, Ибн Ганнам (ч. 2, стр. 110—111) цифр не приводит.

³⁵ Ибн Ганнам, ч. 2, стр. 126—130; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 77—82; Ф. Манжен также сообщает о присоединении Джебель-Шаммара, но относит это событие к 1785 г. (F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, p. 496).

³⁶ Ибн Ганнам, ч. 2, стр. 136; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 83; F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, p. 499. Даты различаются у аравийских летописцев и Ф. Манжена снова с 1783—1785 гг.

³⁷ Ибн Ганнам, ч. 2, стр. 137; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 83. Ф. Манжен это событие относит к 1787 г. (F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, pp. 499—500).

Наследование от отца к сыну стало обычным делом в Аравии, но вовсе не обязательным. Власть передавалась и по старшинству в роде и по личным достоинствам ближайших родственников. Существовали традиции выбора эмира высшей аристократией. Упорное оправдание ваххабитским летописцем Ибн Ганнамом законности присяги Сауду наводит на мысль, что идея обязательной передачи власти от отца к сыну была даже чужда арабам и, возможно, встретила некоторое сопротивление. Тем большее значение в аравийских условиях приобретало наследование по прямой линии, которое сохранилось вплоть до гибели первого ваххабитского государства.

Опираясь на ресурсы Центральной Аравии, ваххабиты начали успешное продвижение во всех направлениях: на восток и северо-восток — в Хасу и Нижний Ирак, на запад — в Хиджаз, на юго-запад — в Йемен, на юго-восток — в Оман, на север — к границам Сирии. Иногда в один год они совершали несколько крупных походов, иногда чередовали по годам удары, наносимые по различным районам.

Ваххабиты в Восточной Аравии. Наступление ваххабитов на Хасу облегчалось внутренними распрями в этой богатейшей провинции. В 1785/86 г. против Саадун ибн Арайара созрел заговор среди его ближайших родственников. Для поддержки своих планов они привлекли шейха мунтафиков Сувайни ибн Абдаллаха. Начались военные действия.

В решающем столкновении Саадун потерпел поражение и бежал. Он обратился в Дерийю с просьбой об убежище. Его приняли с почетом. Есть сведения, что вскоре после этого он умер. Во главе Хасы и бану халид на некоторое время стал Дивайхис³⁸.

Давление ваххабитов на Хасу было на короткое время ослаблено неожиданным налетом шейха мунтафиков Сувайни на Касым в 1786/87 г. Он собрал большое войско, вооружил его артиллерией; с ним вместе участвовали в набеге некоторые подразделения шаммаров, а также жители Зубайра. Войско Сувайни разграбило не-

---

³⁸ Ибн Ганнам, ч. 2, стр. 124—125; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 80. Ф. Манжен относит это событие к 1784 г. (F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, pp. 492—493).

сколько селений Касыма, осадило Бурайду, но было отброшено³⁹.

Вернувшись в район кочевий мунтафиков, Сувайни в соответствии с неоднократными прецедентами попытался захватить Басру и провозгласить себя ее правителем. По его настоянию делегация знатных жителей Басры была отправлена в Стамбул, чтобы просить у султана фирман на назначение Сувайни губернатором города. Однако такое развитие событий меньше всего входило в планы практически независимого от Порты Буюк Сулеймана, паши Багдада. Осенью 1787 г. он выступил против Сувайни, разгромил его у города Сук аш-Шуух, из черепов его убитых воинов он приказал сложить три башни. Сувайни бежал, а шейхом мунтафиков был назначен Хамуд ибн Самир⁴⁰.

Именно в конце 80-х годов аравийские летописцы отмечают все более активное участие бедуинов отдельных племен в походах на стороне ваххабитов. У Ибн Бишра часто встречается фраза: «И в этом году Сауд ибн Абд аль-Азиз с победоносными армиями из оседлых жителей Неджда и его бедуинов направился в [такую-то] сторону». Через несколько лет в этой фразе все чаще бедуины ставятся на первое место, а иногда и упоминаются как самостоятельная сила.

Каждый год ваххабиты совершали рейды в глубь Хасы, достигали побережья Персидского залива. В 1787/88 г. Сулейман ибн Уфайсан с боями прошел через Катар, затем разграбил несколько оазисов и порт Укайр в Хасе⁴¹. Набегам ваххабитов подвергались не только оазисы Восточной Аравии и кочевники бану халид, но также племя мунтафик на севере от Хасы⁴². Это означало все большую изоляцию провинции. Всякое сопротив-

---

³⁹ Ибн Ганнам, ч. 2, стр. 127—129; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 81. Ф. Манжен дает 1785 г. (F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, pp. 494—495).

⁴⁰ Ибн Ганнам, ч. 2, стр. 129—130; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 81—83; F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, p. 496. Но у Ф. Манжена это событие падает на осень 1785 г., а также есть различия с аравийскими летописцами в некоторых деталях.

⁴¹ Ибн Ганнам, ч. 2, стр. 135—138; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 83. У Ф. Манжена — 1786 г. (F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, p. 499).

⁴² Ибн Ганнам, ч. 2, стр. 138—139; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 84—85; F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, pp. 500—501.

ление ваххабиты подавляли с большой жестокостью, используя арсенал террора для устрашения непокорных. Ибн Ганнам пишет, что как-то раз ваххабиты ворвались в один из оазисов, «большую часть мужчин этого селения, а число их было триста, они нашли в одном из домов и всех убили»⁴³.

Осенью 1788 г. на стороне ваххабитов сражались уже некоторые подразделения племени бану халид. Противники ваххабитов потерпели поражение, и вождем всех бану халид стал ставленник Дерийи Зейд ибн Арайар. Хаса в целом, однако, была еще далеко не усмирена⁴⁴. Последующее упорное сопротивление ее жителей, их неоднократные восстания свидетельствовали о том, что антиваххабитские настроения были здесь очень сильны. Это объясняется, возможно, и наличием сильных шиитских элементов в Хасе, а также тем, что ее жители привыкли смотреть на недждийцев, как на объект своих нападений, и не могли примириться с ролью подчиненных. И не случайно ваххабиты особенно выделяли религиозные цели для оправдания набегов. Ибн Ганнам пишет, что целью похода Сауда было разрушение идолов и мест поклонения дьяволу⁴⁵.

В 1791/92 г. Сауд огнем и мечом прошел по оазисам Восточной Аравии и взял Катиф. Тем временем Сулейман ибн Уфайсан вновь совершил набег на Катар⁴⁶. Но вскоре вся Хаса была в пламени восстания. Бану халид сместили ставленника ваххабитов, шейхом стал Баррак ибн Абд аль-Мухсин, который немедленно начал набег на бедуинов и оазисы, подвластные Саудидам. Но в одном из сражений бану халид были разгромлены, потеряв более тысячи человек. Оазисы Хасы выразили покорность Сауду. Ваххабиты в течение месяца оставались в этой провинции, наводя порядок, разрушая куббы, все места поклонения шиитов. В города и оазисы были по-

---

⁴³ Ибн Ганнам, ч. 2, стр. 141.

⁴⁴ Там же, стр. 142—153; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 85—86; F. Mengin, *Histoire de l'Égypte...*, vol. 2, pp. 502—503. Напряженность борьбы, быстрое чередование событий, постоянные переходы отдельных лиц то на ту, то на другую сторону создавали калейдоскопическую картину. Не удивительно, что ее детали различаются во всех трех источниках.

⁴⁵ Ибн Ганнам, ч. 2, стр. 153.

⁴⁶ Там же, ч. 2, стр. 152—153; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 88.

сланы ваххабитские учителя и улемы для пропаганды «единобожия» и обновленной религии⁴⁷.

В разгар покорения Хасы, в 1792 г., умер основатель ваххабитского движения, вероучитель Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб⁴⁸. Его роль в образовании государства Саудидов трудно переоценить. Для своего времени, своего общества, своего класса он был выдающейся фигурой. Однако подняться выше религиозного и феодального мировоззрения он не мог. Это естественно.

Лично о нем можно говорить как о человеке большого мужества и страсти. Чтобы бросить вызов всей религиозной системе тогдашней Аравии, оказаться лицом к лицу перед разгневанными защитниками старого, нужна была недюжинная личная смелость. Его жизни неоднократно грозила опасность, он трижды подвергался изгнанию, но это не сломило его волю. Своим страстным словом и красноречием он немало способствовал успеху религиозного движения, начатого им, и расширению государства Саудидов, взявшего на вооружение его доктрину. Ибн Бишр пишет, что вероучитель «поднял знамя джихада, хотя до него были лишь бунты и убийства»⁴⁹. Как отмечал Ф. Манжен, «он в высшей степени обладал искусством убеждать и покорял сердца своими выступлениями...»⁵⁰.

Это был человек большой жизненной силы. «Он любил женщин и имел двадцать жен, у него было 18 детей»⁵¹. Пятеро из его сыновей и многочисленные внуки стали известными богословами. В последние годы жизни он уже одряхлел и мог выходить на молитву только при поддержке двух сопровождающих.

Тем временем в Хасе вновь началось восстание против власти недждийцев. Жители Хуфуфа поднялись против ваххабитов, убили тридцать представителей Дерийи — губернатора, чиновников, ваххабитских улемов, протаскивали их тела по улицам города и публично изуродовали. Хуфуф поддержали еще несколько оазисов. Ваххабитский

---

⁴⁷ Ибн Ганнам, ч. 2, стр. 157—162; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 97—99; F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, pp. 507—509.

⁴⁸ Ибн Ганнам, ч. 2, стр. 154; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 89; F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, p. 506.

⁴⁹ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 90.

⁵⁰ F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, p. 506.

⁵¹ Ibid.

ставленник Зейд ибн Арайар, вождь бану халид, изменил хозяевам и принял участие в восстании.

Осенью 1793 г. Сауд с большими силами направился в Хасу. Бедуины из его войска грабили все на своем пути, убивали без пощады сопротивляющихся, разоряли пальмовые рощи, забирали урожай фиников, пасли скот на полях. Соперник Зейда ибн Арайара и прежний противник ваххабитов Баррак ибн Абд аль-Мухсин перешел на их сторону. Вся Хаса выразила им покорность. Баррак ибн Абд аль-Мухсин от имени Саудидов стал губернатором провинции⁵².

Весной 1796 г., воспользовавшись тем, что ваххабиты были заняты военными действиями на западе и юго-западе от Неджда, Баррак попытался сбросить их власть. Непосредственной причиной этого, по мнению Ибн Ганнама, было стремление ваххабитов со всей строгостью навязывать свое учение⁵³. Но через несколько месяцев Сауд с сильной армией прибыл в Хасу и вновь подавил восстание⁵⁴.

Вот как описывает покорение Хасы Ибн Бишр:

«А когда пришло утро и после молитвы выступил Сауд, и когда они (ваххабиты. — А. В.) уселись на верховых животных и разом выстрелили из ружей, то потемнели небеса, содрогнулась земля, в воздух поднялись клубы дыма, а у многих беременных женщин в Хасе произошел выкидыш. Тогда к Сауду явились все жители Хасы, чтобы он казнил их или помиловал.

Он приказал им всем явиться к нему, и они явились, он оставался там несколько месяцев, убивая, кого хотел, изгоняя, кого хотел, заключая в тюрьму, кого желал заточить, забирая имущество, разрушая дома и воздвигая крепости. Он потребовал от них тысячи дирхемов и взял их. И все это потому, что они часто не выполняли договор и отвергали мусульман, а враги [мусульман] вовлекали их [в борьбу] против них. Увеличил Сауд число их убийств. И вместе с Наджимом ибн Духайним несколько человек хватили на базарах тех, кто бес-

⁵² Ибн Ганнам, ч. 2, стр. 158—166; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 97—101; F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, pp. 508—509. У Ф. Манжена всех подробностей нет, но Ибн Ганнам был современником описываемых событий, и ему можно доверять больше.

⁵³ Ибн Ганнам, ч. 2, стр. 174—175.

⁵⁴ Там же, стр. 174—185; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 105—106.

путничал и отвергал договор... И этого убивали прямо в оазисе, а этого ташили к лагерю и отсекали голову перед палаткой Сауда, пока не истребили они их, за исключением немногих. В этом набеге Сауд завладел несчетными деньгами. Когда он решил покинуть Хасу, он схватил нескольких знатных из населения Хасы... отправился с ними в Дерийю и поселил их там. В Хасе он назначил эмиром упомянутого Наджима, а он человек из просто-народья Хасы»⁵⁵.

Чтобы выплатить наложенную ваххабитами контрибуцию, жители Хасы распродавали свое имущество. У них потребовали сдать все оружие⁵⁶.

Так завершилось покорение ваххабитами Восточной Аравии.

В начале 90-х годов военные действия к западу от Неджда также были в полном разгаре.

Эмират Саудидов и Хиджаз до 1802 г. Долгое время после начала ваххабитского движения и экспансии эмирата Саудидов между дерийскими правителями и хиджазской аристократией не было военных столкновений. Саудида были заняты покорением Неджда, затем Восточной Аравии, а в Мекке шла напряженная внутренняя борьба. Власть шерифа Мусаида, правившего с 1752 по 1770 г., была непрочной.

К концу его правления над Меккой нависла угроза потери самостоятельности, которой она пользовалась в рамках Османской империи. В 1769 г. каирский правитель Али-бей провозгласил независимость Египта от Порты; к своим владениям он намеревался присоединить Хиджаз. В конце того же года Али-бей направил десант с целью захватить Джидду; в Хиджаз было также послано войско сухопутным путем. Мекка оказалась в руках египтян. Мусаид умер незадолго до этого. В 1770 г. Али-бей уже провозгласил себя «султаном Египта и обоих морей», а его имя упоминалось в хутбе в мечетях Египта и Хиджаза. Его экспедиция в Аравию, стоившая 26 млн. ливров, помимо захвата Хиджаза ставила целью установить контроль над индийской торговлей через Джидду⁵⁷. Как известно, попытка Али-бея создать независимое

⁵⁵ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 106.

⁵⁶ Ибн Ганрам, ч. 2, стр. 184.

⁵⁷ C. F. Volney, *Voyage en Syrie et en Egypte...*, pp. 81—82, 88; J. L. Burckhardt, *Travels in Arabia*, vol. I, p. 412.

арабское государство не увенчалась успехом и Хиджаз вновь обрел самостоятельность.

По сообщениям аравийских летописцев, Саудида и вероучитель пытались поддерживать с правителями Мекки дружественные отношения и даже питали надежду сделать их приверженцами обновленной религии. Вскоре после переезда вероучителя в Дерийю при шерифе Масуде ибн Саиде тридцать ваххабитских богословов прибыли в Мекку, чтобы получить разрешение на паломничество и вступить в диспут с мекканскими богословами о некоторых принципах ислама. Хиджазцы, по сообщению Дахлана, нашли учение ваххабитов страшной ересью и безбожием. Масуд велел доказательства еретичности ваххабизма записать и повсюду их распространить. Он также приказал «подлых безбожников» заковать в цепи и бросить в тюрьму. Части из них удалось бежать, и они сообщили обо всем происшедшем в Дерийю⁵⁸.

В начале 70-х годов Ибн Абд аль-Ваххаб и Абд аль-Азиз вели переписку с Ахмедом ибн Саидом. Недждийские и мекканские правители посылали друг другу подарки. Шериф даже попросил прислать богослова для изложения принципов ваххабитской доктрины, и в ответ на его просьбу был послан в Мекку Абд аль-Азиз ибн Абдаллах аль-Хасын. Чем кончилась его миссия, летописцы не сообщают⁵⁹. Во всяком случае в те годы шерифы временами не препятствовали паломничеству ваххабитов в Мекку. Спустя десять лет Абд аль-Азиз послал новому мекканскому шерифу, Суруру, ценные подарки в знак своей дружбы⁶⁰.

Чем вызвана подобная неровность во взаимоотношениях Дерийи и Мекки? Видимо, здесь надо различать две стороны. Пока интересы недждийцев и хиджазцев прямо не сталкивались и пока хиджазцы опасались вмешательства в свои дела египтян или турок, правители Мекки и Дерийи могли поддерживать умеренно дружественные отношения. Что касается учения ваххабитов, то, скорее всего, к нему хиджазские улемы и аристократия с самого начала отнеслись крайне враждебно. Это

⁵⁸ Ахмед Дахлан, *Хуласат аль-калям*, стр. 228; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 23.

⁵⁹ Ибн Ганнам, ч. 2, стр. 80—81; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 58—59, F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, pp. 470—471.

⁶⁰ F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, p. 490.

не мешало в определенные периоды ваххабитским улемам появляться в Мекке и пытаться найти там сторонников новой доктрины.

Эмир Мекки Сурур, правивший с 1773 г., сумел сломить своеволие шерифских семей⁶¹. Укрепление позиций мекканских правителей в Хиджазе произошло одновременно с возвышением Дерийи. В 1788 г., вскоре после смерти Сурура, шерифом Мекки стал молодой Галиб ибн Мусайд, не имевший реальной власти и некоторое время бывший лишь орудием в руках рабов и евнухов Сурура. Они установили в городе беззаконие и произвол, притесняли местных жителей, восстановили против себя всех мекканцев. И это помогло Галибу вскоре расправиться с непокорными рабами и укрепить свой авторитет. Галиб был храбрым воином и проницательным политиком. Он умел поддерживать хорошие отношения с соседними с Меккой бедуинскими племенами и, опираясь на них, а также на обновленную гвардию рабов в несколько сот человек, проводить завоевательные набеги⁶².

Первоначальные планы Галиба в отношении Неджда неизвестны. Во всяком случае после того как он стал эмиром Мекки, он направил Абд аль-Азизу письмо с просьбой прислать богослова для изложения принципов ваххабизма. Вновь был послан Абд аль-Азиз аль-Хасын. Но его миссия не увенчалась успехом, и, видимо, Галиб лишний раз убедился в несовместимости учения ваххабитов с интересами хиджазцев⁶³.

Против Неджда в 1790/91 г. Галиб организовал серьезную экспедицию. В Центральную Аравию вторглось десятитысячное войско с 20 пушками под командованием его брата Абд аль-Азиза. В него входили кочевые племена Хиджаза, а также шаммар, мутайр и другие кочевники Неджда. Позднее во главе похода стал сам Галиб. Но его попытки завладеть некоторыми укрепленными оазисами Неджда были тщетными. Кочевники покинули шерифа. С основным ядром войск он вернулся в Мекку. Летом 1791 г. Сауд в районе Джебель-Шаммара нанес сокрушительное поражение союзникам шерифа,

⁶¹ Аш Шаукани. *Аль-бадр ат-тали*, ч. 2, стр. 4; J. L. Burckhardt, *Travels in Arabia*, vol. I, pp. 410—413; Ch. Didier, *Séjour chez le grand-chérif de la Mekke*, pp. 171—172.

⁶² J. L. Burckhardt, *Travels in Arabia*, vol. I, pp. 415—417.

⁶³ Ибн Ганнам, ч. 2, стр. 144.

участвовавшим в его экспедиции, — кочевникам шаммар и мутайр. Бедуины бежали, оставив ваххабитам богатейшую добычу — около ста тысяч овец и коз и несколько тысяч верблюдов⁶⁴.

Отряды ваххабитов начали совершать походы в районы, расположенные между Недждом и Хиджазом, и нападать на оазисы и племена, подвластные шерифу. В мае 1795 г. Сауд уже осаждал Турабу, важнейший стратегический пункт на подступах к Хиджазу с юго-востока⁶⁵.

Летом того же года в ответ на нападение ваххабитов хиджазцы совершили рейд в Неджд. Ободренный успехом набега, Галиб зимой 1795/96 г. снарядил новое большое войско с пушками для экспедиции в глубь Аравии. Оно было наголову разбито объединенными силами подвластных Дерийи кочевых племен мутайр, субай, сухуль, давасир, аджман и, видимо, некоторыми подразделениями атайба. По данным Ибн Ганнама, добыча ваххабитов составила 30 тыс. верблюдов и 200 тыс. овец и коз⁶⁶.

Тяжелое поражение заставило Галиба пойти на перемирие. Он вступил в переписку с Абд аль-Азизом и вновь попросил прислать богословов. Эта просьба была выполнена, и группа ваххабитских улемов во главе с Ибн Насыром ибн Муаммаром была послана в 1796/97 г. в Мекку⁶⁷. Тем не менее уже в следующем году войска шерифа вновь атаковали бедуинов-ваххабитов. Отношения между недждийцами и хиджазцами были в высшей степени напряженными. Ваххабиты явно имели перевес в силах. Они продолжали свое продвижение на юг и вышли в Неджран, на северные границы Йемена⁶⁸. Видимо, к этому периоду относятся их контакты и с племенами Асира.

Могущественное племя атайба, которое раньше подчинялось мекканским шерифам, в 1797/98 г. присоеди-

⁶⁴ Ахмед Дахлан, *Хуласат аль-калям*, стр. 261—262; Ибн Ганнам, ч. 2, стр. 145—152; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 86—87; F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, pp. 502—505.

⁶⁵ Ибн Ганнам, ч. 2, стр. 171; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 102—103; F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, p. 510.

⁶⁶ Ибн Ганнам, ч. 2, стр. 173; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 103—105; F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, pp. 510—511.

⁶⁷ Ахмед ибн Насыр ибн Осман аль-Муаммари, *Ар-рисаля*, стр. 55; Ибн Ганнам, ч. 2, стр. 200—203.

⁶⁸ Ибн Ганнам, ч. 2, стр. 174; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 105.

лось к ваххабитам. Бедуины согласились выполнять все положения ваххабизма и платить закят. Они также обязались выплатить контрибуцию за враждебное ваххабитам поведение в прошлом. По сообщению Ф. Манжена, кочевники с каждой семьи заплатили по 4 талера и с каждого рода — определенное количество оружия, лошадей, верблюдов⁶⁹.

В 1798 г. Галиб, имея в составе своего войска турецких, египетских и магрибинских наемников, несколько раз пытался продвинуться до Хурмы и Бишы. Он был разгромлен, потеряв несколько сот человек; все вооружение, снаряжение, а также большие суммы денег, предназначенные для выплаты жалованья солдатам, попали в руки ваххабитов. Ваххабиты установили контроль над Бишей. Мекканский шериф вновь пошел на перемирие и разрешил ваххабитам совершать хадж⁷⁰. Через два года, как сообщает Ибн Бишр, Сауд с семьей и войском совершил первое паломничество в Мекку, а на следующий год — второе. Там он щедро раздавал подарки и вербовал себе сторонников⁷¹. Именно в это время Осман аль-Мудайфи, родственник шерифа, установил с ним связь и предложил свои услуги⁷². В 1800—1801 гг. ваххабитские улемы опять прибыли в Мекку для проведения богословского диспута⁷³.

Становилось очевидным, что ваххабиты стояли на пороге полного подчинения Хиджаза.

Неудачные турецкие экспедиции в Хасу. Одновременно с завоеванием Хасы, а особенно после ее покорения ваххабитские летучие отряды совершали набеги на районы, расположенные к северу. Их нападениям, в частности, подвергались кочевые племена и селения Нижнего Ирака. Тревожные вести об активности ваххабитов доходили до Багдада и даже до Стамбула. Подталкиваемый Портой, багдадский паша готовился выступить против ваххабитов.

Багдадский пашалык в те годы находился на особом

---

⁶⁹ F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, p. 514; Ибн Ганнам, ч. 2, стр. 245; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 111.

⁷⁰ Ибн Ганнам, ч. 2, стр. 242—247; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 112—117, 120; F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, pp. 516—517.

⁷¹ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 120—121.

⁷² F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, p. 521.

⁷³ Аш-Шаукани, *Аль-бадр ат-тали*, ч. 2, стр. 7.

положении в Османской империи. После разорительных турецко-персидских войн, после смут и внутренних междоусобиц власть в Багдаде в 1780 г. захватил Буюк Сулейман, грузинский раб бывшего багдадского пашы. Стамбул вынужден был утвердить его на этом посту. По мнению С. Лонгригга, «в течение полувека [с 1780 г.] власть грузинского пашы, опиравшегося лишь на гражданскую и военную организацию в стране, была властью независимого монарха. Полунаследственная монархия, не турецкая по своему происхождению, приведенная к власти не турецким правительством, теперь настолько прочно укрепилась, что в течение 50 лет султан мог считать Ирак лишь заслуживающим уважения соседом»⁷⁴. К тому же английская Ост-Индская компания явно поддерживала багдадского пашу против султана.

Фактическая независимость от Стамбула, где к концу XVIII в. власть султана приобретала все более призрачный характер, не исключала из жизни Багдадского пашалыка ни внутренних междоусобиц, ни постоянной борьбы за власть, ни восстаний отдельных районов или городов с целью добиться самостоятельности. Неподчинение багдадского пашы слабеющей Порте еще не означало силы Багдадского пашалыка. Это наглядно продемонстрировали удары, нанесенные по нему ваххабитами.

Экспансия ваххабитов в этом районе была нацелена на северо-восток. В том же направлении на протяжении столетий шла общая миграция арабских племен. В частности, известно, что в XVIII в. шаммары проникли далеко в глубь Ирака и даже переселились за Тигр⁷⁵. Во время страшного голода в Центральной Аравии в 60-х годах жители Неджда переселялись в Зубайр и дальше на север⁷⁶. Военные набеги ваххабитов, частично совпадавшие с общим потоком миграции, усиливали в результате этого свой динамизм.

Бедуинские племена, кочевавшие в Нижнем Ираке, поддерживали с городами и селениями Ирака постоянные тесные торговые и другие связи. Правители Багдада были заинтересованы в их помощи для обеспечения безопасности торговых путей, деревень и даже городов, для

---

⁷⁴ S. H. Longrigg, *Four centuries of modern Irak*, pp. 199—200.

⁷⁵ Ibid., p. 202.

⁷⁶ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 52.

приобретения выючных и верховых животных. Продолжая тысячелетние традиции правителей Междуречья, багдадские паши с большей или меньшей щедростью одаривали вождей бедуинов и даже вооружали их, чтобы они служили щитом на пути набегов кочевников из глубинных областей Аравии. Использование мунтафиков и других племен в попытке сокрушить власть ваххабитов в Хасе полностью соответствовало этой традиционной политике.

Поход против ваххабитов возглавил Сувайни. Бывший вождь мунтафиков, изгнанный после неудачной попытки утвердиться в Басре, долгое время скитался, даже жил некоторое время в качестве почетного гостя в Дерийе. Затем, по одним данным, вновь захватив власть в своем племени, он обратился к Буюк Сулейман-паше с просьбой вооружить его против ваххабитов. По другим данным, с этой просьбой к Сулейман-паше обратилась группа вождей бедуинов, кочевавших в районе Басры, которых начали теснить ваххабиты⁷⁷. По третьей же версии, Сувайни сам отдался на милость багдадского правителя и убедил его передать ему власть над мунтафиками. В обмен он обещал совершить экспедицию в Неджд и разгромить ваххабитов. И тогда Буюк Сулейман сместил Хамуда ибн Самира с поста главы племени и назначил на его место Сувайни⁷⁸.

Как бы ни происходили предшествующие события, в начале 1797 г. Сувайни выступил против ваххабитов. Под его началом были солдаты регулярных турецких войск, а также отряды из Басры и Зубайра. Он располагал и несколькими пушками. Некоторые подразделения племени бану халид во главе с бежавшим из Хасы Барраком ибн Абд аль-Мухсином были готовы присоединиться к нему. Несколько турецких подразделений переправлялись в Хасу морем.

Абд аль-Азиз, понимая всю опасность ситуации, собрал все свои силы. В Хасу он направил лучшую кавалерию «с вождями, привыкшими побеждать»⁷⁹. Верным бедуинам он приказал занять территорию кочевий пле-

---

⁷⁷ F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, p. 511; Ибн Ганнам, ч. 2, стр. 186—187.

⁷⁸ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 107—108.

⁷⁹ F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, p. 511.

мени бану халид (которое могло присоединиться к Сувайни) и защищать главные колодцы. Вслед за тем в Хасу было послано самое стойкое войско ваххабитов, состоявшее из оседлых жителей Арида.

В Хасе начались тяжелые бои между войском Сувайни и ваххабитами.

Судьба неожиданно улыбнулась ваххабитам. В разгар кампании среди бела дня Сувайни был убит своим черным рабом Туайсом, фанатиком-ваххабитом. Туайса изрубили на месте. Последствия гибели Сувайни оказались катастрофическими. От мунтафиков откололись бану халид во главе с Барраком, что внесло сумятицу в войско Сувайни. Поднялась паника, и отряды кочевников и турок начали поспешно отступать на север, бросая оружие и снаряжение. Весь лагерь Сувайни и его артиллерия попали в руки ваххабитов. Это произошло в июне 1797 г. Неудача кампании Сувайни в Хасе была полной. Преследуя противника, отряды ваххабитов появились в низовьях Евфрата⁸⁰.

В следующем году ваххабиты проникли в пустыни Сирии, а в Ираке подошли к городам Сук-аш-Шуюх и Самава⁸¹. Богатые страны Сирия и Ирак, населенные «многобожниками», дразнили воображение жителей Аравии, как желанная, но далекая цель. События, развернувшиеся в этом же году в Хасе, представили ваххабитам доказательства, что и турецкие войска можно пожеждать.

В конце 90-х годов Порты постоянно слала багдадскому паше приказы покончить с ваххабитами. Такая задача соответствовала его намерениям, и он начал готовить поход в Хасу. Во главе армии был поставлен Али, кахья Буюк Сулейман-паши. Мнения историков относительно времени похода турок в Хасу расходятся. Ибн Бишр и Ф. Манжен сообщают, что турецкие войска вторглись в Хасу в 1799 г.⁸² Х. Бриджес утверждает, что он был свидетелем выступления войска Али из-под Багда-

---

⁸⁰ Ибн Ганнам, ч. 2, стр. 193—199, 233—235; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 107—110; F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, pp. 511—514; Ибн Санад, *Тарих Багдад*, стр. 21—23.

⁸¹ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 111—112; F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, p. 517.

⁸² Ибн Бишр, ч. 1, стр. 118—119; F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, pp. 518—519.

да в сентябре 1798 г.⁸³, Л. Корансез называет 1798 г.⁸⁴ как время проведения кампании. И. Буркхардт дает 1797 г.⁸⁵, Ибн Санад называет 1798/99 г.⁸⁶, Ж. Раймон утверждает, что уже в начале января 1798 г. турецкая армия вторглась в Хасу⁸⁷.

В выяснении истинных дат можно оттолкнуться от показаний свидетеля событий Х. Бриджеса. К моменту выступления армии Али из Багдада он как раз прибыл туда в качестве английского политического агента. Даже если его информация не всегда точная, в этом случае он заслуживает доверия, так как момент его приезда в Багдад и последовавшая за этим отправка армии Али могли врезаться ему в память. Турецкие войска из Багдада двигались в низовья Евфрата с тяжелыми обозами, вбирая в себя по пути бедуинское ополчение. Поэтому в Хасе они могли появиться лишь в конце 1798 — начале 1799 г., что соответствует данным Ибн Бишра, Ибн Санада и Ф. Манжена. И. Буркхардт, очевидно, спутал поход Сувайни с походом Али. В Хиджазе, оторванном от театра военных действий в Хасе, вполне могло произойти такое смещение, особенно спустя полтора десятка лет после указанных событий.

Турецкая армия, имеющая в своем составе пехоту, кавалерию, а также иррегулярные бедуинские отряды шаммаров, мунтафиков, зафиров, насчитывала более десяти тысяч человек. Население Хуфуфа и других оазисов сдалось на милость турок, но ваххабиты, засевшие в крепостях, мужественно отбивали все атаки противника. Особенно упорно оборонялся Кут. Не помогли ни пушки, ни осадные машины, ни подкопы. Снабжение войск через пустыню, в которой действовали бедуины, верные ваххабитам, постоянно прерывалось. Турецкие войска были деморализованы и начали откатываться, преследуемые ваххабитами. Али вступил в переписку с Саудом в целях заключения перемирия⁸⁸. Подробные сведения об их переписке приводит Ибн Санад. По его же сооб-

---

⁸³ H. J. Brydges, *An Account...*, vol. 2, p. 17.

⁸⁴ [L. A. Corancez], *Histoire des wahabis...*, p. 25.

⁸⁵ J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, p. 184.

⁸⁶ Ибн Санад, *Тапух Багдад*, стр. 24.

⁸⁷ J. Raymond, *Les wahabys...*, p. 12.

⁸⁸ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 118—119; F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, pp. 518—521; J. Raymond, *Les wahabys...*, pp. 12—15.

щению, многие жители Хасы ушли вместе с турками, опасаясь мести ваххабитов⁸⁹. Неудача турок была вызвана общим низким моральным состоянием их армии, трудностями переходов по безводной местности, контролируемой ваххабитами. В военном совете Али, по мнению Х. Бриджеза, были шпионы Сауда. Кроме того, наступательный порыв ваххабитов еще не иссяк, религиозный фанатизм и дисциплина превратили неждидцев в стойких бойцов.

В 1799 г. в Багдад прибыл представитель Сауда для утверждения пашой договора, подписанного между Саудом и Али. Х. Бриджез, который присутствовал при встрече ваххабитского посла с багдадским пашой, оставил ее любопытнейшее описание. Чтобы произвести впечатление на жителей пустыни, во дворце паши была проведена соответствующая подготовка. Посла встречали разряженные в пух и прах надутые приближенные Буюк Сулеймана. Они приготовились взять посла под руки и представить паше. Но просто одетый ваххабит отстранил встречающих, направился прямо к Буюк Сулейману, наряженному в шелковые одежды, меха и драгоценности, и присел рядом с ним. «О Сулейман, — сказал он, — мир всем, у кого праведные мысли. Абд аль-Азиз послал меня, чтобы передать тебе это письмо и получить от тебя подтверждение соглашения, заключенного между его сыном Саудом и твоим слугой Али. Пусть это будет сделано быстро и в правильной форме. И проклятие аллаха будет на том, кто ведет себя предательски». «Если ты ищешь наставления, Абд аль-Азиз обеспечит тебе его», — дерзко добавил он, намекая, что вера Сулеймана была верой «многобожника». Он протянул паше договор, написанный на клочке бумаги⁹⁰.

Было очевидным, что соглашение с багдадским пашой ваххабиты ценят невысоко, и Буюк Сулейман попытался добиться более определенных обязательств со стороны дерийских правителей. Специальный представитель Сулейман-паши отправился в Дерийю, где вел переговоры с Саудом. Он пытался получить обязательства со стороны ваххабитов не нападать на мусульманские святыни в Нижнем Ираке. Но Сауд рассмеялся и сказал послан-

---

⁸⁹ Ибн Санад, *Тарих Багдад*, стр. 24—25.

⁹⁰ H. J. Brydges, *An Account...*, vol. 2, pp. 24—27.

цу пашей: «Что к западу от Евфрата — то моё, а что к востоку — то я оставляю паше»⁹¹.

Немало смелости ваххабитам придавали сообщения о вторжении в Египет в 1798 г. французской армии Наполеона и бессилие Порты перед лицом завоевателя.

В 1801 г. французов в Египте сменили англичане. Аравия оказалась отдаленной периферией главного театра военных действий. Это развязывало руки ваххабитам для дальнейшей экспансии.

Разгром Кербелы. У дерийских правителей созрел замысел захвата Кербелы, где находились ненавистные им святыни шиитов, в особенности мечеть Хусейна, в которой, как считали, был захоронен внук пророка. Бедуины, союзники ваххабитов, постоянно торговали с Кербелой и знали ситуацию в городе. Свои замыслы ваххабиты осуществили в марте — апреле 1802 г.⁹².

В европейской и советской востоковедной литературе датой разгрома Кербелы принято считать апрель 1801 г. Если обратиться к источникам этих сведений, то обнаруживается, что 1801 г. называли Ж. Руссо⁹³, Л. Корансез⁹⁴, И. Буркхардт⁹⁵ и Ф. Манжен⁹⁶.

Арабская историческая литература, а из европейцев — Г. Филби⁹⁷ это событие переносят на год позже — на март — апрель 1802 г. Основанием для этого служит хроника Ибн Бишра. Его дату подтверждают Ибн Санад⁹⁸ и Ж. Раймон⁹⁹, «Журнал различных предметов словесности»¹⁰⁰ и «Вестник Европы»¹⁰¹. За исключением «Вестника Европы», все эти источники стоят хронологически близко к описываемым событиям.

Окончательно решить вопрос в пользу 1802 г. позволяет донесение из Ирака, написанное не позднее лета 1803 г. и попавшее в то время в российское посольство в

---

⁹¹ Ибн Санад, *Тарих Багдад*, стр. 27.

⁹² Ибн Бишр, ч. 1, стр. 121—122.

⁹³ [J. Rousseau], *Description du pachalik de Bagdad...*, p. 73.

⁹⁴ [L. A. Corancez], *Histoire des wahabis...*, p. 27.

⁹⁵ J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, p. 186.

⁹⁶ F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, pp. 522—524.

⁹⁷ H. Philby, *Saudi Arabia*, p. 93.

⁹⁸ Ибн Санад, *Тарих Багдад*, стр. 28.

⁹⁹ J. Raymond, *Les wahabys...*, p. 16.

¹⁰⁰ «Журнал различных предметов словесности», 1805, т. 2, № 2, стр. 25.

¹⁰¹ «Вестник Европы», 1819, № 7, стр. 224.

Стамбуле. Человек, живший в то время в Ираке, сам беседовавший со свидетелями разгрома Кербелы, вряд ли мог ошибиться в дате столь важного события на целый год¹⁰².

Видимо, первоисточники неверных сведений—Ж. Руссо и Л. Корансез, которые вообще несколько вольно обращались с датами. И. Буркхардт и Ф. Манжен, знакомые уже с их сочинениями, без проверки приняли эту датировку. Однако, как писал в предисловии к опубликованному донесению Ж. Раймона французский востоковед Э. Дрио, в своих ранних статьях Л. Корансез дату разгрома Кербелы также относил к 1802 г.¹⁰³

«Мы недавно увидели в жуткой участи Имам-Хусейна ужасный пример жестокого фанатизма ваххабитов,— писал европейский резидент в Ираке. — Было известно, что в этом городе скопились невероятные богатства, равных которым, возможно, никогда не было в сокровищнице персидского шаха. Ибо в течение нескольких веков Имам-Хусейну дарили серебро, золото, драгоценные камни, большое количество редкостей... Тамерлан пощадил это место, и все знали, что бо́льшая часть богатой добычи, привезенной Надир-шахом из похода в Индию, была передана вместе с его собственными богатствами в Имам-Хусейн и в Имам-Али. И вот эти огромные богатства, которые скопились в первом из них, уже в течение долгого времени возбуждали алчность ваххабитов; они постоянно мечтали о разграблении этого города и были настолько уверены в успехе, что их кредиторы назначали выплату долгов на счастливый день, когда сбудутся их надежды.

Этот день наконец настал — 20 апреля 1802 г., когда ваххабиты внезапно напали на Имам-Хусейн; после того как они захватили огромную добычу, подобной которой не приносили самые большие победы, они все предали

---

¹⁰² Между прочим, сравнение текста послания из Ирака с описанием разгрома Кербелы ваххабитами, приведенным шесть лет спустя в книге Ж. Руссо ([J. Rousseau], *Description du pachalik de Bagdad...*, pp. 72—75), обнаруживает их почти дословную идентичность. Каким образом донесение французского консула в Ираке попало в архив российского посольства в Стамбуле, сказать трудно. Не исключено, что оно было передано русским дипломатам французским послом. Изменение даты взятия Кербелы ваххабитами в книге Ж. Руссо вызвано, возможно, небрежностью автора.

¹⁰³ См.: J. Raymond, *Les wahabys...*, p. 1.

огню и мечу. Они явились в числе шести тысяч мардуфа (это слово означает на их языке двух человек на одном верблюде). Если отбросить преувеличения, то их число можно определить в 12 тысяч.

Они совершили неслыханные жестокости. Старики, дети, женщины — все гибли от меча этих варваров. Утверждают также, что, если они видели беременную женщину, они вспарывали ей живот и оставляли плод на окровавленном теле матери. Их жестокость не могла насытиться, они не прекращали убийств, и кровь текла рекой. Невозможно себе представить, до какой степени доходило их бешенство и их жестокость. Лица, достойные доверия, которым посчастливилось избежать этой ужасной бойни, рассказывали мне в Багдаде, что видели, как некоторые из этих дикарей упивались кровью несчастных жертв. В результате этой кровавой катастрофы погибло более четырех тысяч человек. Что касается избежавших ее, то это в основном женщины, которые скрылись в окрестностях города или в садах. Ваххабиты увезли награбленное на более чем четырех тысячах верблюдов¹⁰⁴.

Затем после грабежа и убийств они разрушили также мавзолей имама и превратили его в клоаку мерзости и крови. Они в особенности повредили минареты и купола, так как считали, что кирпичи, из которых построены эти сооружения, сделаны из золота»¹⁰⁵.

Ф. Манжен описывает разгром Кербелы примерно теми же красками. Он также сообщает, что ваххабиты учинили в городе страшную резню, но пощадили женщин, детей, немощных и стариков. Купол мечети над могилой Хусейна был разрушен. Здесь хранились несметные сокровища, собранные благодаря вкладам богатых персов. Один из служителей мечети, надеясь спасти свою жизнь, якобы обещал показать ваххабитам потаенные клады, но в общей суматохе его убили, и спрятанные сокровища не были найдены. Ваххабитам досталась богатейшая добыча — сабли, усыпанные драгоценными камнями, огромная жемчужина размером с голубиное яйцо. Оружие и жемчужину Сауд взял лично себе. Бы-

---

¹⁰⁴ Ж. Руссо в своей книге называет более реальную цифру — 200 верблюдов ([J. Rousseau], *Description du pachalik de Bagdad...* р. 74).

¹⁰⁵ АВПР, ф. «Канцелярия», 1803, д. 2235, лл. 38—40.

ли захвачены вазы и лампы из драгоценных металлов, золотые украшения, вделанные в стены, персидские ковры, позолоченная медь с крыши. В руки ваххабитов попали также огромные запасы кашемировых шалей, индийских тканей, 2 тыс. обычных сабель, 2,5 тыс. ружей, черные рабы, огромные суммы денег в звонкой монете. Ф. Манжен приводит подробные цифры всего захваченного, вплоть до того, какое количество каких монет досталось ваххабитам, но сама эта детализация вызывает сомнения. Грабеж продолжался 8 часов; вскоре после полудня ваххабиты покинули Кербелу¹⁰⁶.

Ваххабитский летописец Ибн Бишр, сообщая об этом событии, пишет: «В этом году Сауд с победоносными армиями и знаменитыми породистыми лошадьми, со всеми оседлыми Неджда и его бедуинами, жителями Джануба, Хиджаза, Тихамы и другими направились к Кербеле... Мусульмане окружили ее и взяли штурмом. Они убили большую часть жителей на рынках и в домах. Они разрушили купол над могилой Хусейна. Они взяли то, что было в мавзолее и что около него. Они взяли покрывало с могилы, украшенное изумрудами, яхонтами и жемчугом. Они взяли все, что нашли в городе из имущества, оружия, одежд, тканей, золота, серебра, ценных книг. Все это невозможно сосчитать. Они оставались там лишь утро, а после полудня уже ушли, забрав все имущество. Из жителей Кербелы было убито примерно 2 тыс. человек»¹⁰⁷.

Ваххабитам почти не было оказано сопротивления. Это объяснялось тем, что часть жителей ушла на паломничество в Неджеф. Также подозревали, что губернатор Кербелы, фанатичный суннит, не принял достаточных мер для обороны этого шиитского города¹⁰⁸.

Приведенные отрывки с описанием взятия Кербелы интересны тем, что они показывают, как воспринимали на Ближнем Востоке завоевания и набеги ваххабитов и какое к ним было отношение. Ужасающие картины жестокости, набросанные рукой европейского резидента, кажутся преувеличенными. Во всяком случае одно можно сказать: и «цивилизованные» французы в Египте, и

¹⁰⁶ F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, pp. 522—524.

¹⁰⁷ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 121—122.

¹⁰⁸ S. H. Longrigg, *Four centuries of modern Iraq*, p. 217.

«гуманные» англичане в Индии, а затем в Аравии, и турки, и египтяне вполне могли соревноваться с ваххабитами в варварстве и во многом даже превосходили их.

Разгром Кербелы явился серьезнейшей неудачей для престарелого и немощного Буюк Сулейман-паши. Удар по его престижу был слишком очевиден. Можно было ожидать, что султан, который давно ожидал повода сместить независимого пашу, предпримет решительные действия. Внутри Ирака у паши было достаточно молодых и энергичных противников, и для них победа ваххабитов была желанным предлогом для выступления против Буюк Сулеймана. Положение паши осложнялось тем, что шах Персии Фатх-Али постоянно упрекал его в неспособности обеспечить охрану шиитских святынь. Эти упреки сопровождались угрозами послать в Кербелу персидские войска¹⁰⁹. Действительно, уже через несколько лет Персия воевала с Багдадским пашалыком. Однако в Багдаде сознавали невозможность нанести поражение ваххабитам в глубине Аравии со стороны Ирака. Две экспедиции в Хасу убедили в этом багдадских правителей. Поэтому основное внимание было уделено укреплению городов и восстановлению Кербелы и мечети Хусейна. Несколько лет опасность со стороны ваххабитов в Ираке считалась очень серьезной.

Временный захват ваххабитами Мекки и реакция Порты. После разгрома Кербелы главным театром военных действий саудидского государства стал Хиджаз. К этому времени Сауд уже дважды совершил паломничество с войском и семейством, продемонстрировал военную силу и выяснил на месте обстановку в Хиджазе. К ваххабитам добровольно присоединились племена Асира, которые готовы были поддержать наступление на Мекку¹¹⁰.

Положение Галиба в тот момент было сложным. Его вымогательства и деспотическое правление рождали недовольство в Мекке и других городах. Постоянно растущие пошлины в Джидде лишали его симпатий торговцев. Его позиции ослабляло также отношение Англии.

---

¹⁰⁹ J. Raymond, *Les wahabys...*, p. 21; H. J. Brydges, *An Account...*, vol. 2, p. 28; [L. A. Corancez], *Histoire des wahabis...*, pp. 28, 186.

¹¹⁰ F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, p. 525.

В 1798 г. эскадра адмирала Блэнкета бомбардировала занятый французами Суэц. На обратном пути она обосновалась в Джидде; англичане потребовали прервать торговые отношения Хиджаза с Египтом. Шериф сделал вид, что согласен, но торговля продолжалась. Галиб даже установил связи с французами, так как понимал, что разгром турок в Египте укреплял его независимость. Он выслал некоторых турецких чиновников из Джидды. Тем не менее он не препятствовал и посылке отряда аравийских добровольцев, которые сражались против французов в Верхнем Египте.

Англичане опасались, что политика шерифа в какой-то мере затруднит готовившийся ими одновременный удар по Египту со стороны Средиземного и Красного морей. Английский агент интриговал против шерифа, завязывал отношения с мекканской знатью и с харбами ¹¹¹.

Несмотря на усилия Галиба увеличить свою гвардию и наемные отряды, его военный потенциал уменьшался вследствие отпадения ряда кочевых племен Хиджаза ¹¹². Но особенно тяжелой и болезненной потерей был переход на сторону ваххабитов его родственника и ближайшего помощника Османа аль-Мудайфи. Подлинная причина измены аль-Мудайфи неизвестна. Возможно, здесь была замешана и ссора с Галибом и надежда стать правителем Хиджаза ¹¹³. Аль-Мудайфи, мужественный и способный военачальник и хитрый политик, немедленно начал собирать вокруг себя бедуинов, бывших ранее сторонниками Галиба, чтобы начать наступление.

Однако инициативу взял на себя Галиб и первым нанес удар. Его выступление окончилось неудачей. К аль-Мудайфи подошли бедуины кахтан и атайба и другие ваххабитские племена, а также подкрепления из близлежащих районов Раньи, Биши, Турабы. Он начал энергичное наступление на Хиджаз. В 1802 г. город и оазис Таиф были взяты почти без боя и подвергнуты беспощадному разграблению. Ваххабиты убили около 200 жителей и разрушили ряд домов. Город пришел в запусте-

---

¹¹¹ M. Abir, *Relations...*, pp. 34—40.

¹¹² J. L. Burckhardt, *Travels in Arabia*, vol. I, pp. 440—441.

¹¹³ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 122/1; F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, p. 526.

ние. Каждый день в него являлись бедуины и растаскивали все ценное. Ваххабиты уничтожили тысячи книг¹¹⁴.

Встревоженный Галиб попытался получить помощь от Порты. «Тирания и вымогательства шерифа Мекки поощрили победоносных ваххабитов» приблизиться к Мекке. Они «уже захватили Таиф... Шериф просит помощи у каирского паши и Порты»¹¹⁵, — доносил российский генеральный консул в Египте Ш. Россетти.

В Стамбуле были еще свежи впечатления о разгроме Кербелы, и там опасались за участь Мекки, поэтому попытались предпринять какие-то меры для противодействия ваххабитам. «Вследствие полученных Портою от меккского шерифа донесений о приближении сильного корпуса арабов вегаби к Мекке, дано в арсенал повеление изготовить немедленно до 20 военных судов, которые отправлены будут Египту. Вооружение оных производится весьма тщательно, но в матросах столь великий недостаток, что, невзирая на большую плату, набор оных чинится принужденно»¹¹⁶, — писал российский посол в Стамбуле А. Италинский.

В конце марта 1803 г. он доносил в Петербург: «В настоящих обстоятельствах положения своего Порты почитает опасными ей только умыслы Франции и мятежные движения нескольких колен арабских, называемых вегаби, простирающихся числом касательно военных между ними людей до 60 тыс. Они в виде имеют завладеть богатствами храмов Меккского и Мединского и предпринимают основать веру единобожия, противную магометанской. Для обращения их к почитанию Алкорана послан к ним отсюда искусный в учении оная книги улема, между тем принимаются и другие меры; назначено войско, которое должно атаковать их со стороны линии, идущей от Бассоры к Эль-Аришу, между тем как со стороны Геджаза действовать против них будет Мединский шериф»¹¹⁷.

Однако падение Мекки предотвратить не удалось. Сауд с главными силами ваххабитов в конце марта

---

¹¹⁴ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 122/1—3; J. L. Burckhardt, *Travels in Arabia*, vol. 1, p. 154; Ахмед Дахлан (*Хуласат аль-калям*, стр. 274—275) взятие Таифа относит к началу 1803 г.

¹¹⁵ АВПР, ф. «Канцелярия», 1803, д. 2234, т. 1, л. 154.

¹¹⁶ Там же, л. 251.

¹¹⁷ Там же, л. 300.

1803 г. направился в Хиджаз. В это время в Мекке находились вооруженные паломники из Сирии, Египта, Магриба, Маската и других стран. Несмотря на просьбы Галиба, они отказались участвовать в войне против ваххабитов. Галиб остался в одиночестве с немногочисленными верными ему воинами. После нескольких безуспешных попыток организовать сопротивление он бежал в Джидду и начал спешно укреплять ее. Сауд направил жителям Мекки послание с изложением догматов доктрины ваххабитов и с обещанием проявить милость к покорным. Одновременно его агенты распространяли слухи, что он явился сюда лично с целью не допустить своеволия бедуинов и предотвратить разгром ими священного города.

В апреле 1803 г. ваххабиты, соблюдая порядок и дисциплину, вошли в Мекку¹¹⁸. Совершив обряд паломничества, они стали разрушать все мавзолеи и мечети с куполами, воздвигнутые в честь героев раннего ислама. Они сровняли с землей все здания, архитектура которых не соответствовала их доктрине. Они обязали жителей Мекки регулярно молиться, не носить шелковых одежд, не курить публично. Груды трубок были сожжены на площадях, и продажа табака запрещена. Молитву за султана в мечетях отменили. Губернатором Мекки ваххабиты сделали Абд аль-Муина, брата Галиба. Сульей Мекки вместо турецкого кади был назначен дерийский богослов, который в отличие от своего предшественника, турка, произвел благоприятное впечатление своей справедливостью¹¹⁹.

Европейские востоковеды сообщают о письме, якобы посланном Саудом турецкому султану Селиму III. В арабских источниках ничего не говорится о существовании подобного послания, в нем содержатся фактические ошибки (например, когда речь идет о судьбе турецкого судьи), да и стиль его не похож на обычные послания дерийских правителей. Содержание его тем не

---

¹¹⁸ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 122/2—3; F. Mengin, *Histoire de l'Égypte...*, vol. 2, p. 527; Ахмед Дахлан, *Хуласат аль-калям*, стр. 277; J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, p. 194.

¹¹⁹ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 122/2—3; F. Mengin, *Histoire de l'Égypte...*, vol. 2, pp. 527—528; Ахмед Дахлан, *Хуласат аль-калям*, стр. 277—279; J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, pp. 195—196.

менее очень любопытно: «Сауд — Селиму. Я вошел в Мекку на четвертый день мухаррема 1218 г. х. [26 апреля 1803 г.]. Ее жителям я даровал мир. Я разрушил все объекты идолопоклонничества. Я запретил все налоги, кроме тех, которые требует закон. Я подтвердил назначение кади, посланного тобой в соответствии с учением посланника аллаха. Я хочу, чтобы ты дал приказ правителям Дамаска и Каира не приближаться к священному городу с махмалем, с трубами и барабанами. Религии не нужны эти вещи. Мир и благословение аллаха пусть будут с тобой»¹²⁰.

Было ли послано подобное письмо, сказать трудно. Но известие о взятии Мекки повергло Стамбул в панику и уныние. Чувства Порты не трудно понять. Ведь султан считался покровителем священных городов, и потеря их наносила сильный удар по его престижу. Вот как он именовал себя официально: «Я, слуга и покровитель Мекки и Медины, самых благородных из городов, священных мест, куда все народы обращают свои молитвы, а равно священного города Иерусалима; Я, верховный халиф и счастливый монарх бесчисленных царств, провинций и городов, вызывающих зависть повелителей мира и расположенных в Азии, в Европе, на Белом и на Черном морях, в Хиджазе и в Ираке...»¹²¹ и прочая, и прочая, и прочая.

Российский посол А. Италинский доносил о реакции в Стамбуле на падение Мекки: «Абдул-вегаб овладел Меккою без всякого со стороны обывателей сопротивления и пожаловал в шерифы одного города племянника бывшего шерифа, который при приближении его к Мекке бежал в Джедду». Посол отмечал, что Порта не обратила бы внимания на это, если бы «вегаб ограничил бы поступок свой в Мекке изгнанием шерифа и постановлением другого». Но «вегаб в качестве реформатора магометанской веры» начал наводить в Мекке свои порядки, что «крайне оскорбляет Порту»¹²².

Дело не ограничилось «оскорблением». «Несогласия, раздирающие внутренности Турецкой империи, разграбление вегабиями Мекки и беспрестанно умножающееся

---

¹²⁰ «A Dictionary of Islam», London, 1885, p. 660.

¹²¹ АВПР, ф. «Канцелярия», 1804, д. 2242, л. 202.

¹²² АВПР, ф. «Канцелярия», 1803, д. 2234, т. 2, л. 580.

число податей произвели в черни сея столицы общее неудовольствие на правительство», — говорилось в «Записке константинопольских вестей и разглашений»¹²³.

Нужно было действовать, но Порты оказалась не в состоянии направить против ваххабитов собственные силы и обратилась за помощью в Акку и Багдад.

«Намерение, принятое правительствующего частью министерства, употребить Джебара-пашу против ваххабитов, получает от непредвиденного обстоятельства столь важное подкрепление, что никто теперь не сомневается в последовании соизволения Его Султанова Величества одобрить оное, — писал А. Италинский. — Порты получила от Джебара-паши депеши, в которых он доносит о завоеваниях Абдул-вегаби, о несуществовании препятствий дальнейшему оных распространению, о приметных расположениях его овладеть Сириею, о пагубных следствиях удачливого в таком намерении предприятия, наконец, изъявляет готовность свою поднять подвиг против одного опасного неприятеля веры и престола, обещает в шесть месяцев одолеть и рассыпать ополчение его и возвратить Порте похищенные им владения; но дает обет сей на условии, чтоб Порты объявила его сераскером экспедиции независимым во всех действиях его. По сему предмету Министерство имело уже и продолжает иметь частные советы, иногда бывают оные и у султана. Наконец, последует неминуемо решение воспользоваться предложением Джебара-паши. Визирь, невзирая на ненависть к Джебазу, и не отважится и не в состоянии препятствовать воследованию такого решения. Абдул-вегаби, поставив важность и могущество свое на степени, на которой будут они непременно, когда покорит себе Дамаск, может предпринять объявить Султана незаконным калифом и восстановить калифат Омийядов, которых род и прежде почитался имеющим исключительное право на преемничество магометанства первосвященства и ныне многими почитается даже в столице сей». Эти обстоятельства, а также невозможность совершить хадж и невозвращение из хаджа должников «производят в городе роптание, которое нарочито тревожит Порту, ибо может иметь опасные последствия»¹²⁴.

---

¹²³ Там же, д. 2235, л. 249.

¹²⁴ Там же, лл. 184—186.

Паша Багдада доносил Порте, что ваххабиты Мекку взяли без боя, Джидду же и Медину взять не смогли и ушли в глубь Аравии. Багдадский паша предупреждал, что ваххабиты могут вскоре ударить вновь. «Засим даег знать паша, что он идет в поход искать их в собственной земле их, что поставляет он себе предметом истребить их и что для сего имеет он 5 тыс. конницы, 10 тыс. пехоты и 60 тыс. верблюдов; надеется, что в шесть месяцев экспедиция сия может быть окончена». Он просил от Порты артиллерии, пороху и палаток.

Имея сообщения от Джебара и багдадского паши, «Порта ласкает себя надеждою быть в скором времени совершенно освобожденной от страха». Однако посол сомневался в способности Багдада нанести удар и верно замечал, что Джебзар думал больше о захвате Дамаска, чем о походе против ваххабитов ¹²⁵.

На этот раз ваххабиты оказались не в состоянии закрепиться в Хиджазе. Некоторую роль в этом сыграли турецкие солдаты, посланные в Хиджаз, во главе которых стал Шериф-паша, но возможно, что главной причиной были болезни, из-за которых войско ваххабитов значительно поредело ¹²⁶.

«Появившиеся болезни в армии Абдельвагаба принудили его снять осаду Джедды, — писал Ш. Россетти. — Шериф-паша соединился с шерифом (Мекки. — А. В.), они пошли к Мекке и заняли ее... Меккский шериф имеет отличное уважение к Шерифу-паше, уступив ему начальство над войсками» ¹²⁷. Городская цитадель, где засел отряд ваххабитов, некоторое время сопротивлялась, а затем пала. Это произошло в июле.

«Августа 25 числа, — писал А. Италинский 315 сентября, — Порта получила из Медины от Джедского Шерифа-паши донесения, которые находились в пути 50 дней; оными подтверждаются пришедшие прежде известия как о победе, одержанной над вегабиями у Джедды и у Медины, так и об отступлении их к столичному

---

¹²⁵ Там же, лл. 211—214.

¹²⁶ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 130; Ахмед Дахлан, *Хуласат аль-калям*, стр. 280—285.

¹²⁷ АВГР, ф. «Канцелярия», 1803, д. 2235, л. 407; J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, p. 196.

своему городу Дарие»¹²⁸. Шериф-паша хвастался, что он один справится с ваххабитами¹²⁹.

Новым ударом для ваххабитов была гибель Абд аль-Азиза, их имама и дерийского эмира. Осенью 1803 г. он был убит в мечети Турайф в Дерийе неизвестным дервишем, который назвал себя Османом, курдом из Аммарии, близ Мосула. Этот дервиш был принят имамом и жил у него при дворе в качестве гостя, изучая богословие. Когда во время молитвы Абд аль-Азиз распростерся в первом ряду, бросился на имама и ударом кинжала убил его. Затем он ранил брата Абд аль-Азиза — Абдаллаха. В мечети началась суматоха, раненый Абдаллах сумел ударить его саблей, остальные тут же доби́ли его¹³⁰.

По некоторым сообщениям, убийцей имама был шиит, потерявший при налете на Кербелу всю свою семью¹³¹. Ф. Манжен утверждает даже, что в его тюрган была завернута записка с текстом на персидском языке: «Твой бог, твоя религия на тебя возлагают долг убить Абд аль-Азиза. Если тебе удастся ускользнуть, ты будешь щедро вознагражден, если ты погибнешь, то рай откроется перед тобой»¹³². Это сообщение слишком напоминает тактику средневековых исмаилитов и легенды, связанные с их деятельностью. Ибн Бишр сомневается в том, что убийство имама было мстью за Кербелу, так как убийца — курд, а, как известно, курды — сунниты, враги шиитов¹³³. Таким образом, кто был убийцей Абд аль-Азиза и каковы мотивы его поведения — это область предположений. У ваххабитов было достаточно врагов, чтобы среди них нашелся один смелый человек для приведения в исполнение своих замыслов.

Вскоре после убийства отца Сауд поспешил в Дерийю, жители которой ему немедленно присягнули. Все провинции также признали нового правителя. Сауд направил провинциальным правителям послания, в которых за-

¹²⁸ АВПР, ф. «Канцелярия», 1803, д. 2235, л. 260.

¹²⁹ Там же, л. 293.

¹³⁰ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 123.

¹³¹ J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, pp. 201—202; H. J. Brydges, *An Account...*, vol. 2, p. 32; [L. A. Corancez], *Histoire des wahabis...*, p. 42; АВПР, ф. «Канцелярия», 1804, д. 2241, т. 1, л. 95.

¹³² F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, p. 529.

¹³³ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 124.

верял, что будет справедливым, но беспощадно расправится с какими-либо бунтами и заговорами.

Известие о смерти Абд аль-Азиза вызвало «большое удовлетворение» в Стамбуле. Общее настроение подняла хвастливая депеша Галиба, в которой он сообщал об успехах в войне против ваххабитов и «обещал проникнуть вплоть до их столицы Дарийе и овладеть ею»¹³⁴.

На этом, однако, успехи турок в борьбе с ваххабитами окончились.

Установление контроля над Хиджазом. Уже в следующем году ваххабиты вновь начали теснить своих противников в Хиджазе. Бои между ними и сторонниками шерифа продолжались весь год. Турки принимали участие в сражениях вместе с войском шерифа.

А. Италинский доносил: «На сих днях Его Величество Султан строжайшее приказание дал Министерству, дабы оно употребило все возможные меры для приведения в безопасность Мекки и Медины. Мекка находится блокирована арабским коленом, называемым Бедда, кочующим обыкновенно в недалеком расстоянии от оных городов; арабы сии секты Вегабитов. Дабы прямые Вегабиты не могли с ними соединиться, послано повеление к багдадскому паше употребить на такой конец надлежащие меры»¹³⁵.

В 1805 г. войско Галиба, насчитывающее около 10 тыс. человек, выступило против объединения племен, верных ваххабитам, во главе которых стоял асирский эмир Абд аль-Ваххаб Абу Нукта. Войско шерифа потерпело поражение, потеряв несколько сот человек убитыми, в основном из числа турок. Ваххабиты захватили 2500 единиц огнестрельного и другого оружия¹³⁶. То, что среди убитых были главным образом турки, позволяет предположить, что бедуины — союзники шерифа — покинули Галиба, а отряд турок, входивший в его войско, был полностью разгромлен. Вслед за этим ваххабиты окружили Мекку и воспрепятствовали паломничеству¹³⁷. Видимо, между шерифом и турками к этому времени вновь разгорелась вражда и турки отказались помогать Галибу:

¹³⁴ АВПР, ф. «Канцелярия», 1804, д. 2241, т. 1, лл. 95—96.

¹³⁵ Там же, д. 2242, л. 94.

¹³⁶ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 132—133; F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, p. 531; Ахмед Дахлан, *Хуласат аль-калям*, стр. 285.

¹³⁷ Ахмед Дахлан, *Хуласат аль-калям*, стр. 285.

Зимой 1805/06 г. Сауд решил нанести Галибу окончательный удар. Объединение бедуинов во главе с Абд аль-Ваххабом Абу Нуктой, Османом аль-Мудайфи и Салимом ибн Шакбаном (эмиром Биши) блокировало Мекку. Они также получили приказ не пропускать сирийский караван паломников. В этот период (с 1804/05 по 1809 г.) в Аравии была страшная засуха, сопровождавшаяся голодом. В Неджде благодаря безопасным караванным путям и постоянному подвозу продовольствия обстановка была несколько лучше. Но в блокированной Мекке положение становилось невыносимым. Люди ели собак и кожу. Попытка расправиться со сторонниками соглашения успеха не принесла, и Галиб запросил мира. Ваххабитские войска вошли в Мекку и совершили хадж¹³⁸.

В течение некоторого времени Галиб еще надеялся сохранить независимость. Часть турецких и магрибинских солдат, которые пришли с караванами паломников, все же добравшимися до Мекки, остались в городе. Продолжалось укрепление Джидды. Но вскоре Галиб убедился в тщетности сопротивления ваххабитам и в 1806 г. подчинился им. В этом же году в Мекку прибыла группа ваххабитских улемов во главе с Хамидом ибн Насыром для пропаганды идей обновленного ислама¹³⁹.

Лишним толчком к решению Галиба прекратить сопротивление было успешное установление власти ваххабитов к северу от Мекки.

Еще в 1803 г. несколько вождей племени кочевников харб приняли новое учение, к ним были посланы ваххабитские учителя и улемы. Но попытка взять Медину с ходу в 1803 г. не увенчалась успехом. С помощью бедуинов ваххабиты установили контроль над караванными путями в Медину, а затем полностью блокировали город.

Под угрозой голода Медина капитулировала. Это произошло, как сообщает Ибн Бишр, летом 1805 г.¹⁴⁰ Одновременно ваххабиты заняли Янбо, находившийся под властью мекканского шерифа.

---

¹³⁸ Там же, стр. 285—292; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 133—134, 144; F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, p. 533.

¹³⁹ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 133—134; Ахмед Дахлан, *Хуласат аль-калям*, стр. 292.

¹⁴⁰ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 135. Ф. Манжен это событие относит примерно к 1809 г. (F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, p. 534).

В Медине до взятия ее ваххабитами вся власть сосредоточилась в руках Хасана аль-Калаа, аги из местных жителей. Он опирался на отряд из бедуинов и магрибинцев, установив режим произвола. Хасан нещадно грабил жителей Медины, вымогал деньги у паломников. Он даже наложил руку на часть сокровищ, хранившихся в мечети над могилой Мухаммеда. Ага сам сдал город ваххабитам, выговорив их согласие на то, что он останется губернатором ¹⁴¹.

Через некоторое время после занятия Медины Сауд присвоил те из драгоценностей, которые еще оставались в мечети Мухаммеда. Приблизительно на 100 тыс. талеров он продал этих драгоценностей Галибу, примерно на такую же сумму взял себе. Размер предыдущего грабежа мечети местным правителем И. Буркхардт оценивает в 40—50 тыс. талеров ¹⁴².

В Медине ваххабиты ввели со строгостью все принципы своей доктрины. Турецкие чиновники, жившие в городе, были изгнаны. Одну почтенную женщину, которую застали курящей, ваххабиты посадили на осла, повесили ей на шею трубку и с позором провели по городу ¹⁴³.

Хиджаз был присоединен к государству Саудилов. Правда, его зависимость от ваххабитов была гораздо меньшей, чем, скажем, некоторых провинций Неджда или сломленной Хасы. Особенно большую самостоятельность сохранил мекканский шериф. Ему были оставлены его доходы, и ни он, ни его подданные не платили налогов. Однако его доходы, извлекаемые из таможенных сборов в Джидде, существенно уменьшились, так как он уже не мог брать пошлины с купцов-ваххабитов. Уменьшились и другие его поступления.

Вот как описывает ситуацию в Хиджазе в тот период И. Буркхардт: «Хотя Хиджаз был завоеван, у шерифа оставалась большая власть. Его имя и почетная должность, его личное влияние на многие племена бедуинов, которые еще оказывали сопротивление Сауду,

---

¹⁴¹ J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, p. 203; J. L. Burckhardt, *Travels in Arabia*, vol. 2, pp. 277—287.

¹⁴² J. L. Burckhardt, *Travels in Arabia*, vol. 2, pp. 169—170; Ахмед Дахлан, *Хуласат аль-калям*, стр. 294—295, 303; Ф. Манжен ограбление могилы Мухаммеда относит к 1810 г. (F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, pp. 535—536).

¹⁴³ J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, p. 199.

ценные подарки, которые он преподносил Сауду во время посещения последним Мекки, приводили к тому, что ваххабитский вождь смотрел сквозь пальцы на некоторые действия Галиба»¹⁴⁴. В Мекке власть Сауда была сбалансирована влиянием Галиба, а Джидда оставалась в основном под контролем шерифа. В качестве противовеса Галибу в Таифе губернатором был назначен аль-Мудайфи; ему подчинялись некоторые окрестные кочевые племена. В целом влияние Сауда в Хиджазе постепенно возрастало, а авторитет Галиба падал.

Прекращение хаджа из Османской империи. Начиная с 1807 г. Сауд во главе войск каждый год совершал паломничество в Мекку. Обычно он назначал сбор ваххабитов у Медины, а затем двигался на юг. По дороге к нему присоединялись отряды из Асира, Таифа, бедуины из пограничных районов между Хиджазом, Недждом и Асиром, воины из различных областей Неджда и Джебель-Шаммара во главе со своими эмирами. Каждый раз Сауд раздавал в Мекке милостыню, обменивался подарками с Галибом, покрывал Каабу драгоценной кисвой¹⁴⁵. Ибн Бишр был свидетелем одного из паломничеств Сауда и оставил его подробное описание¹⁴⁶.

Турецкие судьи и другие чиновники, жившие в Мекке и Медине, были высланы Саудом из Хиджаза. Он постоянно укреплял Медину, улучшая ее форты, и держал в городе сильный гарнизон из верных недждийцев, меняя его каждый год.

С 1803 г. ваххабиты чинили всяческие препятствия для караванов паломников из Османской империи, в частности из Сирии и Египта. С караванами хаджа, приходившими ежегодно в Хиджаз, везли махмаль — богато украшенный паланкин, навьюченный на верблюда, считавшегося священным; в махмаль клали кисву — драгоценное покрывало на Каабу, или копии Корана, или драгоценности. С паломниками шли музыканты, игравшие на тамбуринах, барабанах и других инструментах. Многие паломники везли с собой спиртные напитки. Караваны нередко сопровождали группы проституток. Все

¹⁴⁴ Ibid., p. 203.

¹⁴⁵ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 137—145, 151. Данные Ф. Манжена расходятся с тем, что сообщает Ибн Бишр (F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, pp. 534—535):

¹⁴⁶ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 151.

это не могло не вызывать отвращения ваххабитов ввиду полного несоответствия их религиозным и моральным нормам.

Ваххабиты потребовали, чтобы караваны с паломниками являлись в Хиджаз без махмала и музыкальных инструментов. Одновременно они начали повышать налог на хадж. Уже в 1803 г. каждый сирийский паломник заплатил ваххабитам 8 пиастров за право побывать в Мекке. Вскоре паломники были вынуждены платить по 10 пиастров за человека, 10 — за верховое животное, 7 пиастров за кинтал груза и 100 кошельков за проход всего каравана¹⁴⁷. В 1805 г. с сирийского каравана взяли 200 кошельков, но пропустили лишь отдельных паломников¹⁴⁸.

По сообщению Л. Корансеца, в 1806 г. турки пытались купить право совершать паломничество за огромную сумму — 2 тыс. кошельков (миллион пиастров), но сирийскому каравану все равно не удалось пройти в Мекку¹⁴⁹. С каждым годом вводились все более строгие ограничения.

Чтобы добиться разрешения на хадж, Юсеф — паша Дамаска — сделал вид, что соблюдает чуть ли не все главные предписания ваххабизма. Он запретил вино и крепкие напитки, во время молитвы все базары в Дамаске закрывались; он ввел унижительные ограничения для евреев и христиан (особую одежду и т. п.), даже запретил брить бороду. Как писал К. Базили, «ваххабиты требовали, и не без причины, чтобы в караване не было ни мальчиков, ни вообще безбородых»¹⁵⁰. В 1807—1808 гг. сирийский караван без махмала, без оружия, без музыки попытался пробиться в Мекку, но ваххабиты и его не пропустили¹⁵¹.

Поступление больших партий паломников из Османской империи практически прекратилось.

В Османской империи распространилось мнение, что ваххабиты вообще против хаджа, что они безбожники и немусульмане. Впрочем, такое мнение разделяли не все.

---

¹⁴⁷ [L. A. Corancez], *Histoire des wahabis...*, pp. 34—35, 74—81.

¹⁴⁸ Ахмед Дахлан, *Хуласат аль-калям*, стр. 285.

¹⁴⁹ [L. A. Corancez], *Histoire des wahabis...*, p. 102.

¹⁵⁰ К. М. Базили, *Сирия и Палестина под турецким правительством*, стр. 79.

¹⁵¹ [L. A. Corancez], *Histoire des wahabis...*, pp. 126—132.

Египетский историк аль-Джабарти сообщает, что хаджи из Египта и Сирии не состоялись якобы «из-за препятствий со стороны аль-Ваххаба, но это не соответствует действительности, так как он не препятствует прибытию для совершения хаджа на основаниях, предусмотренных шариатом, но чинит препятствия тем, кто прибывает на манер, противоречащий закону, с новшествами, не дозволенными шариатом, как, например, *махмаль*, в сопровождении цимбал, барабанов и флейт, и ношение оружия»¹⁵². Магрибинцы несколько раз совершали хадж, и никто им в этом не препятствовал¹⁵³.

Борьба за Оман и Англия. Военными действиями в Хиджазе и на северо-востоке полуострова в начале первого десятилетия XIX в. не ограничивалось наступление ваххабитов. Параллельно шло завоевание Бахрейна, оманского побережья Персидского залива и всего Омана.

В 1801 г. Султан ибн Ахмед ибн Саид, правитель Маската, организовал экспедицию против Бахрейна. Его жители обратились за помощью в Дерию. Ваххабиты изгнали маскатцев, которые понесли тяжелые потери. В результате Бахрейн оказался в какой-то степени зависимым от государства Саудидов¹⁵⁴. Сумели ли ваххабиты навязать жителям Бахрейна, в основном шиитам, принципы своего учения, остается неизвестным. Вряд ли бахрейнцы могли испытывать симпатии к новоявленным покровителям.

Абд аль-Азиз послал в Оман копию «Книги дозволенных и недозволенных дел в единобожии» Ибн Абд аль-Ваххаба с требованием принять ваххабитскую доктрину и подчиниться власти Дерийи. Оманцы, по большей части ибадиты, поняли содержание книги весьма своеобразно. «В этой книге легализовано убийство всех мусульман, которые не согласны с ним (Ибн Абд аль-Ваххабом. — А. В.), захват их собственности, порабощение их детей, женитьба на их женах без развода, полученного от их мужей»¹⁵⁵, — писал Ибн Разик. Требование ваххабитов было отвергнуто¹⁵⁶.

¹⁵² Абд ар-Рахман ал-Джабарти, *Египет под властью Мухаммада Али*, стр. 210—211.

¹⁵³ J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, pp. 204—205, 210; J. L. Burckhardt, *Travels in Arabia*, vol. 2, p. 13.

¹⁵⁴ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 122.

¹⁵⁵ Sa'îl-ibn-Razîk, *History...*, pp. 248—250.

¹⁵⁶ Ibid., pp. 229—230.

Следующий шаг заключался уже в посылке войска. В 1800/01 г. армия ваххабитов, которую возглавлял один из мамлюков Абд аль-Азиза — Салим аль-Харк, совершила успешный поход в Оман. Сакр, правитель важного в стратегическом отношении порта и города Рас-аль-Хайма, присягнул ваххабитам¹⁵⁷. Под властью Дерийи оказались также другие мелкие шейхства и эмираты побережья Персидского залива, которое в европейской литературе получило наименование Пиратского берега.

Имам Маската Сейид Султан также оказался в какой-то зависимости от Дерийи. Когда в 1803 г. он отправился на паломничество в Мекку, его родственник Бадр попытался захватить власть, но потерпел неудачу и бежал в Дерийю¹⁵⁸. Для успешного сопротивления ваххабитам Сейид Султан решил укрепить связи с багдадским пашой, эмиссары которого давно подталкивали его на выступление против общего противника. Он лично отправился в конце 1804 г. со своим флотом в Басру. Ее жители выплачивали правителям Маската какую-то дань якобы в благодарность за помощь в войне против персов в середине XVIII в. Не заметив там военных приготовлений против ваххабитов, Султан был разочарован и отплыл обратно. На пути в Маскат, во время сражения с флотом из Рас-аль-Хаймы, он был убит¹⁵⁹.

Его родственник Бадр, который жил в изгнании в Дерийе, вернулся в Маскат, надеясь полностью подчинить его ваххабитам. Он продержался у власти несколько лет, попытался внедрить ваххабитское учение и культ, но без особого успеха¹⁶⁰. Сыновья убитого Султана ибн Ахмеда восстали в 1807 г. и сместили Бадра. Новые имамы — Салим, а затем его брат Саид — сначала соблюдали внешнюю верность ваххабитам и платили дань, но затем повели себя самостоятельно, отказались платить дань и начали готовиться к военным действиям¹⁶¹. Сауд послал в Оман группу улемов и учителей для разъяснения

¹⁵⁷ Ibid.; F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, p. 522.

¹⁵⁸ F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, p. 522; Salil-ibn-Razik, *History...*, pp. 232—233.

¹⁵⁹ Ибн Бишр ч. 1, стр. 131; Salil-ibn-Razik, *History...*, pp. 169—170, 238—239; J. Raymond, *Les wahabys...*, p. 29; [L. A. Corancez], *Histoire des wahabis...*, pp. 56—59.

¹⁶⁰ S. B. Miles, *The countries and tribes of the Persian gulf*, vol. 2, pp. 305—309.

¹⁶¹ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 136.

ваххабитского учения, видимо сознавая необходимость подкрепить военное господство в Омане усиленным идеологическим воздействием, но снова без успеха¹⁶².

Саид обратился за помощью к шаху Персии и получил несколько тысяч солдат¹⁶³. В 1808/09 г. вместе со своими союзниками из Сухара маскатцы открыли военные действия против Рас-аль-Хаймы. Но, потеряв несколько тысяч человек, они заявили о покорности ваххабитам¹⁶⁴.

Жители оманского побережья Персидского залива, объединившись под властью Саудидов и прекратив вражду друг с другом, стали серьезной силой. Их флот в несколько сот крупных и мелких кораблей хозяйничал в Персидском заливе. Они облагали пошлинами и грабили торговые суда английской Ост-Индской компании, которые плавали между Бомбеем и Басрой. Жители Пиратского берега захватили и разграбили торговый корабль «Минерву» с грузом в 100 тыс. рупий¹⁶⁵. (Как ни странно, недждийский летописец ничего не сообщает об этом событии).

В связи с этим уместно остановиться на взаимоотношениях Англии с государством Саудидов в тот период, на ее политике в Персидском заливе и на ее роли в приостановке экспансии ваххабитов.

В конце XVIII в. Англия окончательно утвердила свое владычество в Индии, где после почти двухвековой борьбы ей удалось взять верх над другими европейскими конкурентами. Однако военная мощь Франции по-прежнему внушала ей серьезные опасения. В 1798 г. республиканский генерал Бонапарт завладел Египтом. Франция рассчитывала использовать эту страну в качестве трамплина для наступления на Индию. Последовавшее затем поражение французов в Египте не снимало их планов атаки на Индию, например через Сирию и Ирак к Персидскому заливу. Вопрос контроля над дальними подступами к «жемчужине британской короны» становился очень важным. На рубеже XVIII—XIX вв. английские торговые агенты в странах, примыкавших к Персидскому заливу,

¹⁶² Там же, стр. 141—142.

¹⁶³ Salil-ibn-Razik, *History...*, pp. 307—308, 314.

¹⁶⁴ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 141—142.

¹⁶⁵ [L. A. Corancez], *Histoire des wahabis...*, pp. 48—49, 120—121, 143; H. J. Brydges, *An Account...*, vol. 2, pp. 36—37.

один за другим становились политическими представителями. В 1798 г. Англия заключила договор с имамом Маската, направленный против французов. Этот договор положил начало зависимости Маската от Англии. Через два года в город прибыл английский представитель.

Англия пыталась поддерживать дружественные отношения с набиравшим силу государством Саудидов. Фактория Ост-Индской компании, существовавшая в конце XVIII в. в Басре, постоянно посылала подарки Сауду¹⁶⁶. Англичане были заинтересованы в поддержании своей оживленной торговли между Бомбеем и Басрой, а также в надежности почтового пути из Индии через Басру в Сирию. Они пытались добиться согласия ваххабитов не трогать курьеров, которые направлялись с почтой из Басры в Халеб (Алеппо)¹⁶⁷.

Однако англичане не останавливались и перед применением военной силы. Так, ваххабитский отряд, подошедший в 1798/99 г. к английской фактории, расположенной на территории нынешнего Кувейта, отступил под пушками английского военного корабля¹⁶⁸. Чтобы как-то уладить конфликт, в Дерийю прибыл представитель Ост-Индской компании Рейно¹⁶⁹. Он пытался добиться от ваххабитов гарантии английских интересов в Персидском заливе, но не достиг цели. В первом десятилетии XIX в. английские военные суда вступили в прямые военные действия против флота оманских арабов. Естественными союзниками англичан оказались маскатцы.

Саид ибн Султан в 1809 г. двинулся со своим войском и флотом, во главе которого стал английский офицер, против Рас-аль-Хаймы. Туда же направилась английская военная эскадра. Разгромив плохо вооруженный флот оманцев, англичане высадили в городе десант. Они стерли с лица земли город, уничтожили все склады и верфи, устроили избиение местных жителей, чем заслужили похвалу и восхищение генерал-губернатора Индии¹⁷⁰. По-

---

¹⁶⁶ Н. J. Brydges, *An Account...*, vol. 2, p. 15.

¹⁶⁷ Ibid.; [L. A. Corancez], *Histoire des wahabis...*, pp. 49—50.

¹⁶⁸ Н. J. Brydges, *An Account...*, vol. 2, p. 16.

¹⁶⁹ [Reinaud], *Auszug aus dem Briefe...*, S. 235.

¹⁷⁰ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 146; F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, p. 541; [L. A. Corancez], *Histoire des wahabis...*, pp. 142—145; Н. J. Brydges, *An Account...*, vol. 2, pp. 38—44; J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, p. 208.

ражение союзников и вассалов Саудидов было чувствительным для Дерийи, и оно усугубилось фактическим отпадением Бахрейна.

Правители Бахрейна и Зубары из семьи Бану Халифа начали проявлять недовольство властью ваххабитов и были вывезены в Дерийю в качестве заложников. Их дети бежали в Маскат и обратились к англичанам с просьбой о помощи. Английские военные корабли разгромили ваххабитский гарнизон в Зубаре, а затем и в Манаме. Попытки Дерийи вернуть власть над Бахрейном оказались тщетными, хотя какую-то дань ваххабитам бахрейнцы выплачивали¹⁷¹.

После эвакуации англичанами Рас-аль-Хаймы местные жители снова отстроили город. В Оман ваххабиты послали с войском опытного полководца Абдаллаха ибн Мазру, который сделал своей базой Бурайми. Другое войско во главе с Мутлаком аль-Мутайри начало военные действия против Маската и Сухара. Саид ибн Султан заявил о покорности, заплатил дань, но это не была решающая победа¹⁷².

Видимо, в это же время ваххабиты проникли дальше на юго-запад, за Маскат, и вторглись в Хадрамаут, где первые дерийские проповедники появились еще в 1803/04 г. Тогда их пропагандистские усилия не увенчались успехом, но на этот раз Хадрамаут заплатил дань Дерийе¹⁷³.

Несмотря на некоторые успехи на суше, потеря флота означала жестокий удар по ваххабитскому государству, обнажила всю его восточную и юго-восточную границу для нападения с моря. Поражение, нанесенное ваххабитам англичанами, было первым сигналом военной слабости государства Саудидов, не способного противостоять передовым вооруженным силам европейской державы.

Продвижение в Асир и Йемен. На рубеже XVIII—XIX вв. к ваххабитам присоединился Асир. Вслед за ним Дерийе подчинился эмират Абу Ариш¹⁷⁴. Вряд ли

¹⁷¹ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 147—148, 153—154.

¹⁷² Там же, стр. 146—147; Salil-ibn-Razik, *History...*, pp. 324—326.

¹⁷³ Мухаммед ибн Хашим, *Хадрамаут*, стр. 120—122.

¹⁷⁴ F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, p. 525; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 121; аш-Шаукани, *Аль-бадр ат-тали*, ч. 2, стр. 6—8.

можно считать, что господство ваххабитов в районах к югу от Мекки было полным. Там находились скорее неполноправные союзники Саудидов, но не их прямые подданные. Участие асирцев в военных действиях против шерифа Галиба соответствовало их интересам, и они принимали в них самое активное участие.

Наступление на Йемен не принесло полной победы ваххабитам. Поход в 1805/06 г. ваххабитских войск против Неджрана не завершился решающим успехом, хотя в этом районе и были оставлены крепости с ваххабитскими гарнизонами. Несколько раз в руки ваххабитов попадала Ходейда, или добровольно, или в результате захвата. Горный Йемен остался вне пределов их досягаемости.

Ваххабиты развернули активную пропагандистскую деятельность в Йемене и почти каждый год посылали туда миссии улемов, но безуспешно. Удержать даже Ходейду на долгое время ваххабиты не смогли¹⁷⁵. Шафиитское население побережья — йеменской Тихамы — питало симпатии к учению ваххабитов из-за давней вражды с зейдитскими имамами Саны. Однако оно не было склонно менять свое фактически независимое положение на подчинение Саудидам.

Хамуд Абу Мисмар, правитель (шериф) Абу Ариша, власть которого распространялась на часть йеменской Тихамы, присоединился к ваххабитам и даже, видимо, участвовал в военных действиях против имама Саны¹⁷⁶. Однако его беспокоило возвышение под эгидой ваххабитов его соседа и соперника — Абд аль-Ваххаба Абу Нукты, правителя Асира. Как сообщает Ибн Бишр, Сауд вызвал обоих соперников в Дерийю и пытался их помирить, но это ему не удалось. Чувствуя, что назревает бунт Абу Мисмара, он приказал ему выступить в поход против Саны, но шериф Абу Ариша отказался.

Получив доказательства неверности строптивого вассала, Сауд начал собирать воинов по всей Аравии, чтобы покончить с ним. Ваххабитское войско насчитывало около 50 тыс. человек. На стороне Абу Мисмара сражались кочевники из Неджрана и Йемена. В конце

---

¹⁷⁵ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 136, 149; F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, pp. 533—534, J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, pp. 202, 206—207.

¹⁷⁶ F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, p. 533.

1809 г. произошло яростное сражение, в котором был убит Абу Нукта. Но войско Абу Мисмара потерпело поражение. Он сам бежал и укрепился в своей столице Абу Арише, взять которую ваххабитам не удалось. Место Абд аль-Ваххаба Абу Нукты по назначению Сауда занял родственник убитого — Тами ибн Шуайб ¹⁷⁷.

Набеги на Ирак и Сирию. Если вновь обратиться к положению на северо-восточных границах государства Саудидов, то на первый взгляд события здесь также развивались благоприятно для ваххабитов.

Едва Буюк Сулейман испустил дух в августе 1802 г., как у его гроба началась смертельная борьба за политическое наследство, в которой живейшее участие приняли англичане и французы. Его родич и кахья Али смог расправиться с соперниками и занять место паши. Он удерживал власть примерно пять лет. Пашалык сотрясали внутренние волнения, народные восстания, а также непрекращающиеся выступления курдов. В августе 1807 г. Али был зарезан в мечети. Через некоторое время его место захватил Кючук Сулейман, который оставался на посту паши около трех лет и был занят войной с курдами и ваххабитами до своей гибели в октябре 1810 г. Военные столкновения с персами продолжались во второй половине первого десятилетия XIX в.

В течение нескольких лет, последовавших за разгромом Кербелы, ваххабиты совершали настойчивые набеги на Ирак. В конце 1803 — начале 1804 г. Сауд внезапно напал на мунтафиков, пленил их вождя, разграбил окрестности Басры. Затем его войско осадило Зубайр. Ваххабиты предложили жителям этого города присоединиться к их учению и капитулировать, но местный губернатор отрубил уши посланнику Сауда и отослал его обратно, дав таким образом красноречивый ответ. Все местные святыни вокруг города были разрушены, включая мавзолеи Хасана и Тальхи. Но сам Зубайр жители мужественно защищали и отбили атаки ваххабитов ¹⁷⁸.

---

¹⁷⁷ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 144—145. Ф. Манжен сообщает другие детали этого события и относит его к 1810 г. (F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, p. 541); см. также: J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, pp. 208—209.

¹⁷⁸ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 130; Ибн Санад, *Таурих Багдад*, стр. 33; J. Raymond, *Les wahabys...*, pp. 27—29; [L. A. Corancez], *Histoire des wahabis...*, p. 54.

В 1804—1805 гг. Сауд разгромил могущественное племя зафир, которое пыталось проявить неповиновение¹⁷⁹.

Али-паша по приказу Порты провел военную демонстрацию против ваххабитов, но углубиться в пустыню не решился¹⁸⁰.

В 1806 г. ваххабиты попытались взять Неджеф, но неудачно; так же бессильны они были под Самавой и Зубайром¹⁸¹.

В 1808 г. Сауд появился под Кербелой. Но город был хорошо защищен и оказался неприступным для его войска. Он повернул на юг, ограбил мунтафиков, прошел в окрестностях Басры и Зубайра и вернулся в Дерийю, не достигнув существенных результатов¹⁸².

Все дальнейшие налеты на Ирак, продолжавшиеся вплоть до 1810 г., ограничивались разграблением незащищенных деревень, которые не оказывали сопротивления. В конце 1809 г. новый паша Багдада отважился направить против ваххабитов отряды турецких солдат вместе с кочевниками Ирака; это войско несколько углубилось в пустыню, но потерпело поражение от кочевников аназа и зафир¹⁸³. Тем не менее, несмотря на все внутренние неурядицы в Ираке, ваххабиты не смогли добиться сколько-нибудь значительных успехов, сравнимых с захватом Кербелы. К концу первого десятилетия их рейды на Ирак постепенно ослабли.

Также не принесли решающих побед набеги на Сирию. В 1808 г. Сауд направил письмо шейхам Дамаска, требуя принять ваххабитскую доктрину и подчиниться его власти. Он потребовал выплаты дани от жителей Халеба. Подобные же послания были направлены в другие города Сирии. Началась паника. Летучие отряды ваххабитов разоряли деревни в окрестностях Халеба. Одновременно они проникли в Палестину. Принимались срочные меры для обороны городов. Однако ваххабиты не решились атаковать сирийские города¹⁸⁴.

---

¹⁷⁹ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 131—132.

¹⁸⁰ [L. A. Corancez], *Histoire des wahabis...*, pp. 55, 61—63.

¹⁸¹ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 135—136; J. Raymond, *Les wahabys...*, p. 31; [L. A. Corancez], *Histoire des wahabis...*, pp. 87—90.

¹⁸² Ибн Бишр, ч. 1, стр. 140; [L. A. Corancez], *Histoire des wahabis...*, pp. 138—142.

¹⁸³ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 143.

¹⁸⁴ [L. A. Corancez], *Histoire des wahabis...*, pp. 133—135.

В 1810 г. Сауд с несколькими тысячами воинов совершил смелый набег на Сирию, разграбил несколько десятков деревень и дошел почти до Дамаска. Сирийскую столицу вновь охватила паника, состоятельные жители переправляли имущество в горы Ливана, но атаковать укрепленный город Сауд опять не решился¹⁸⁵.

Это был его последний крупный поход в северном направлении.

---

¹⁸⁵ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 148—149; J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, pp. 209—210; F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, pp. 542—544 (Ф. Манжен относит ошибочно этот поход к 1811 г.).

ГЛАВА IV

ОБЩЕСТВЕННЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ ДЕРИЙСКОГО ЭМИРАТА

Ваххабизм не изменил общественного строя Аравии и производственных отношений в аравийском обществе. Он лишь четче выделил аристократию из массы населения и несколько упорядочил ее эксплуататорскую деятельность, а государство Саудидов оказало влияние на экономическое положение полуострова. Главные формы присвоения богатств правящей знатю — грабеж, конфискация имущества, контрибуции, штрафы, взимание арендной платы — отличались в основном масштабами от положения, существовавшего до образования государства Саудидов.

Военный грабеж и контрибуция. Походы ваххабитов, овященные знаменем обновленной религии, ставили перед собой вполне мирские задачи — увеличение богатств дерийских правителей и примкнувшей к ним аравийской (в первую очередь недждийской) аристократии. Захват богатств, эксплуатация покоренных или присоединившихся областей осуществлялись несколькими способами.

Самым простым, но самым жестоким был газу — набег с целью грабежа. Газу проводили в тех случаях, когда жители оазисов или кочевых племен оказывали сопротивление, когда не было возможности закрепиться в каком-либо районе и он находился вне пределов постоянной досягаемости дерийских эмиров. Иногда газу был начальным способом отчуждения имущества. Но он не был отделен от других способов во времени, а существовал рядом с ними и, судя по замечаниям аравийских летописцев и европейских путешественников, оставался

основным путем, которым аристократия приобретала богатства. Перечислив налоги, поступавшие в Дерийю, ваххабитский историк Ибн Бишр пишет: «А что привозилась в Дерийю из пятой части добычи (хумс) и военных трофеев, то было в несколько раз больше»¹. На первое место среди доходов дерийского правителя И. Буркхардт также ставит пятую часть добычи².

Первые набеги ваххабитов приводили к захвату нескольких десятков голов верблюдов и овец, разграблению поля или финиковой рощи, а в годы наибольшего могущества их государства добыча исчислялась уже десятками, если не сотнями тысяч голов захваченного скота. Как уже отмечалось, в 1796 г. после разгрома войск мекканского шерифа добыча ваххабитов составила 30 тыс. верблюдов и 200 тыс. овец и коз³.

Особым разнообразием методы грабежа в то время не отличались.

Ибн Ганнам пишет, что в 1757/58 г. ваххабиты «разорили поля жителей Манфухи»⁴. В результате успешного набега на подразделения племен кочевников-бедуинов зафир и аназа «мусульмане (т. е. ваххабиты. — А. В.) захватили то, что было у них (кочевников. — А. В.) из имущества, утвари, оружия, овец, коз и верблюдов»⁵. После падения Бурайды ваххабиты взяли «все, что в ней было из имущества»⁶.

Ибн Бишр сообщает, что, когда в 1790/91 г. были разгромлены кочевники племен мутайр и шаммар, ваххабитам досталась «богатая добыча — верблюды, овцы и козы, утварь и товары». Вскоре такая же участь постигла и других бедуинов; их ваххабиты преследовали два или три дня, «забирая имущество и убивая людей»⁷. Аравийские хроники пестрят подобными сведениями.

Как и в бедуинском газу, ваххабитский грабеж приводил к отчуждению у слабейших племен и поселений не только прибавочного продукта, но и в значительной части необходимого, в результате чего большая часть ог-

---

¹ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 173.

² J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, p. 151.

³ Ибн Ганнам, ч. 2, стр. 173.

⁴ Там же, стр. 52.

⁵ Там же, стр. 111.

⁶ Там же, стр. 94.

⁷ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 87.

рабленного населения нередко обрекалась на голодную смерть. Грабили не только рядовых членов кочевых племен или жителей оазисов, но и знать. Хотя, несомненно, знать теряла всегда меньше, чем простой народ. Свои потери аристократия нередко возмещала за счет рядовых бедуинов или крестьян. Победители-ваххабиты обычно щадили знатных; они предпочитали устанавливать с ними хорошие отношения. Побежденная знать лишалась прежней самостоятельности, но становилась частью правящего класса государства Саудидов.

Преобладание военной добычи в доходах ваххабитского государства свидетельствует о его военно-экспансионистском характере, о том, что острие деятельности этого государства было направлено вовне. Объектом грабежа были те племена, города, оазисы, провинции, которые в каждый отдельно взятый момент не входили в его состав. Государство Саудидов было создано для войны, набега, грабежа, непрерывающейся экспансии.

Уровень развития производительных сил в Аравии по-прежнему не позволял ваххабитской знати отчуждать продукт труда населения с помощью более упорядоченных видов эксплуатации в тех же размерах, что и путем прямого грабежа. Для сохранения доходов правящего класса хотя бы на достигнутом уровне ваххабитское государство должно было непрерывно расширяться. Оно не могло существовать без внешней экспансии. В случае ее приостановки знать, как оседлая, так и в особенности бедуинская, не получала бы с подвластного ей населения тех доходов, к которым она уже привыкла. Тогда исчезли бы побудительные мотивы объединения аристократии в рамках единого государства. В этом заключалось главное внутреннее противоречие первого ваххабитского государства. С момента своего рождения оно внутри себя несло зародыш собственной гибели.

Следующим, более совершенным, чем грабеж, видом эксплуатации была контрибуция — денежная или натуральная дань с племен или оазисов, подчинившихся ваххабитам или присоединившихся к ним. Эта контрибуция была единовременной, но, возможно, выплата ее растягивалась на несколько лет, приобретая форму постоянной дани или налога. При помощи контрибуции, штрафа племена и оазисы откупались от отрядов ваххабитов, подтверждали свою приверженность к обновленной религии

и дерийскому правителю. Словом, это была дань, по своему характеру ничем не отличавшаяся от дани, которую оазисы или слабые племена платили более сильным и в доваххабитский период.

Так, в 1787/88 г. на жителей оазисов Вади Давасир, подчинившихся ваххабитам, был наложен штраф в 2 тыс. риалов, из них тысячу нужно было выплатить немедленно⁸.

После того как правитель Хасы Арайар потерпел неудачу в выступлении против ваххабитов, эмир Дерийи готовил расправу со своими союзниками, перешедшими на сторону хасцев. Оазисы Махмаль и Садик обратились к эмиру с просьбой о помиловании. Прощение было даровано, но в наказание на них был наложен штраф «в виде плодов их полей и пальм»⁹. (Правда, недждийские летописцы не уточняют, был ли этот штраф единовременным или же превращался в постоянную дань).

В 1767/68 г. к ваххабитам присоединились жители Вашма и Судайра. Они «дали присягу на верность религии аллаха и его посланника, на повиновение и послушание». Они обязались заплатить Дерийе денежный и натуральный штраф¹⁰. Таким образом, предполагалось, что жители этих областей будут «сами», «добровольно» платить дерийским правителям какую-то дань, но при этом неясно, единовременно или постоянно.

Когда в 1784/85 г. жители Хаута, Харики, Йамамы, Сильмийи и части Харджа покорились дерийскому эмиру, он наложил на них штраф, «сколько хотел из денег»¹¹.

Некоторые соседние с Меккой кочевые племена почувствовали военную силу ваххабитов и «добровольно» присоединились к ним. Абд аль-Азиз наложил на них контрибуцию в виде денег, оружия, сбруи и лучших лошадей¹².

Захват земельной собственности. Наиболее совершенным способом эксплуатации в тогдашней Аравии было отчуждение средств производства от производителей, крестьян, и превращение последних в арендаторов. Как

---

⁸ Ибн Ганнам, ч. 2, стр. 136.

⁹ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 42.

¹⁰ Там же, стр. 51—52.

¹¹ Ибн Ганнам, ч. 2, стр. 124.

¹² Там же, стр. 245.

происходил этот процесс в деталях, какую часть земель отнимали ваххабиты, на каких условиях предоставлялась земля бывшим собственникам, установить на основе имеющихся данных можно лишь приблизительно. Информация ваххабитских летописцев скупа и отрывочна.

В 1754/55 г. ваххабиты захватили Хураймилю, и после победы «стали ее пальмы и жилища добычей для мусульман»¹³. То, что здесь имеется в виду разграбление домов, — очевидно. Что же касается пальм, то можно предположить, что речь шла либо об их отчуждении у бывших собственников, либо о плодах пальм — урожае фиников одного года.

Заняв Рияд, «Абд аль-Азиз завладел его домами и пальмами, за исключением некоторых»¹⁴. Очевидно, жилища риядцев стали собственностью дерийского эмира. Но какую пользу он мог извлечь из этой собственности, особенно если учесть, что многие жители Рияда бежали? Мог ли эмир сдавать эти дома в аренду? Скорее всего, дерийский правитель просто распродал награбленную утварь. Неясно также, как распорядились пальмами. Кто будет их обрабатывать? Что подразумевает летописец под словами «за исключением некоторых»? Возможно, эти пальмы принадлежали сторонникам ваххабитов из числа жителей Рияда или же Абд аль-Азиз просто раздал их своим приближенным.

Более конкретные данные сообщаются о пальмовых насаждениях Хармы. Ваххабиты подчинили себе оазис, жители которого согласились на предъявленное им требование передать пальмы в государственную казну — бейт аль-маль¹⁵. Видимо, их прежние владельцы превращались в арендаторов пальмовых рощ у ваххабитского государства. Но оно стало именно собственником пальм, а не всей земли. Что же до остальных культур, выращивавшихся в междурядьях или на полях, где нет пальм, то о них ничего не известно. (Кстати сказать, эти условия договора не были выполнены. Они показались Абд аль-Азизу слишком легкими, так как жители Хармы были старыми и упорными противниками дерийских правителей. Абд аль-Азиз приказал разрушить стены оазиса,

---

¹³ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 30.

¹⁴ Там же, стр. 61.

¹⁵ Там же, стр. 71—72.

уничтожить часть домов и изгнать группу жителей. Политика террора в данном случае превалировала над экономическими соображениями).

И. Буркхардт, рассказывая о доходах саудидского государства, отмечает, что казна делилась на две части — личную казну имама и государственную. (Дерийский эмир, т. е. политический глава государства, и в арабских летописях и в записках европейских путешественников чаще всего именуется имамом. Имеется в виду, что он не только стоял впереди ваххабитской общины на молитве, но и был духовным главой мусульман-ваххабитов. Ибн Абд аль-Ваххаб являлся, как сказали бы теперь, «главным идеологом» государства Саудидов и ваххабитов).

«Самую большую часть своих доходов вождь ваххабитов получает от собственных владений. Он установил за правило, что когда какой-либо из его районов или городов поднимает восстание в первый раз, он грабит его. При вторичном восстании он не только грабит, но и конфискует... все земли жителей в государственную казну. Затем он дарует какую-то часть из них посторонним, но большую часть оставляет в руках бывших владельцев, которые теперь становятся его арендаторами и обязаны платить в зависимости от обстоятельств одну треть или половину урожая. Собственность тех, кто принял наиболее активное участие в восстании, передается другим, а их самих изгоняют или убивают... В настоящее время большая часть земельной собственности в Неджде принадлежит бейт аль-маль, или государственной казне. Вся земельная собственность [провинции] Касым, жители которой постоянно восставали, оставлена им на правах аренды. Многие деревни в Хиджазе и в горах, расположенных в стороне Йемена, также принадлежат государственной казне»¹⁶.

Система эксплуатации покоренного населения в процитированном отрывке выглядит в целом довольно сформировавшейся, хотя многие моменты и остаются неясными, в частности вопрос о том, поступает ли арендная плата в государственную казну или в личное распоряжение дерийского правителя.

Кого И. Буркхардт подразумевает под «посторонни-

---

¹⁶ J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, pp. 154—155.

ми» — крестьян из покоренных ваххабитами районов, осевших на захваченную землю, или же крупных землевладельцев, по отношению к которым прежние хозяева становятся арендаторами, — сказать трудно. Неясно также, сопровождается ли обязательство сдавать часть урожая в Дерийю какой-либо личной зависимостью от ваххабитского эмира.

Данные И. Буркхардта и арабских хроник, хотя и дополняют друг друга, все же несколько расходятся. Есть основания в большей степени доверять аравийским авторам. Во-первых, они могли длительное время наблюдать за политикой и деятельностью ваххабитов. Например, Ибн Бишр имел связи с придворными «финансовыми чиновниками» и лично от них получал сведения. Во-вторых, И. Буркхардт ко многим явлениям аравийской жизни подходил с непроизвольно предвзятых позиций европейца, мыслящего категориями развитого феодализма, в то время как система эксплуатации в Аравии не носила ярко выраженных черт, присущих феодальному способу производства. Путешественник в своих записях, видимо, просто стремился все упорядочить, подвести экономическую политику ваххабитов под определенную систему, хотя она или отсутствовала, или же только складывалась.

О земельной собственности, конфискованной в бейт аль-маль, аравийские летописцы говорят крайне редко. Лишь в нескольких случаях они упоминают о существовании в ваххабитском государстве хараджа — земельного налога, но не уточняют его характера.

Если этот харадж равнозначен арендной плате, которую вносили с «государственных» земель, то данные И. Буркхардта в некоторой степени подтверждаются. В таком случае можно было бы говорить о резком перераспределении земельной собственности в государстве Саудидов и совпадении ренты и налога с земель бейт аль-маль.

Ваххабизм в принципе не изменил классовых отношений в Аравии. Можно предположить, что распространение господства ваххабитов в Неджде и за его пределами временно ослабляло эксплуатацию центральноаравийского населения. Приток награбленных богатств притуплял остроту эксплуатации «своих» трудящихся, но сама эксплуатация сохранилась в прежней форме.

Когда союзник ваххабитов эмир Хураймили — Мубарак ибн Адван начал вести себя независимо, не выполнять приказы Ибн Сауда, Ибн Абд аль-Ваххаб и дерийский эмир предложили ему: «Возьми что хочешь из пальм Хураймили и живи у нас (т. е. в Дерийе.— А. В.), а мы тебе будем оказывать почет, уважение и обеспечим твоё довольствие». Ибн Адван был вынужден согласиться на положение почетного пленника ваххабитов¹⁷. При этом предполагалось, что отстраненный от власти опальный эмир должен был сохранить за собой феодальную ренту с пальмовых рощ.

Закят. Самым значительным отличием системы эксплуатации в ваххабитский период от прежних времен было введение упорядоченного централизованного налога со всего населения государства Саудидов в виде предписанного Кораном закята — налога в пользу бедных. Этот налог считается одним из столпов ислама. Религиозные цели — восстановление и укрепление закята — как нельзя лучше отражали потребности и задачи раннефеодального саудидского государства. Ибн Бишр отмечает, что «подлинный ислам» распространился в Неджде. Из Дерийи посылались «доверенные лица [уммалъ] для сбора закята и хараджа с плодов, а прежде люди называли их сборщиками податей и десятины»¹⁸.

Недждийский летописец сообщает, что ежегодно из Дерийи для сбора закята с бедуинов отправлялись отряды сборщиков налогов. Каждый отряд состоял из семи человек. В него входили глава доверенных лиц, называемый эмиром, писец, «хранитель тетради», сборщик денег от продажи верблюдов, овец и коз, предназначенных для уплаты закята, а также вооруженная охрана из трех человек, которые одновременно были слугами четырех первых. Три воина собирали скот, перегоняли и сторожили его и выполняли другие поручения. Дерийские правители направляли к бедуинам более семидесяти отрядов сборщиков налогов. Имелись также специальные агенты по сбору закята с урожая земледельцев, с мелких и крупных населенных пунктов, чиновники по сбору закята с товаров¹⁹.

---

¹⁷ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 40—41.

¹⁸ Там же, стр. 90.

¹⁹ Там же, стр. 173.

Об отрядах сборщиков налогов упоминает также И. Буркхардт, не уточняя, однако, их состава: «Сборщиков налогов посылают каждый год из Дерийи в различные районы и к племенам, они получают определенную сумму [денег] за свою работу и расходы на путешествия»²⁰.

Ибн Бишр пишет о том, что отряды сборщиков закята жили за счет тех, с кого они собирали налог²¹. Это открывало большие возможности для злоупотреблений. Но нет оснований противопоставлять один вид оплаты «финансовым чиновникам» другому. Вполне возможно, что они существовали одновременно.

Закят составлял десятую часть урожая с богарных земель, двадцатую — с поливных, два с половиной процента — с капитала купца (в действительности же с купцов брали гораздо меньше, так как они скрывали размеры своих капиталов)²². С пяти верблюдов племени аназа брали один талер, с 40 овец — цену одной овцы, с одной лошади — 7 шилл.²³ Таковы данные И. Буркхардта. К ним надо подходить с известной осторожностью, так как можно предположить, что в разных провинциях налоги были неодинаковыми.

Каковы общие суммы закята, поступавшие в Дерийю, выяснить трудно, хотя Ибн Бишр и приводит некоторые цифровые данные. Он пишет: «Вот что сообщил мне Ахмед ибн Мухаммед аль-Мудлиджи: „Я был писцом у доверенных лиц, посланных к аляви (подразделение племени. — А. В.) из племени мутайр во время правления Абд аль-Азиза. Он получил от них закята в один год 11 тысяч риалов“. Доверенные лица были посланы в барих из мутайр, во главе их Абдуррахман ибн Мишари ибн Сауд, они собрали с них 12 тысяч риалов. С хитайм взяли 7 тысяч. Закят мутайр в тот год составил 30 тысяч риалов.

И были также аназа из Сирии, и бедуины из Хайбара, и бедуины хувайтат, а также те аназа, что жили в Неджде. К ним посылали много доверенных лиц, и они возвращались с огромными богатствами. Мне рассказал тот, кому я верю: „Однажды... недалеко от Шакры оста-

---

²⁰ J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, p. 158.

²¹ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 173.

²² J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, p. 152.

²³ Ibid., vol. 1, p. 104.

новились четыре отряда из доверенных лиц, [посланных] к бедуинам Сирии, с каждым отрядом было 10 тысяч риалов²⁴.

Сказал я: „А с бедуинов шаммар и зафир получали закят примерно такой же, как с аназа. А от кахтан и бедуинов харб, атайба, джухайна, от бедуинов Йемена и Омана, ааль мурра и аджман, субай, сухуль и других — несчетное количество“. С них собирали закят на законном основании. С них не брали самое ценное имущество. Исключение составляли те, кто укрывал (от обложения. — А. В.) какую-либо часть из своих верблюдов или овец; тогда с него брали закят и штраф. Абд аль-Азиз рекомендовал своим агентам быть богобоязненными и брать закят только по закону, давать дары бедным и больным, охранять их от гнева и изъятия самого ценного имущества»²⁴.

Объем налоговых поступлений в Дерийю при Сауде, сыне Абд аль-Азиза, очевидно, еще более возрос.

Ибн Бишр отмечает: «Что касается доверенных лиц (Сауда. — А. В.), которых он посылал для сбора закята с владельцев верблюдов, овец и коз, принадлежавших бедуинам Аравийского полуострова, из тех, кто [живет] за двумя священными городами, в Омани, Йемене, Ираке, Сирии, а также тех, кто [живет] между ними из бедуинов Неджда, то мне о них рассказывал один из знатных людей Сауда, который стал у него писцом. Он сказал: „Каждый год он (Сауд. — А. В.) посылал к этим бедуинам более семидесяти отрядов доверенных лиц, а в каждом отряде семь человек...“.

Этот человек сообщил мне, что Сауд посылал агентов к бедуинам газз в [местечке] Миср. Он также посылал доверенных лиц к бедуинам ям в Неджране, и они собирали со всех закят.

Он сказал: „Пришли доверенные лица, [посланные] к ааль фидан из бедуинов аназа, и они принесли закят, который достигал 40 тысяч риалов, и это помимо довольствия доверенных лиц и 8 породистых лошадей“. Он сказал: „Это самое большое, с чем приходит каждый год отряд из тех доверенных лиц; самое меньшее, что приносит отряд упомянутых доверенных лиц, — три тысячи риалов или две с половиной тысячи“. И сказал он: „Что

²⁴ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 126—127.

брал Сауд с Бендер аль-Лихья в Йемене, то составляло 150 тысяч риалов, а он брал лишь четверть десятины. А из Бендер аль-Ходейда — около этого...“.

Сказал я: „Что касается поступивших в Дерийю денег [амваль], помимо этого из Катифа, Бахрейна, Омана, Йемена, Тихамы, Хиджаза и других стран, закята с плодов, товаров и их стоимости из Неджда, то невозможно сосчитать“»²⁵.

Общей суммы доходов дерийских правителей Ибн Бишр не знал. Возможно, ее не знали и сами Саудиды. Если воспользоваться простейшим арифметическим подсчетом (весьма ориентировочным), то годовой доход дерийского правителя, полученный от сбора налогов, составит несколько миллионов риалов.

И. Буркхардт оценивает ежегодные поступления в казну ваххабитов в 1 млн. талеров, а самый удачный год принес 2 млн.²⁶ Однако путешественник не уточняет, включает ли эта цифра военные трофеи, различного рода штрафы, или же она относится только к налогам.

В масштабах Аравии сумма, поступавшая саудидским правителям, была огромна. Но ее реальные абсолютные размеры и экономическое содержание можно определить лишь условно. Нужно учесть большие колебания в ценах от сезона к сезону, от района к району. Достаточно сказать, что, по информации Ибн Бишра, ноша [хамль] дров в Дерийе стоила 5—6 риалов, а одна пальма — до 50 риалов²⁷.

Классовый характер государства Саудидов, служившего интересам аравийской аристократии, проявлялся

---

²⁵ Там же, стр. 173.

²⁶ J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, p. 161. Ежегодные налоговые поступления Сауда в зените его могущества, по данным «Блеска метеора...» (стр. 466—469), составляли 400 тыс. риалов с кочевников и оседлых жителей Неджда; с кочевников Сирии, Йемена, Тихамы и Омана — 500 тыс., с Хасы — примерно 400 тыс., с Катифа — 200 тыс., с Бахрейна — 40 тыс., с Йемена (видимо, с оседлых жителей) — 300 тыс., с кочевников Хиджаза и некоторых других областей — 200 тыс., с Рас-аль-Хаймы — 120 тыс. (включая долю грабежа), с оседлых и кочевников (?) Омана — 150 тыс. риалов, не считая расходов на содержание там ваххабитского войска. Добыча от набегов — «неисчислимая». Большие доходы лично Сауд получал в виде «подарков» от знатных и богатых паломников, земельная собственность в Неджде и Хасе приносила ему 300 тыс. риалов.

²⁷ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 214.

также в сфере централизованного распределения собранных богатств. Правда, установить как абсолютные, так и относительные суммы расходов государства по имеющемуся материалу можно лишь приблизительно.

Двор Саудидов. Средства на содержание двора дерийских эмиров и семьи Ибн Абд аль-Ваххаба фигурировали в числе важнейших расходов. В личном владении Саудидов скапливались огромные богатства в виде земель в оазисах, скота, драгоценностей и другого имущества. Ибн Бишр пишет, что добрая треть налогов, получаемых с богатейших провинций Хасы, уходила на содержание дома Саудидов, семейства Ибн Абд аль-Ваххаба и их окружения²⁸.

Семьи арабской знати вообще, как правило, очень многочисленны. Большие средства позволяют представителям аристократии содержать четырех законных жен, предусмотренных Кораном, не считая наложниц. Хорошее питание, несколько лучшие, чем у остального населения, санитарные условия уменьшают смертность среди детей из состоятельных семей. Правда, сейчас неизвестно, допускали ли дерийские правители первого ваххабитского государства при помощи частых разводов такое многоженство, каким прославился Абд аль-Азиз II ибн Сауд в XX в. И. Буркхардт сообщает лишь о том, что у Сауда было несколько жен и абиссинские наложницы²⁹. Но как бы то ни было, семейство Саудидов (эмир, его братья, дети, дяди, двоюродные братья и племянники) было очень многочисленно.

Дерийские эмиры, которые укрепили свое могущество под знаменем ваххабизма, призывавшего к простоте и умеренности, сами жили в большой по аравийским масштабам роскоши. Л. Корансез отмечает, что Сауд познакомился с роскошью, и это не могло не оказать на него влияния. Таков путь всех сект, которые начинают с простоты и ограничений, чтобы привлечь массы, и кончают роскошью для вождей, добавляет французский историк³⁰.

«Сауд любит выставять напоказ роскошь во всех ее проявлениях, — пишет Ж. Раймон. — Все в его дворце

---

²⁸ Там же, стр. 173.

²⁹ J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, pp. 121—123.

³⁰ [L. A. Corancez], *Histoire des wahabis...*, pp. 66—67.

наводит на мысль о величии и пышности, ничто не отвергается для украшения дворца. Золото, жемчуг, наиболее дорогие индийские ткани — ничего не жалеют, чтобы сделать его более прекрасным. Утверждают, что плащ Сауда — это выдающееся творение, которое обошлось ему по крайней мере в 60 тыс. пиастров. При виде такой кичливости могли бы сказать, что придворные копируют его и стремятся одеться с таким же блеском, но он их обязывает сохранять простоту»³¹.

Этим несколько преувеличенным данным в целом можно доверять.

Дворцы, перед которыми бледнеет фантазия создателей «Тысячи и одной ночи», будут выстроены саудидскими правителями спустя полтора столетия за счет феодальной ренты от эксплуатации нефтяных богатств. Но и в те далекие времена дерийские правители не отказывали себе в доступной им роскоши. Помимо скота, земель, драгоценных камней, богато украшенного оружия, дворцов-крепостей дерийские эмиры владели также породистыми лошадьми — этим предметом особой гордости аравийской аристократии.

Известно, что Сауд ибн Абд аль-Азиз много средств тратил на содержание лошадей. Его табуны породистых лошадей насчитывали до 2,5 тыс. голов³². Из них 600 лошадей предназначались для самых мужественных бедуинов и мамлюков³³. Породистые скакуны были не только прихотью правителя, но имели и военное значение. У каждого из сыновей Сауда было по 100—150 лошадей, а Абдаллах, наследник престола, имел 300 голов³⁴. Дерийские правители захватывали лошадей в походах, получали их в виде дани, заката, штрафа, не останавливаясь перед вымогательствами.

И. Буркхардт пишет: «Арабы жалуются, что, если кто-либо имеет хорошего коня, Сауд найдет какое-либо обвинение в нарушении закона, в неправильном поведении, чтобы оправдать конфискацию коня в качестве штрафа»³⁵.

---

³¹ J. Raymond, *Les wahabys...*, p. 26.

³² Ибн Бишр, ч. 1, стр. 171; J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, p. 129.

³³ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 171.

³⁴ J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, p. 129.

³⁵ Ibid., pp. 159—160.

Значительные средства тратились на традиционное гостеприимство. Каждый день у Сауда бывало несколько сот гостей³⁶. Им подавали сытные обеды. Ежедневно Сауд выделял для гостей 500 *саа* риса и пшеницы³⁷ (*саа* — мера сыпучих тел, ее размеры колебались в Аравии от 1 до 2,5 л. — А. В.). За два дня пиршества на свадьбе одного из сыновей Сауда гости съели 140 верблюдов и 1,3 тыс. овец³⁸.

Сумму расходов на табуны лошадей и все хозяйство эмира И. Буркхардт определяет в 10—12 тыс. ф. ст. в год³⁹.

Щедрое гостеприимство Сауда имело и другой смысл. Его многочисленные гости, как правило, не были бедняками. Редкий бедняк, особенно если он жил не в Неджде, мог оставить свою семью, скот, землю и отправиться в длительное путешествие в Дерийю. По большей части от щедрот дерийского правителя кормились состоятельные люди, знать. Да и пищу гостям давали разную: тем, кто познатнее, — получше (мясо, рис); тем, кто победнее, — похуже (финики и бургуль — вареную пшеничную крупу)⁴⁰.

Сауд владел многочисленными рабами. «Мужчин рабов у него было 500, а другой мне говорил 600, а другой — более тысячи, а также несколько сот рабынь. В конце рамадана Сауд появлялся в окружении 1300 слуг, рабов и сирот, живших во дворце»⁴¹, — пишет Ибн Бишр. По сравнению с массой полуголодного, нищего аравийского населения рабы эмира находились в привилегированном положении. Это была дворцовая гвардия, личная челядь правителя. Некоторые из них достигали высокого положения в государстве. Например, черный раб аль-Харк стал крупным полководцем, возглавлял ваххабитские войска в сражениях⁴². Многие из рабов получали свободу.

Двор Саудидов сохранял тем не менее, особенно на первых порах, простоту, или, выражаясь современным языком, «демократизм» нравов. Внешнее отделение пуб-

³⁶ Ibid., p. 130.

³⁷ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 170—171.

³⁸ J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, p. 131.

³⁹ Ibid., p. 130.

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 171.

⁴² J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, p. 169.

личной власти и феодального правителя от массы простых людей только начиналось. Еще не пролегли или не были проложены грани, пропасть между нравами, бытом, поведением, обращением друг к другу простых людей и дерийской правящей верхушки. По внешним признакам дерийский правитель сохранял некоторое сходство с шейхом кочевого племени.

Самые простые бедуины обращались к нему без церемоний: «О Сауд», «О отец Абдаллаха», «О Усатый» («Абу Шавариб») ⁴³.

Л. Корансез писал о «простоте и грубости нравов» при дворе дерийского правителя ⁴⁴. Сауд был общедоступен. Любой приезжий мог рассчитывать на его гостеприимство. Правитель лично разбирал жалобы своих подданных. Его суд носил патриархальные черты. И. Буркхардт пишет, что Сауд сам иногда избивал лгуна, но потом долго жалел об этом и всегда просил окружающих сдерживать его гнев ⁴⁵.

Жители Дерии часто собирались для занятий богословием, на которые являлись все знатные люди, сыновья Ибн Абд аль-Ваххаба, сыновья и родственники Сауда. Приходил и правитель в окружении великолепной свиты из черных рабов, вооруженных дорогими саблями в золоте и серебре. «И он был среди них, как луна в разрыве облаков». Люди поднимались с земли при его приближении, чтобы их не затоптали рабы правителя, и освобождали ему дорогу. Он приветствовал всех, садился близ Абдаллаха, сына шейха, и тот начинал упражнения в богословии. Это было массовое «учение» знатных и незнатных жителей Дерии. Оно спланировало, дисциплинировало ваххабитов, укрепляло авторитет правителя. Во время «урока» Сауд беседовал с богословами и знатью. Потом он шел во дворец и до полудня принимал посетителей, выслушивал их жалобы. Отдохнув некоторое время, Сауд беседовал со своими приближенными и занимался богословием. Затем снова принимал посетителей. Рядом с ним сидел писец и записывал его указания. Это продолжалось примерно два часа. Далее правитель диктовал ответы на письма, снова занимался бо-

---

⁴³ Ibid., p. 128.

⁴⁴ [L. A. Corancez], *Histoire des wahabis...*, pp. 21—23.

⁴⁵ J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, p. 126.

гословием, молился вместе с родственниками и знатными людьми.

Сауд постоянно ходил с охраной. Когда он молился во дворцовой мечети, его охраняли двое рабов, когда же выходил на молитву вместе с народом, то его сопровождали шесть рабов с мечами: двое становились перед ним, двое — сзади и двое — за вторым рядом молящихся⁴⁶. Эти меры предосторожности, видимо, были приняты после убийства в мечети его отца Абд аль-Азиза.

Этот распорядок дня Сауда в общих чертах подтверждает и И. Буркхардт⁴⁷.

Обращает на себя внимание большое значение теологических упражнений в жизни дерийских правителей. Все их шаги и действия пронизывала и освящала религия, обновленная Ибн Абд аль-Ваххабом. Занятие богословием было почетным делом. Знатные богословы стояли на высших ступенях социальной лестницы, рядом с аристократией.

Летописец также отмечает простоту Саудидов, их общедоступность и близость к народу. Из приведенного отрывка Ибн Бишра тем не менее можно сделать вывод, что при дворе Саудидов развивался особый церемониал — внешнее отделение знати от народа, воздействие на простой люд при помощи внешних, показных действий, пышности и великолепия свиты, слуг, особой манеры держаться и т. п. Постоянная охрана при личности дерийского правителя была естественной мерой предосторожности, но она имела также и другую сторону — способствовала физическому отделению эмира от массы населения.

Ж. Раймон, знакомый с придворной жизнью Дерии лишь по рассказам очевидцев, сообщает, что Сауд «стремился к блеску и помпе... Если он так выделяется своею роскошью во дворце, он еще более заметен, когда выходит из него; он производит впечатление многочисленной свитой, которая требует почета повсюду, где он проходит»⁴⁸.

Процесс создания придворного церемониала мог происходить и, вероятно, происходил ненамеренно. У арабских правителей было слишком много примеров. Тра-

⁴⁶ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 168—170.

⁴⁷ J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, p. 125.

⁴⁸ J. Raymond, *Les wahabys...*, p. 26.

диции стран Ближнего Востока и, в частности, Османской империи представляли многочисленные образцы для копирования. Перед некоторыми из них Саудиды не могли устоять.

Государственные расходы помимо двора эмира. Одним из способов перераспределения полученных богатств внутри правящего класса были подарки, которые дерийские правители делали своей знати как натурой (породистые лошади, оружие, скот), так и в виде денежных подношений. И. Буркхардт пишет, что дерийский правитель дарил кочевым шейхам от 50 до 300 талеров⁴⁹. Ибн Бишр сообщает, что дерийский правитель «щедро одаривал своих подданных, которые приходили к нему по делам, и эмиров...»⁵⁰.

Дополнительный свет на характер расходов в ваххабитском государстве проливают данные о местных, провинциальных бюджетах. И. Буркхардт, экономическая информация которого отличается аккуратностью, довольно подробно останавливается на этом вопросе. Правда, в его замечаниях опять-таки проглядывает подсознательное желание слишком уж упорядочить еще не сложившийся механизм ваххабитского государства, приписать дерийским правителям четкую финансовую политику, которую они вряд ли проводили.

Он пишет: «Все доходы, за исключением закята с бедуинов, поступают в государственную казну, или бейт аль-маль. Каждый город или сколько-нибудь значительная деревня имеет местную казну, куда население платит свою долю. При казне есть писец, или клерк, посланный ваххабитским вождем с приказанием не допускать, чтобы местный шейх совершал какие-либо злоупотребления с деньгами. Шейхам не позволено ни собирать деньги, ни распоряжаться собранными средствами.

Эти фонды предназначаются для общественных служб и делятся на четыре части. Четвертую часть посылают в центральную казну, в Дерийю. Четвертая часть предназначена для облегчения положения бедняков в районе бейт аль-маль. Она расходует на богословов, которые должны составлять учеников, и судей, на ремонт мечетей, на содержание общественных колодцев... Полови-

⁴⁹ J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, p. 158.

⁵⁰ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 127.

на — на бедных солдат, которых снабжают в поход продовольствием, а в случае необходимости — верблюдом, а также на гостей.

Деньги, предназначенные для гостей, передаются в руки шейхов, которые содержат что-то вроде постоянных дворов, где все гости могут останавливаться и питаться бесплатно. На эти цели идут также натуральные налоги»⁵¹.

Приведенный отрывок не дает ответа на многие вопросы. Остается неясным, пополняется ли местная казна за счет части закята или же путем дополнительных налогов? Участвует ли центральная казна в местных расходах? Далее И. Буркхардт пишет, что центр возмещал потери от стихийных бедствий и вражеских набегов⁵². Но было ли это единственным примером участия центральной казны в местных расходах или же практиковалось постоянно — неизвестно.

Другое деление местного бюджета на примере Хасы приводит Ибн Бишр: «А что он (дерийский правитель. — А. В.) получает из бейт аль-маль Хасы, то делится на три части: треть он предназначает для своих пограничных районов и крепостей (сугур) и для довольствия их населения и гарнизона, треть — это довольствие для его конницы, его людей, его помощников и для всего, что [нужно] для его дворца, домов его сыновей, домов семьи шейха и других в Дерийе, треть продается за деньги и остается у его доверенных лиц для подарков и денежных перечислений... И после этого получают 80 тыс. риалов для Дерийи»⁵³.

Средства на местах, таким образом, распределялись по нескольким основным каналам. Главная часть шла на военные цели — в виде обеспечения неимущих солдат, провианта и жалования гарнизонам, содержания конницы (т. е. вооруженной знати). Вторая важнейшая статья расходов — подарки местной знати, которая держала в своих руках ключевые посты в нарождающейся администрации и распоряжалась частью расходов, несомненно не без выгоды для себя. Траты на «бедняков» покрывали содержание богословов и судей всех рангов.

⁵¹ J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, pp. 155—157.

⁵² Ibid., p. 157.

⁵³ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 173.

Расходы дерийских правителей на чисто благотворительные цели заслуживают особого рассмотрения.

Благотворительность. Ибн Бишр отмечает, что дерийский эмир Абд аль-Азиз «заботился о больных и бедных. Среди них были такие, кто писал ему письма от себя, своей матери, жены, сына и дочери — от каждого по одному письму. А он (Абд аль-Азиз) выписывал на каждое письмо дар. И такому человеку по этой причине приходит 20 риалов, или больше, или меньше. Когда умирал такой человек из какой-либо области Неджда, то его дети приходили к Абд аль-Азизу или его сыну и просили быть заменой [умершего] родителя. Он их щедро одаривал, а может быть, назначал им жалованье (ратиб) из канцелярии (дивана). Каждый год и в любое время он давал населению оазисов и деревень большие милостыни — около тысячи риалов, или больше, или меньше. Он спрашивал о больных и сиротах в Дерийе и в других местах и приказывал одаривать их...

Сообщил мне писец, что Абд аль-Азиза одолела однажды головная боль. Он позвал его к себе и сказал: „Пиши о милостыне для населения [разных] мест“, — и продиктовал ему: „Народу Манфухи — 500 риалов, Аяйны — столько же, Хураймили — 700, Махмалья — 1100 и всем другим областям Неджда вроде этого“. Сказал он (писец): „Стоимость [его милостыни] — 90 тысяч риалов“.

Однажды к нему пришло 25 нош риалов. Он проходил мимо них, а они лежали. Он уколол их своей саблей и сказал: „Господь дал мне власть над ними, но не дал им власть надо мной!“⁵⁴. И он начал распределять их»⁵⁴.

Ибн Ганнам описывает страшный голод в Неджде в середине 80-х годов XVIII в., когда цены на продукты питания невиданно поднялись, когда умирали мужчины, женщины, не говоря уже о стариках и детях. Люди падали от голода во время молитвы. Голод длился несколько лет. Тогда Абд аль-Азиз начал давать пищу вдовам, сиротам и слабым⁵⁵.

Так государство Саудидов на практике осуществляло одно из самых гениальных изобретений (или скорее приобретений) ислама — благотворительность. Служившая

---

⁵⁴ Там же, стр. 127—128.

⁵⁵ Ибн Ганнам, ч. 2, стр. 119.

верным пропуском в рай для дающих, она хотя бы на время предохраняла их на этом свете от проявлений классового недовольства бедняков, от их восстаний и бунтов. С одной стороны, благотворительность идеологически обезоруживает неимущих, прививает им мысль, что не решительной борьбой, а милостыней богатых и знатных они могут облегчить свою участь, спастись от голода и лишений.

С другой стороны, благотворительность Саудидов играла не менее важную политическую роль: за счет окраин экономическое положение, материальное благополучие жителей центральных провинций ваххабитского государства несколько улучшалось, что укрепляло их преданность дерийским правителям. Часть сумм, идущих на благотворительные цели, несомненно попадала в руки местной аристократии или же служила ей косвенным образом, снимая необходимость самой жертвовать слишком много на своих бедняков.

Так укреплялась преданность местной аристократии и простого населения центральных областей ваххабизму и Саудидам.

В данном случае, если вернуться к отрывку Ибн Бишра, обращает на себя внимание еще один факт: сумма в 90 тыс. риалов, выделенная на благотворительные нужды, все-таки очень незначительна по сравнению с богатствами, стекавшимися в дерийскую казну.

Ваххабитские богословы и дерийские правители вряд ли всегда сознательно использовали благотворительность в политических целях. Возможно, они были честными и искренними людьми по моральным нормам тогдашнего арабийского общества и искренне стремились облегчить участь своих подданных. Благотворительность в ваххабитском государстве была в некотором роде также трансформацией, отражением прежней патриархально-племенной солидарности перед лицом всяческих бедствий. На эту сторону прежде всего обращают внимание следующие «проваххабитские» авторы. Но для исторического исследования представляют интерес не личные чувства того или иного деятеля, а их классовый, социальный, политический смысл, подспудное содержание его действий. Социально-политическое же значение благотворительности в ваххабитском государстве достаточно очевидно.

Политическая структура государства и организация власти.

Государство Саудидов не было монолитным. Оно представляло собой федерацию или даже конфедерацию различных провинций и кочевых племен, объединенных силой оружия под знаменем обновленной религии. Все они в различной степени зависели от Дерийи. Отношения между Дерийей и присоединенными областями в ваххабитском государстве находились в процессе изменения и развития.

Ибн Ганнам сообщает, что при присоединении к ваххабитам племена или оазисы давали обязательство Ибн Абд аль-Ваххабу и Ибн Сауду вести священную войну (джихад) против «многобожников» (т. е. неваххабитов) и оказывать помощь ваххабитам⁵⁶. Далее он пишет, что когда жители Хармы и Маджмаа присоединились к ваххабитам, то они послали делегацию к шейху и Абд аль-Азизу, выражая желание «принять ислам» и выполнять все обязательства, но просили при этом разрешения не принимать участия в джихаде (войне с целью грабежа) в течение двух лет⁵⁷. Присоединившиеся обязались выполнять все положения ислама, в том числе выплачивать закят.

Что означали подобные соглашения? Прежде всего это были военные наступательные союзы, при которых сторона, присоединившаяся к ваххабитам, обязывалась вести военные действия против неваххабитов. Это главное. Недаром отсрочка на два года от участия в джихаде рассматривалась в порядке исключения.

Союз с ваххабитами обязывал племена и оазисы платить постоянный налог в центральную казну.

Союз между ваххабитами и присоединившимися к ним племенами и оазисами не был равноправным. Он существенно ограничивал независимость союзников Дерийи, хотя и не лишал их известной самостоятельности.

В 1865 г. английский агент Л. Пелли посетил возрожденное после египетского разгрома ваххабитское государство с новой столицей — Риядом. Он отметил различные формы зависимости от Рияда присоединенных или присоединившихся к ваххабитам племен. С некоторой ос-

---

⁵⁶ Там же, стр. 9.

⁵⁷ Там же, стр. 90.

торожностью можно допустить, что подобное положение существовало и в первом ваххабитском государстве.

Одни племена прямо входили в «конфедерацию», платили налог, являлись на военную службу и несли различные повинности. Другие могли пасти скот в Неджде и на его окраинах, но если они подвергались нападению третьих племен, то ваххабиты не вмешивались. Следующую группу составляли племена, обязавшиеся не нападать на племена риядского эмира в обмен на такое же обязательство со стороны последних. Наконец, в четвертой группе были племена, не подчинявшиеся власти риядского эмира, но платившие ему дань⁵⁸.

С расширением и усилением ваххабитского государства в XVIII в. почти вся Центральная Аравия уже оказалась в непосредственном подчинении дома Саудилов. Окраинные области находились, однако, в той же степени зависимости от Дерийи, как это описано Ибн Ганнамом, а для возрожденного ваххабитского государства — Л. Пелли.

Центральная власть принимала меры для ослабления местнических тенденций, для отмены старых племенных обычаев разрешать споры, стремилась сгладить местные противоречия в рамках единого государства. Яркий пример политики такого рода приводит Ибн Бишр. Он сообщает, что в присутствии Сауда поссорились вожди двух могущественных племен: Фейсал ибн Ватбан ад-Давиш — шейх мутайр и аль-Хумайд ибн Абдаллах ибн Хазаль — аназский вождь. Эти племена издавна враждовали между собой, и спор их вождей грозил принять характер военного столкновения. Но Сауд поспешил примирить поссорившихся, унять старую вражду и призвал их соблюдать порядок и единство во имя общей цели — джихада⁵⁹. И. Буркхардт также сообщает о том, что в ваххабитском государстве межплеменные ссоры разрешались самим дерийским правителем. Он сурово наказывал их зачинщиков⁶⁰.

Саудида использовали в качестве своей опоры и союзника присоединившуюся к ним часть местной аристократии. В племенах и оазисах у власти иногда оста-

⁵⁸ L. Pelly, *A visit...*, p. 187.

⁵⁹ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 172.

⁶⁰ J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, pp. 138—
9.

вались прежние эмиры и шейхи. Но по мере расширения ваххабитского государства и усиления центральной власти Саудиды все чаще стали заменять местных правителей теми представителями соперничавшего с ними рода или семьи, у которых в прежние времена не было надежды подняться наверх. Эти вновь назначенные шейхи и эмиры, обязанные своим положением ваххабитам, были более послушны Дерийе, чем прежняя аристократия, издавна стоявшая у кормила власти.

Такие назначения осуществлялись различными способами. Перед взятием оазиса Ауда в Судайре один ваххабит, принадлежавший к местной знати, попросил Абд аль-Азиза сделать его эмиром оазиса, если он войдет в него в числе первых атакующих воинов. Его просьба была удовлетворена⁶¹. Победитель Бурайды Абдаллах ибн Хасан был назначен эмиром всего Касыма⁶². В Дурме местный эмир казнил трех знатных людей и захватил их имущество. Против него восстали жители; они убили эмира и членов его семьи. Ваххабиты, которых они призвали на помощь, предоставили им право выбрать нового правителя по своему усмотрению⁶³.

Дерийские эмиры назначали на высшие посты и просто чужаков, не имевших местных корней⁶⁴.

«Ваххабиты посчитали необходимым сменить почти всех шейхов в присоединенных племенах. Не оставляя власти в руках семьи шейха, они передавали власть соперничающей знатной семье. Мухаммед Али, заняв Хиджаз, восстановил в правах местных шейхов, создав тем самым оплот против ваххабитов»⁶⁵, — сообщает И. Буркхардт.

В качестве меры обеспечения верности племен и оазисов центральной власти Саудиды прибегали к испытанной практике завоевателей — брали заложников. Иногда после присяги на верность, принесенной каким-либо оазисом или подразделением племени, нескольких представителей знати брали в качестве заложников⁶⁶. Отдель-

---

⁶¹ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 51.

⁶² Ибн Ганнам, ч. 2, стр. 94.

⁶³ F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, p. 453.

⁶⁴ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 131; Ибн Ганнам, ч. 2, стр. 102.

⁶⁵ J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 1, pp. 287—288.

⁶⁶ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 67, 130.

ные непокорные шейхи постоянно жили в Дерийе, а на их место направляли людей, послушных центральной власти. Чтобы ослабить боевую мощь и организованность бедуинов, в Дерийе держали также часть военачальников племен (акыдов)⁶⁷.

Таким образом, на местах менялся сам характер власти: вместо прежних формально и фактически независимых шейхов и эмиров появились полузависимые вассалы дерийского правителя или же его прямые ставленники. Менялись некоторые функции шейхов кочевых племен; патриархальные черты правления все больше уступали место классовым.

И. Буркхардт пишет: «Крупные бедуинские шейхи... получают от ваххабитского вождя почетный титул эмира эмиров. Власть этих эмиров над арабами очень ограничена, она ненамного превышает ту власть, которой обладает независимый бедуинский шейх, за исключением того, что он может навязать подчинение закону, заключив в тюрьму нарушившего закон или оштрафовав его за непослушание»⁶⁸.

Именно это «ненамного» и представляет собой важнейшую деталь, отличающую шейха в саудидском государстве от шейха доваххабитского времени: укрепление публичной власти (тюрьма, штраф), отделение публичной власти от массы кочевников. Этот процесс проходил на основе военной силы централизованного государства.

Губернаторы провинций — вассалы Саудидов — начинают выполнять также административные функции в системе централизованного государства. Они собирают войска, помогают сборщикам налогов. Их власть ограничивают присланные из центра судьи⁶⁹.

Как уже отмечалось, для дальнейшего усиления авторитета центральной власти и дома Саудидов Абд аль-Азиз ибн Сауд и Ибн Абд аль-Ваххаб решились на шаг, который в определенной мере противоречил традициям и обычаям Аравии той эпохи: они заставили всех ваххабитов присягнуть на верность Сауду ибн Абд аль-Азизу как наследнику престола⁷⁰. Наследование по прямой ли-

---

⁶⁷ J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, p. 172.

⁶⁸ Ibid., pp. 132—133.

⁶⁹ Ibid.

⁷⁰ Ибн Ганнам, ч. 2, стр. 137; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 83.

нии, которое сохранялось вплоть до гибели первого ваххабитского государства, укрепляло дом Саудидов.

Власть дерийских правителей, каким бы авторитетом она ни пользовалась, все же отличалась от классических форм восточной деспотии.

В основном все важнейшие дела решались эмирами Дерийи после совещания с Ибн Абд аль-Ваххабом, его детьми и внуками, богословами, знатью племен и оазисов, членами семьи Саудидов.

Ибн Ганнам сообщает, что, когда Сауд возвратился с победой из Хасы, «он направился к своему отцу, народу и детям и начал свой совет с отцом и лучшими из подданных»⁷¹. Еще более определенно об этом говорит Ибн Бишр: «Если для него (Сауда) было важным какое-либо дело и он хотел выяснить мнение [своих приближенных], он посылал за своими знатными людьми из вождей кочевников и узнавал их мнение. А когда он узнавал их мнение и они уходили от него, он посылал за своими знатными людьми и мудрыми людьми из Дерийи и узнавал их мнение. Когда они выходили от него, он посылал за сыновьями шейха и богословами из Дерийи и советовался с ними. И его мнение склонялось к их мнению, и он открывал им, какое у него мнение»⁷².

«Во время войны, — пишет И. Буркхардт, — правители и шейхи больших бедуинских племен составляют совет; в мирное время Сауд совещается лишь с дерийскими богословами. Они принадлежат в основном к семье [Ибн] Абд аль-Ваххаба, основателя секты»⁷³.

Подробных данных об организации центральной власти и осуществлении руководства страной в первом саудидском государстве не сохранилось. Неизвестно, были ли при дерийских правителях постоянный совет из верхушки знати или нет. Ваххабитские летописцы говорят о наличии центральной канцелярии (дивана) при эмире, не определяя ее функций. Во всяком случае, какие-то центральные ведомства существовали. Поэтому сообщение Рейно, будто дерийский правитель вершил всеми государственными делами с помощью лишь одного писца⁷⁴, вызывает сомнения.

⁷¹ Ибн Ганнам, ч. 2, стр. 185.

⁷² Ибн Бишр, ч. 1, стр. 166.

⁷³ J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, p. 133.

⁷⁴ [Reinaud], *Auszug aus dem Briefe...*, S. 241.

Через семейство Саудидов складывавшийся феодальный класс Аравии осуществлял свое господство, проводил в жизнь такую политику, которая соответствовала интересам аристократии в целом, без региональных различий, — грабительские войны, эксплуатацию трудящихся. И. Буркхардт считал, что ваххабитское правление — это «аристократия, во главе которой стоит семья Сауда... Он (Сауд) на деле находится под контролем своих губернаторов, людей с большим влиянием в соответствующих провинциях, которые объявили бы себя независимыми, если бы он обращался с ними несправедливо»⁷⁵.

Мнение И. Буркхардта можно принять лишь частично, согласившись с фактом взаимозависимости дерийских правителей и аристократии в целом. Но авторитет и влияние Саудидов держались не только на «справедливом обращении». Они покоились прежде всего на реальной военной силе, на постоянно совершенствовавшемся государственном аппарате, на умелом манипулировании местными шейхами и эмирами, на идеологическом влиянии ваххабитской доктрины.

Богословы и судьи. Мощную поддержку централизованной политике дерийских правителей оказывали ваххабитские богословы. Уже приводился пример их постоянного широкого участия в важнейших государственных делах. Непререкаемым авторитетом пользовался основатель секты Ибн Абд аль-Ваххаб. В первые годы его союза с Мухаммедом ибн Саудом он предавался не только богословским упражнениям. Ибн Абд аль-Ваххаб снаряжал армии, занимался внутренними и внешними делами, переписывался с богословами Аравии, пропагандировал свое учение и призывал соблюдать верность дерийскому эмиру⁷⁶. Он принимал активнейшее участие в создании и руководстве ваххабитским государством в первые годы его существования. Проповедь вероучителя дисциплинировала ваххабитов, сплачивала их вокруг эмира, разжигала фанатизм. Он принимал участие в дележе военной добычи: Абд аль-Азиз всегда распределял ее после совета с ним.

Репутация Ибн Абд аль-Ваххаба была безупречной, так как при дележе добычи он не оставлял себе ни од-

⁷⁵ J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, pp. 131, 134.

⁷⁶ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 91.

ного дирхема. После взятия Рияда — главного противника Дерийи в Неджде — Ибн Абд аль-Ваххаб отошел от государственных дел, передал надзор за бейт аль-маль Абд аль-Азизу и посвятил всего себя делам религии, учения и пропаганды⁷⁷. (Потомки шейха писали богословские труды в духе его учения, комментировали его сочинения⁷⁸. Так создавалась школа ваххабитских богословов, уцелевшая и после египетского нашествия и давшая готовые кадры для кратковременного ваххабитского возрождения в середине XIX в.).

Бескорыстие богословов несомненно было лишь кажущимся. Ибн Бишр пишет, что дерийский правитель «щедро одаривал... судей, богословов, учащихся и знатоков Корана, муэдзинов и имамов мечетей». После завершения учения юноши получали солидные «премии»⁷⁹. Ученики сыновей Ибн Абд аль-Ваххаба находились на содержании бейт аль-маль⁸⁰. Расходы на мечети и служителей мусульманского культа, естественно, попадали в графу самых праведных расходов казны. Ф. Манжен сообщает, что в государстве Саудидов «мечети содержатся на часть десятины и на доходы с вакфов, которые им предназначены. Ими управляет администратор, назначенный богословами»⁸¹. К сожалению, других данных, подтверждающих наличие вакфного имущества в Аравии, не обнаружено.

Во все важнейшие оазисы, города и племена из Дерийи посылались судьи (кади), богословы и имамы, занимавшие главные духовные должности. Их задачей было проводить идеологическую обработку населения, искоренять приверженцев других воззрений, силой навязывать свои принципы, возбуждать военный энтузиазм и преданность Дерийе.

Во многих оазисах были открыты школы. Богословы учили местных жителей основам грамоты и чтению Корана (т. е. несли с собой и элементы просвещения). И. Бур-

---

⁷⁷ Там же, стр. 15.

⁷⁸ Там же, стр. 93—94.

⁷⁹ Там же, стр. 127.

⁸⁰ Там же, стр. 92.

⁸¹ F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, p. 176. По сообщению «Блеска метеора...» (стр. 111, 267), Ибн Абд аль-Ваххаб и его семейство имели крупную земельную собственность и помимо этого получали еще огромные доходы из государственной казны.

Буркхардт пишет, что в Дерийе у богословов были собраны значительные библиотеки. В них хранилось много исторических трудов. Сауд также имел большую библиотеку⁸².

Судебная власть на местах передавалась присланным из центра судьям. Можно предположить, что строгого разделения функций между служителями культа и судьями не было. В важнейших центрах эти посты занимали потомки Ибн Абд аль-Ваххаба — элита, независимая от местных правителей, получавшая «заработную плату» и подарки от саудидского государства. Ваххабитские судьи вершили суд, руководствуясь Кораном и сунной⁸³. Такая судебная система гораздо успешнее прививалась в оазисах с их относительно развитым классовым расхождением.

Что касается бедуинов, то мусульманское право находило мало применения в их среде⁸⁴. Ваххабитская судебная система вступила в острый конфликт с обычным правом бедуинов. Есть основания предполагать, что победа была за обычным правом, хотя усиление классовых функций аристократии в кочевых племенах расширяло возможности для использования мусульманского права.

Судебное преследование и наказание преступников в ваххабитском государстве также претерпели некоторые изменения. Вору при определенных обстоятельствах отрубали руку или штрафовали⁸⁵. Целью этого могла быть только защита и укрепление частной собственности. (Стоит вспомнить, что у бедуинов газу во всех видах — почетное занятие).

Так же как и во времена пророка Мухаммеда, ваххабиты стремились ликвидировать институт кровной мести. За убийство полагалось выплатить 100 верблюдов или 800 талеров. (И. Буркхардт, приводя эти данные, не уточняет, была ли эта норма общей для всех областей Аравии). Саудидам удалось лишь несколько сузить действие обычаев кровной мести, но не уничтожить их.

---

⁸² J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 1, pp. 249—250.

⁸³ Ibid., vol. 2, p. 136. В числе представителей центральной власти на местах в государстве Саудинов автор «Блеска метеора...» (стр. 105—106) помимо эмира, кади, муфтия, «доверенных лиц» — сборщиков налогов называет и мухтасиба.

⁸⁴ J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 1, pp. 379—380.

⁸⁵ Ibid., vol. 2, p. 145.

Ваххабиты старались сократить количество разводов. Стремление к упрочению семьи в ваххабитском государстве, очевидно, также вызывалось укреплением частной собственности и необходимостью упорядочить систему наследования.

Ваххабиты не признавали обычая защиты, покровительства, предоставленного преступнику отдельными членами племен. Судебная власть находилась в руках назначаемых государством судей, и никто не должен был препятствовать осуществлению правосудия.

Постоянным предметом внимания судей было нарушение предписаний ваххабитского культа, оскорбление религиозных чувств ваххабитов. За малейшие отклонения от нормы виновных сурово наказывали⁸⁶.

Можно отметить определенное положительное воздействие политики дерийских правителей на экономическую жизнь Аравии, объединенной под их эгидой.

Экономика, торговля (положительные аспекты централизации). Впервые за много веков Аравия, в особенности ее центральные районы, приобрела, хотя бы на время, внутреннюю стабильность. Ваххабитские власти принимали беспощадные меры для установления безопасности на дорогах, ограждения внутренней торговли от грабежей, для защиты собственности. Басрийский летописец Ибн Санад пишет, что ваххабиты так много внимания уделяли безопасности на дорогах, что это стало чуть ли не одной из основных заповедей их религии⁸⁷.

Все путешественники, аравийские и другие летописцы сходятся во мнении, что при помощи штрафов и наказаний дерийские эмиры установили исключительную безопасность на дорогах и в целом по стране. Ибн Бишр сообщает, что «Абд аль-Азиз был суров к тем из кочевников, кто совершал преступление, или разбойничал на дорогах, или воровал что-либо у путника. Если кто-либо поступал так, он забирал его имущество, или часть, или что-либо из имущества в соответствии с его преступлением и строго наказывал его»⁸⁸.

Один иранский паломник, как рассказывает недждийский летописец, остановился недалеко от бедуинов субай.

---

⁸⁶ Ibid., pp. 137, 139—140, 145—148.

⁸⁷ Ибн Санад, *Тарих Багдад*, стр. 31.

⁸⁸ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 125.

У него украли сумку с мелкими вещами стоимостью 10 пиастров. Потерпевший написал жалобу Абд аль-Азизу. Дерийский правитель приказал вождям племени выслать деньги паломнику, который к тому времени уже вернулся в Иран. Мало того, правитель призвал вождей племени и сказал: «Если вы не назовете мне вора, я закую вас в цепи, посажу в тюрьму и возьму в наказание часть вашего имущества». Вожди обещали вернуть паломнику его имущество в двойном размере. Но Абд аль-Азиз настоял на отыскании преступника. Вора нашли, продали его имущество (70 верблюдиц), конфисковали выручку в бейт аль-маль, а сумку отослали паломнику в Иран.

По рассказу судьи Османа ибн Мансура, переданному Ибн Бишром, уважение к чужой собственности и боязнь наказания за воровство приняли необычайные размеры. Однажды группа бедуинов нашла заблудившихся коз неизвестного хозяина. Они не решились заколоть их, хотя были голодными⁸⁹.

Из первого рассказа Ибн Бишра становится очевидным, что дерийские правители ввели систему круговой поруки племен за безопасность на их территории. Об этом же пишет И. Буркхардт⁹⁰. Ваххабиты ликвидировали также «законные» поборы, накладывавшиеся раньше вождями племен за «охрану», «сопровождение» и проход караванов по территории, на которой проживало племя.

Купцы и путешественники «не боятся ни нападения, ни воровства со стороны кого-либо из бедуинов, живущих в этой стране, — пишет Ибн Бишр. — С них не берут никаких налогов и сборов, которыми облагаются паломники. Были отменены поборы и налоги на дорогах, проходящих через районы, где живут кочевники, возродившие [ранее] порядки джахилийи. Выезжает всадник в одиночку из Йемена или Тихамы, Хиджаза или Басры, Бахрейна или Омана или из пустынь Сирии и не несет оружия. Его оружие — палка. Он не опасается происков врагов, кто хотел бы сделать ему плохое⁹¹.

И подданные и селения в его (Абд аль-Азиза) время

---

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, p. 137.

⁹¹ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 126.

были в безопасности, наслаждались благополучной жизнью. И он действительно достоин титула махди своего времени, потому что человек в одиночку путешествует с большими деньгами в любое время, когда захочет, летом или зимою, направо и налево, на восток или на запад, в Неджде, Хиджазе, Йемене, Тихаме и других местах. Он не боится никого, кроме бога, — ни вора, ни лихого человека»⁹².

Ибн Бишр приводит пример, когда несколько сборщиков налогов возвращались с пятой частью добычи, предназначенной для эмира (хумс), и закятom из отдаленных местностей. На стоянке они прикрепляли дорожные сумки с деньгами к палаткам, а ночью привязывали их к лошадям, не боясь вора и никого другого.

От установления безопасности и стабильности выигрывало оседлое население, жители оазисов и городов. Прекратились набеги на их пальмовые рощи и поля⁹³. Раньше кочевники собирали хуву, опираясь на военное насилие или угрозу его применения. В условиях централизованного государства и это в значительной мере затруднялось, создавались предпосылки для ликвидации даннических отношений «побратимства». Трудно сказать, насколько далеко зашли подобные тенденции. Говорить о полном прекращении набегов было бы неверно, но несомненно, что впервые за долгие века земледельцы с большей или меньшей безопасностью могли трудиться на земле, пасти скот, не опасаясь почти верного разбойничьего нападения.

Ибн Бишр пишет:

«Жители всех оазисов Арида, Харджа, Касыма, Вашма, Джануба и других мест в весенние дни оставляли без пастуха свой скот в степях и на пастбищах — верблюдов, породистых лошадей, коров, овец и других животных. Если животные хотели пить, они приходили к оазисам, затем отправлялись на свои пастбища, пока не кончалась весна и жители не нуждались в них. А может быть, они производили потомство, и люди не знали об этом, пока животные не приходили к ним со своими детенышами. Исключением были породистые лошади. Для

---

⁹² Там же, стр. 124.

⁹³ J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, p. 143.

них нанимали специального человека, чтобы он их поил и стреноживал.

Жители Судайра оставляют весной своих верблюдов, породистых и [простых] лошадей [на пастбищах...], они нанимают одного человека, который их поит, посещает их хозяев, возвращается к животным, а они на своих местах. Он поправляет их путы и оковы, затем уходит от них. Так же породистые и [простые] лошади жителей Вашма на своих пастбищах... И так же обращаются с ними. То же и лошади Абд аль-Азиза, его сыновей и его родичей на различных пастбищах. Для них нанимают лишь одного человека. Так же поступают все районы...

В Дерийе было пастбище для многочисленных верблюдов. Оно предназначалось для заблудившихся верблюдов, которых нашли в одиночку или группами. И кто из бедуинов или оседлых из всех стран полуострова находил их, то прибывал с ними в Дерийю, опасаясь, что их обнаружат у него... Абд аль-Азиз приставил к ним одного человека... который следил за ними и нанимал пастухов. Эти верблюды размножались здесь. И любой из кочевников и оседлых, у кого пропали верблюды, приходил сюда. Если он опознавал свою собственность, то приводил двух свидетелей или же свидетеля и давал клятву, потом забирал верблюдов»⁹⁴.

Экономическая действительность первого ваххабитского государства была, конечно, далека от той идиллической картины, которую нарисовал Ибн Бишр. Происходили и грабежи на дорогах (иначе, кого же тогда наказывали дерийские правители?), и нападения на сады и поля оседлых жителей, и частые восстания кочевых племен и оазисов.

Хиджазский историк Ибн Зайни Дахлан описывает грабежи на дорогах в то время, когда ваххабиты постепенно прибирали к рукам контроль над Хиджазом, а эмиром в Мекке сидел послушный им шериф Абд аль-Муин⁹⁵.

Мероприятия ваххабитов, направленные на установление безопасности на дорогах, ликвидацию внутренних «таможенных» сборов, защиту собственности, созда-

---

⁹⁴ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 124—126.

⁹⁵ Ахмед Дахлан, *Хуласат аль-калям*, стр. 279—280.

вали благоприятные возможности для внутриаравийской торговли. Обмен в этом обществе, где преобладали кочевники, был и так значительно развит. Теперь он получил дополнительный стимул.

(Однако нужно подчеркнуть, что речь идет именно о внутренней торговле. Политика ваххабитов в области внешней торговли, которая для отдельных районов Аравии имела первостепенное значение, была разрушительной и реакционной).

На торговле, особенно в голодные годы, когда цены резко возрастали, наживались огромные по аравийским масштабам состояния.

«В Неджде торговали главным образом продовольствием, — пишет И. Буркхардт. (Эти данные подтверждает Ф. Манжен⁹⁶). — Племена из глубины пустыни покупают то, в чем нуждаются. А так как часто случаются голодные годы, богатые люди скапливают большое количество зерна. Сауд никогда в это не вмешивался, и в годы нехватки продовольствия он позволял продавать его по назначенной ими цене, как бы это ни было тяжело для бедных. Он говорил, что Мухаммед никогда не запрещал получать с капитала любую возможную прибыль»⁹⁷. Впрочем, в соответствии с нормами раннего ислама ваххабиты запретили ростовщичество⁹⁸.

Развитие внутриаравийской торговли способствовало процветанию столицы ваххабитского государства — Деррийи. Ибн Бишр посетил ее при жизни Сауда и оставил описание города.

«Я увидел в ней большие богатства, множество людей, оружие, украшенное золотом и серебром, равного которому нет, породистых лошадей и оманских верблюдов, богатые одежды и другие признаки процветания, которые не поддаются описанию и подсчету. Я однажды наблюдал за ее сезонной ярмаркой, находясь на холме, расположенном в месте, известном под именем Батын. Это между ее западными домами, называемыми Турайфом, в которых живет семейство Саудилов, и восточными строениями, известными под именем Буджайри, а

⁹⁶ F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, p. 174.

⁹⁷ J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, pp. 149—150.

⁹⁸ Ibid., p. 150; F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, p. 452; Абд ар-Рахман ал-Джабарт, *Егунет под властью Мухаммада Али*, стр. 325—326.

они принадлежат сыновьям шейха. Я видел в одной стороне базар для мужчин, в другой — [базары] золота, серебра, оружия, верблюдов, овец и коз. Идет купля и продажа, берут и дают. И все это простирается насколько хватает глаз... И лишь слышны слова: „Продал!“ — „Купил!“. На западной и восточной сторонах расположены лавки. В них одежда, оружие, ткани...»⁹⁹.

И далее он пишет: «Мощь этого города, величие его зданий, энергичность его жителей, численность людей и богатств — неописуемы. Не охватывает знающий всего своим знанием. Если бы я отправился считать людей — а они снуют вперед и назад, табуны лошадей, и лучших верблюдов оманской породы, и грузы богатств разных родов, которые приходится на ее жителей и которые привозят им путешественники из их числа, а также жители других стран, то все это не вместились бы в книгу. Увидел бы я там чудесные чудеса.

Входящий на ее сезонную ярмарку обязательно увидит кого-нибудь из жителей разных стран — из Йемена, Тихамы, Хиджаза, Омана, Бахрейна, из сирийской пустыни и Египта, людей из их главных городов и других [людей] со всего света. Перечислять их всех было бы долго. Этот приходит сюда, этот уходит, а этот навсегда поселяется в ней.

Дома продавались в ней очень редко, и стоимость их была 7 тыс. риалов и 5 тыс. риалов. Низкий [плохой] дом стоил тысячу риалов, и все остальные вроде этого.

Размер месячной арендной платы за одну лавку был 45 риалов, а другие лавки сдавались по риалу в день, а иногда по полриала. Мне говорили, что когда приходит караван из Хадма, то арендная плата за лавку составляет 4 риала в день.

Один человек из местных жителей хотел расширить свой дом и благоустроить его. Он купил пальмы недалеко от своего дома, желая срубить их и использовать... Каждая пальма была по 40 риалов или по 50 риалов. Он срубил пальмы и [начал] благоустраивать дом...

Дрова и лес были там очень дорогими. Говорили, что стоимость ноши дров достигала 5—6 риалов, а цена локтя толстого дерева — риал...»¹⁰⁰.

---

⁹⁹ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 13.

¹⁰⁰ Там же, стр. 214.

Описание Ибн Бишра характеризует Дерийю как крупный торговый центр Аравии. Здесь скрещивались торговые пути со всего полуострова. Обильный приток награбленных богатств вызвал искусственный бум, большое скопление людей, дороговизну. В те времена отсутствовали еще необходимые экономические предпосылки для создания столь крупных поселений. Об этом лишний раз свидетельствуют и баснословные цены на дерево, пальмы, топливо. Но тем не менее безопасность на дорогах обеспечивала определенное, хотя бы временное, укрепление внутриаравийских экономических связей.

Об экономическом единстве говорить не приходится, оно не будет создано и 150 лет спустя. Центробежные тенденции в экономике, экономическая раздробленность в конечном счете оказались сильнее военных централизаторских усилий дерийских правителей и воздействия ваххабизма.

Экономические, политические и идеологические мероприятия по централизации ваххабитского государства привели к явлениям, невиданным в истории Центральной Аравии. Появились тенденции к созданию надплеменной общности. Это было столь поразительно, что ваххабитский историк восклицает с восхищением: «Мужчина сидит с убийцей своего отца и его братом, как с братьями»¹⁰¹. Ибн Санад отмечает, что ваххабиты уничтожили взаимные набеги, все бедуины, несмотря на свои различия, от Хадрамаута до Сирии стали как братья, дети одного человека... Во времена Ибн Сауда нравы бедуинов стали более гуманными. В некоторых областях можно было встретить палатку аназов, палатку атайбов, палатку харбов, и они жили мирно¹⁰². И если говорить о прогрессивной стороне ваххабизма, то в этом ее яркое проявление.

Однако главным инструментом политики централизации, сплочения разрозненных территорий и племен в рамках государства Саудидов оставалось войско. Пока оно было сильным и победоносным, существование ваххабитского государства было обеспечено.

Войско. Ваххабиты потрясли Османскую империю своими набегами. Поэтому не удивительно особое вни-

---

¹⁰¹ Там же, стр. 4.

¹⁰² Ибн Санад, *Тарих Багдад*, стр. 31.

мание к ваххабитскому войску, к источникам ваххабитского могущества, проявленное аравийскими летописцами, европейскими путешественниками и востоковедами. Они оставили довольно подробное описание войска, его структуры, формирования, организации, вооружения, способа ведения боевых действий.

За исключением нескольких сот избранных солдат, которых держали в Дерийе, ни Сауд, ни его отец никогда не имели регулярной армии, пишет И. Буркхардт¹⁰³. Он также сообщает, что все мужчины от 18 до 60 лет считались военнообязанными¹⁰⁴. Практически любой физически крепкий бедуин или житель оазиса представлял собой готового воина, обученного, выносливого, умелого.

Собираясь совершить набег, дерийский эмир посылал тонцов к вождям племен бедуинов и приказывал им прибыть в такой-то день к такому-то колодцу, сообщает Ибн Бишр. И никто не опаздывал к назначенному сроку, «ни низкий, ни знатный, ни из бедуинов Хиджаза, ни Ирака, ни Джануба, ни других мест». А если кто-либо опаздывал, то с него брали штраф. Специальные люди, посланные правителем, брали штраф в виде различного имущества, лошадей, верблюдов, били провинившихся и «мучили их разными пытками». И никто не осмеливался сказать им что-либо или заступиться за провинившегося, но «все были покорными и подчинялись»¹⁰⁵.

«Если надо было собираться на войну, Ибн Сауд созывал различные племена, по столько-то людей от каждого племени или деревни»¹⁰⁶, — пишет басрийский летописец Ибн Санад. Информации Ж. Раймона¹⁰⁷, Л. Корансеа¹⁰⁸, И. Буркхардта¹⁰⁹ подтверждают это сообщение.

«Когда султан ваххабитов нуждается в войсках, он пишет различным племенам и определяет число воинов,

---

¹⁰³ J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, p. 171.

¹⁰⁴ Ibid., p. 163.

¹⁰⁵ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 128. См. также: J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, p. 163.

¹⁰⁶ Ибн Санад, *Тарих Багдад*, стр. 32.

¹⁰⁷ J. Raymond, *Les wahabys...*, p. 9.

¹⁰⁸ [L. A. Corancez], *Histoire des wahabis...*, p. 44.

¹⁰⁹ J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 1, p. 105; vol. 2, p. 163.

которое они должны послать»¹¹⁰, — сообщает испанский путешественник Бадия-и-Леблих.

А вот данные Ф. Манжена: «Перед тем как начать военную кампанию, Сауд требовал, чтобы провинции предоставили ему [необходимый] контингент. Эмиры отдавали приказ тем, кто находился под их юрисдикцией. Знатный (нотабль) каждого города и каждой провинции сам вел вооруженных людей в место, которое ему было назначено. Он был их начальником и командовал ими все время, пока длилась война. В каждой провинции формировались отдельные отряды под началом своего эмира, при котором находились два писца и имам. Функция имама заключалась в том, чтобы отправлять молитвы в лагере, в то же время он был посредником в спорах, которые могли возникнуть. Но ему редко предоставлялась возможность осуществлять эту часть своей миссии»¹¹¹.

Самые большие племена Центральной Аравии — мутайр, аназа, хахтан — подчинялись приказам дерийских правителей, даже если они жили далеко от места военных действий¹¹². Правда, судя по описаниям набегов, в них в полной мере принимали участие, как правило, лишь близлежащие племена. Но небольшие подразделения всех прочих племен также в случае необходимости, видимо, входили в состав ваххабитского войска.

Призыв на войну, таким образом, был обязательным. От него нельзя было уклониться. В этом существенное отличие ваххабитского ополчения от прежних племенных союзов: тогда бедуины участвовали в газу, когда хотели и с кем хотели.

По сообщению И. Буркхардта¹¹³, обычно в войско посылали по одному от каждых десяти мужчин. Ибн Санад и другие авторы не называют точной нормы мобилизации.

Снабжение ваххабитского войска обеспечивалось самими воинами¹¹⁴. «Каждый воин нес с собой собственное вооружение, провиант и снаряжение, — пишет Ф. Ман-

---

¹¹⁰ Ali bey, *Travels*, vol. 2, p. 136.

¹¹¹ F. Mengin, *Histoire de l'Égypte...*, vol. 2, p. 177.

¹¹² Ибн Бишр, ч. 1, стр. 172.

¹¹³ J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 1, p. 105; [L. A. Corancez], *Histoire des wahabis...*, p. 13.

¹¹⁴ Ахмед Дахлан, *Хуласат аль-калям*, стр. 237.

жен. — Неимущим помогали в экипировке. Богатые снабжали необходимым его семью. Житель, которого эмир назначил к выступлению, мог предоставить воина взамен себя. Его он обеспечивал всем необходимым или же был обязан дать верблюда или лошадь. Пехотинец и всадник на верблюде не получали никакой оплаты. Коннику обеспечивали фураж для лошади и месячное содержание»¹¹⁵.

Бадия-и-Леблих пишет, что ополченцы «приходят в назначенный день с провизией, вооружением и снаряжением; султан никогда не думает дать им что-нибудь. Такова сила религиозных идей»¹¹⁶.

Провизия солдата, по данным И. Буркхардта, состояла из 100 фунтов муки, 50—60 фунтов фиников, 20 фунтов масла, мешка пшеницы или ячменя для верблюда и бурдюка с водой¹¹⁷.

Эти цифры несомненно корректировались в ту или иную сторону в зависимости от срока похода. На это прямо указывает Ибн Санад. По его сведениям, Сауд сам назначал, сколько скота или снаряжения должны были взять с собой воины, выступающие в поход. Но походы продолжительностью больше месяца он не любил проводить, чтобы не снабжать солдат дополнительным снаряжением и продовольствием. На срок до месяца воины обеспечивали себя всем необходимым самостоятельно, свыше месяца — какую-то долю выплачивал дерийский эмир¹¹⁸. Если же ополченцы являлись с плохим снаряжением, ваххабитский правитель отсылал их обратно, а потом наказывал направившие их оазисы или племена.

Запас провианта, взятый с собой воинами Саудидов, снимал заботу об их пропитании с ваххабитского государства, повышал автономность войска в походе. Но вместе с тем набор солдат и провианта для них тяжелым бременем ложился на плечи неимущей части населения. Они не могли, подобно богатым, откупиться от военной службы. И. Буркхардт сообщает, что довольно часто жители оазисов и члены племен просто уклонялись от уча-

---

¹¹⁵ F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, p. 177.

¹¹⁶ Ali bey, *Travels*, vol. 2, p. 136.

¹¹⁷ J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, p. 165.

¹¹⁸ Ибн Санад, *Тарих Багдад*, стр. 32.

ствия в походе¹¹⁹. Бедные семьи лишались рабочей силы, и никакая помощь местных состоятельных семей не могла заменить временной или постоянной потери кормильцев. Бедняки, участвовавшие в походах, не получали довольствия и могли рассчитывать лишь на долю в добыче, не больше.

Военная добыча после отчисления пятой части в пользу дерийского правителя в принципе должна была делиться между воинами. (Было установлено, что всадник, т. е. представитель знати, получает две доли пехотинца). На деле, видимо, самую лакомую часть добычи забирала знать. Ж. Раймон отмечает, что при Абд аль-Азизе солдаты жаловались на несправедливый раздел добычи, при котором львиная доля доставалась их военачальникам. Дерийский эмир должен был вмешаться и восстановить «справедливость»¹²⁰. Но вряд ли он смог пресечь подобную практику.

И. Буркхардт пишет, что из лучших солдат числом в 300 человек составлялась гвардия дерийских правителей — главный резерв на поле боя. Все гвардейцы были отлично вооружены и содержались за счет эмира¹²¹. У неждийских летописцев нет данных о такого рода гвардии. Они сообщают лишь о вооруженных рабах. Видимо, и вооруженные рабы, и лучшие солдаты при особе дерийского эмира существовали одновременно.

Когда правитель отправлялся в поход, у его дворца в Дерийе собирались всадники, местные жители — мужчины, женщины. Он выходил из дворца и шел молиться в расположенную поблизости мечеть. Затем садился на коня и покидал город. Он останавливался между Дерийей и Аяйной, и к нему собирались больные, слабые, нуждающиеся; правитель одаривал их. (Таким образом, дерийский правитель совершал богоугодное дело и, заручившись высшей поддержкой, двигался дальше. Кроме того, он надеялся при помощи благотворительности завоевать любовь подданных из пристольничного района, обеспечить их преданность на время похода).

Эмир направлялся к месту сбора всех ваххабитских ополченцев. Там он молился, совещался со своими при-

---

¹¹⁹ J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, p. 164.

¹²⁰ J. Raymond, *Les wahabys...*, pp. 24—25.

¹²¹ J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, p. 171.

ближенными, только потом отправлялся в путь. За несколько дней до встречи с противником в соответствии с обычной бедуинской тактикой вперед высылались разведчики, шпионы (уйун). За ночь до сближения с противником запрещалось зажигать костры. Накануне боя правитель вновь собирал воинов и напоминал им о долге перед богом. Убеждение, что сражение будет богоугодным делом, поднимало дух ваххабитов и рождало стремление к самопожертвованию. Перед боем они снова молились.

С детства и до глубокой старости Сауд любил походы и «священную войну». С ним вместе в походах участвовали богословы из Дерийи и близлежащих оазисов. Вместо себя в Дерию Сауд оставлял одного из сыновей, чаще всего Абдаллаха¹²².

«Сауд внушал ужас своим врагам, и они часто бежали, заслышав о его приближении»¹²³. Если он готовил поход на север, то делал вид, что хочет идти на юг, на восток или на запад. Цель экспедиции он всегда держал в тайне.

Ф. Манжен сообщает подробности о военных действиях ваххабитов.

«Во время дневных и ночных походов назначались авангард и арьергард. Войско выступало одной или несколькими колоннами в зависимости от обстоятельств. Эмиры всегда возглавляли людей, находящихся под их юрисдикцией. Конница и верблюжья кавалерия шли во главе и в хвосте колонны. Центр предназначался для артиллерии и пехотинцев; которые сидели по двое на верблюде. (Об этом пишет и Л. Корансез¹²⁴. — А. В.).

В походах ваххабиты питались финиками с верблюжьим молоком. Хлеб и мясо ели редко. (По мнению Ж. Раймона, ваххабитские воины могли до трех суток обходиться без воды и пищи. Ф. Манжен называет срок двое суток¹²⁵. — А. В.).

В бой ваххабиты вступали батальонами (видимо, отдельными отрядами. — А. В.). Пехота оставляла за собой

---

¹²² Ибн Бишр, ч. 1, стр. 167—168.

¹²³ Там же, стр. 166; см. также: J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, p. 170.

¹²⁴ [L. A. Corancez], *Histoire des wahabis...*, pp. 11—12.

¹²⁵ J. Raymond, *Les wahabys...*, p. 8; F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, p. 180.

верблюдов, за которыми следили слуги¹²⁶. Когда противник приближался или же имел преимущество, верблюды служили укрытием для сражающихся. Каждый батальон состоял из жителей одного района во главе с эмиром и деревенской (оазисной. — А. В.) знатью. Ряды воинов были сдвоены. Когда первый ряд уставал или нес большие потери, его заменял второй. Мертвых выносили с поля боя, чтобы предать погребению. Было постыдным не отдать им последнего долга. В случае поражения армия отступала без паники. Если же терпел поражение противник, то пехота его не преследовала, но конница и верблюжья кавалерия преследовали на определенной дистанции»¹²⁷.

В военном лагере ваххабитов «каждый знал свое место. Командующий находился в центре лагеря. Кавалерия (т. е. представители знати. — А. В.) — вокруг его шатра. На некотором расстоянии от лагеря выставляли пехотные и кавалерийские посты. Их сменяли каждые 24 часа. Днем все спали и лишь поднимались для пятикратных молитв. Ночью разговаривали, нараспев читали стихи Корана, рассказывали истории.

Дисциплина у ваххабитов суровая. Командир, не выполнявший своих обязанностей или подававший повод для жалобы, снимался с поста. Иногда его приговаривали к штрафу. Провинившихся воинов наказывали палками. Если воин совершал серьезный проступок, ему сносили голову. То же самое делали, если он бежал перед противником»¹²⁸. Бадия-и-Леблих также отмечает «поистине спартанскую» дисциплину и «необычайную покорность» ваххабитов¹²⁹.

За исключением последнего положения Ф. Манжена, его данные не вызывают особых сомнений. Может быть, в действительности военные походы ваххабитов и не выглядели так организованно и дисциплинированно, как

¹²⁶ Этими слугами могли быть специальные погонщики верблюдов. У бедуинов было принято, что человек, «сидящий сзади» на верблюде, стерег животных во время битвы или угонял захваченный скот. Возможно, что ваххабиты сломали подобную тактику и обоих седоков превратили в активных бойцов. Во всяком случае, современники ваххабитского движения того периода ничего не писали о вспомогательном применении седоков, «сидящих сзади».

¹²⁷ F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, pp. 178—179.

¹²⁸ Ibid., pp. 179—180.

¹²⁹ Ali bey, *Travels*, vol. 2, p. 137.

он описывает их, но тенденция к такого рода дисциплине и организации была. Тем более что в этом вопросе многие данные Ф. Манжена совпадают с информацией арабских летописцев.

Что касается смертной казни за бегство перед неприятелем, то в этом можно усомниться. Бедуинская тактика ведения военных действий предусматривает бегство как элемент боя, как спасение перед превосходящими силами неприятеля. Ничего зазорного в бегстве бедуины и жители Аравии вообще не видели. Ваххабиты вряд ли могли столь решительно сломать прежние обычаи.

Если войску ваххабитов не удавалось сразу захватить какой-либо оазис, они строили около него крепость и оставляли в ней небольшой гарнизон для стеснения действия неприятеля¹³⁰. В крупных оазисах и городах (в Хасе, городах Касыма, Мекке, Медине) ваххабиты держали гарнизоны из верных им недждийцев¹³¹. Об этом имеются сведения во многих арабских источниках. Это опровергают данные И. Буркхардта, утверждавшего, что ваххабиты не держат гарнизонов¹³². Причем, как указывает Ф. Манжен, «солдаты из Дерийи имели преимущества перед всеми прочими. В городах начальники всегда назначались из их числа»¹³³.

Л. Корансез пишет, что войны ваххабитов всегда представляли собой внезапные нападения. Ваххабиты всегда отступали, узнав о том, что они обнаружены и их ожидает сопротивление. Л. Корансез утверждает, что в бою они не соблюдали никакого порядка и участвовали в нем лишь тогда, когда противник был настолько слаб, что не мог оказать сопротивления или не имел желания защищаться. Они больше интересовались грабежом, чем войной. Их обескураживало малейшее сопротивление. Они быстро бежали, если сталкивались с сопротивлением, долго выжидали удобного момента для атаки. Это старая тактика жителей пустынь¹³⁴.

Таким образом, Л. Корансез в целом невысоко ставил ваххабитскую армию и в некоторых аспектах был несомненно прав. Однако можно предположить, что

¹³⁰ Ибн Ганнам, ч. 2, стр. 53.

¹³¹ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 140.

¹³² J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, p. 179.

¹³³ F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, p. 178.

¹³⁴ [L. A. Corancez], *Histoire des wahabis...*, p. 64.

Л. Корансез специфический порядок боя жителей пустынь принимал за отсутствие порядка и сбрасывал со счетов боевой фанатизм ваххабитов, сплавивавший их ряды.

На вооружении в ваххабитском войске были пики, сабли, кинжалы, короткие копья для пехотинцев, щиты, дубинки, фитильные ружья и пистолеты, пишет И. Буркхардт¹³⁵. Ваххабиты сами делали порох¹³⁶. Иногда они носили каску и защитную одежду из кожи¹³⁷. У знатных были кольца¹³⁸.

Ф. Манжен сообщает, что пехотинцы были вооружены фитильными ружьями, которые они могли быстро заряжать. Воины имели также кинжал, пристегнутый к поясу, и сумку, наполненную патронами. Некоторые имели пистолеты¹³⁹.

Оружие ваххабитов, как видим, было слабым. Фитильные ружья использовались нечасто. Во всяком случае, они не являлись главным вооружением войска. Ибн Бишр сообщает, что у Сауда имелось 30 больших и столько же малых пушек¹⁴⁰. Большей частью эти пушки были захвачены у противника и почти не находили боевого применения.

Численность ваххабитского войска достигала 50 тыс.¹⁴¹. Европейцы были склонны преувеличивать эту цифру и называли 100 тыс., 120 тыс. и даже 200 тыс.¹⁴². На полуострове ваххабиты не имели себе равных, но это не означало, что они всегда побеждали.

Предпосылки распада и гибели государства Саудов. Задача подчинить весь Аравийский полуостров все же оказалась для ваххабитов непосильной. Обширнейшие территории Аравии, плохие пути сообщения через безводные пустыни, труднодоступные горы изолировали

---

¹³⁵ J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 1, pp. 53—56.

¹³⁶ F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, p. 179; J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 1, p. 179.

¹³⁷ J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, p. 53.

¹³⁸ Ibid., p. 237.

¹³⁹ F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, p. 179.

¹⁴⁰ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 171.

¹⁴¹ Ибн Санад, *Тарих Багдад*, стр. 33; Ибн Бишр также придерживается этой цифры.

¹⁴² «Журнал различных предметов словесности», 1805, т. 2, № 1, стр. 30; [Reinaud]. *Auszug aus dem Briefe...*, S. 241; [L. A. Corancez], *Histoire des wahabis...*, p. 118.

друг от друга отдельные области. И ваххабитам просто не хватало энергии и войск, чтобы покорить горные районы Йемена и даже Хиджаза, побережье Маската и Хадрамаута, укрепиться в Тихаме и Неджране. Это создавало постоянную угрозу и источник беспокойства на окраинах государства, вынуждало их расходовать силы и средства на военные действия, которые отнюдь не всегда заканчивались примерным наказанием «многобожников» и вознаграждением «единобожников» богатой добычей.

За пределами же Аравийского полуострова и зоны пустынь ваххабитское войско в те годы оказалось не в состоянии вести крупных успешных боевых операций. Как уже отмечалось, после Кербелы ни один — даже небольшой — укрепленный город в Сирии или Ираке не попал в руки ваххабитов. Их жестокость и террор порождали не только панику, но и желание яростно сражаться. Перед укрепленными городами, защищаемыми с мужеством и со знанием военного искусства, ваххабиты пасовали.

Мощный порыв ваххабитов носил неизгладимый отпечаток завоевательных войн средневековья. Трудно предугадать, как сложилась бы судьба их государства, появившись оно за несколько столетий до XIX в. Однако ход исторического развития не признает никаких «бы». Выйдя за пределы средневековой Аравии, ваххабиты столкнулись с более развитыми частями Османской империи, обогнавшими их в своем развитии на несколько столетий. В ту пору отдельные районы Османской империи совершали отчаянные, хотя пока что тщетные попытки превратиться из «парадного тюрбана» в современное государство. Прежде всего они перенимали европейскую военную технику и военную организацию. В открытом столкновении с армией, обученной и вооруженной по европейскому образцу, ваххабиты проигрывали.

Уже в одной приостановке экспансии таилась угроза существованию государства Саудидов. Как уже отмечалось, участие в победоносном набеге, совместном грабеже было главным, что связывало воедино знать разрозненных оазисов и племен. Но когда военное расширение ваххабитского государства, достигнув своих естественных границ, замедлилось, а потом практически прекратилось, объединение для аравийской аристократии потеряло смысл. Поступление награбленных богатств уменьши-

лось. Проводя самостоятельную политику, совершая традиционные набеги на соседей, знать отдельных оазисов могла рассчитывать на получение больших доходов.

Особенно тяжело гнет централизованного государства чувствовали на себе прежде могущественные кочевые племена. Ряд бедуинских племен, никогда не знавших налогов, платили обязательный закят лишь из-под палки, под угрозой суровых репрессий. Они часто восставали. Бедуины всегда были готовы сбросить ваххабитское ярмо, они признавали ваххабизм лишь внешне, отмечает И. Буркхардт¹⁴³. Военная добыча могла как-то компенсировать уплату налогов, потерю доходов от различных видов хувы, но в случае прекращения успешных набегов бремя централизованного государства становилось невыносимым.

Налоговая эксплуатация, поборы и штрафы в некоторых случаях перекрывали преимущества безопасности и стабильности централизованного государства. Тогда налоги отказывались платить целые племена и провинции¹⁴⁴. Каждый год Сауд совершал несколько походов не только против неподчинившихся окраин полуострова или провинций Османской империи, но также против бунтовавших племен и областей своего государства.

Внутри саудидского государства шел процесс дальнейшего углубления классовых различий и противоречий. Разбогатевшая на завоевательных войнах центрально-аравийская аристократия все больше отрывалась от простых кочевников и крестьян, приобретала вкус к роскоши. Разрыв между ваххабитской пропагандой, обращенной к народу, и образом жизни знати не мог не действовать расхолаживающе на бедуинов, жителей оазисов, простых воинов.

Дальние походы отрывали неждидийских крестьян от хозяйств и отнюдь не всегда вознаграждали их за это военной добычей. Необходимость для части из них выплачивать помимо закята арендную плату феодалам (иногда непосредственно семейству Саудидов) или государству создавала основания для недовольства.

Незаинтересованность знати в существовании централизованного государства после прекращения экспансии,

---

¹⁴³ J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 1, p. 106.

¹⁴⁴ Ibid., vol. 2, p. 168.

враждебность бедуинов и кочевой аристократии к власти Саудилов, разочарование в Саудидах и ваххабизме крестьян-земледельцев — все это были объективные, независимые от воли правителей предпосылки для распада централизованного аравийского государства. Эти предпосылки существовали в потенции и могли проявиться лишь через некоторый, может быть, достаточно длительный промежуток времени. Но сама политика саудидских правителей, продиктованная слепым фанатизмом, усугубляла трудности их государства и ускоряла его разложение.

Для внутренней торговли в саудидском государстве сложились благоприятные условия. Это несомненно. Однако во внешней торговле положение было обратным. Непримируемый фанатизм ваххабитов заставил их прервать торговые связи с «многобожниками», которыми были для них все неваххабиты. До 1810 г. была запрещена торговля с Сирией и Ираком¹⁴⁵. Если какого-либо купца захватывали на дороге, ведущей к «многобожникам», то конфисковывали все товары¹⁴⁶. «Преступлением, которое Сауд должен был наказывать особенно часто, были связи арабов с еретиками, — пишет И. Буркхардт. — В то время, когда была введена ваххабитская вера, были даны самые ясные приказы, запрещающие все связи между ваххабитами и другими нациями, которые еще не приняли новое учение. Было сказано, что одна лишь сабля может быть использована в споре с ними»¹⁴⁷. Легко представить себе, какой страшный удар наносился по экономической жизни отдельных областей в случае буквального проведения в жизнь фанатичных распоряжений.

Однако экономические потребности были сильнее волюнтаристских решений, слепого фанатизма. Бадиа-и-Леблих справедливо писал по этому поводу: «Время заставит этих людей (ваххабитов. — А. В.) понять, что Аравия не может существовать без торговых связей и паломников. Необходимость заставит их ослабить эту нетерпимость по отношению к другим нациям»¹⁴⁸.

¹⁴⁵ Ibid., pp. 140—141.

¹⁴⁶ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 79; J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, pp. 140—141.

¹⁴⁷ Ibid.

¹⁴⁸ Ali bey, *Travels*, vol. 2, p. 139.

Торговля Аравии с «многобожниками» сократилась, но тем не менее продолжалась, и здесь ваххабиты были бессильны. В пору самого крайнего обострения отношений ваххабитов с Египтом, Ираком, Сирией торговля хлебом не прекращалась¹⁴⁹. Сами ваххабиты захваченные драгоценности продавали в Индии¹⁵⁰. Сделав тщетную попытку установить «самоблокаду» Аравии, но оказавшись не в состоянии обойтись без торговли с «многобожниками», ваххабиты нанесли ущерб своему авторитету.

Подлинно катастрофические последствия имела политика ваххабитов для Хиджаза. Самый тяжелый удар был нанесен в результате прекращения доступа большинства паломников из Османской империи. Бедуины перестали получать плату за проход караванов по их территории и за предоставление вьючных животных. Многочисленные профессиональные нищие, гиды, разнообразные служители мест культа лишились доходов, и иногда полностью. Священным городам перестали поступать ежегодные дары султана¹⁵¹. В результате «население Мекки и Медины перестало получать то, чем оно существовало: милостыню, съестные припасы и деньги. Взяв жен и детей, они покинули родные места; остались лишь те, для которых эти доходы не служили источником существования. Ушедшее население направилось в Египет и Сирию, а частью — в Стамбул»¹⁵².

Ваххабиты установили порядок и безопасность на дорогах также в Хиджазе. Торговцы более не опасались разбойничьих нападений. Торговля между Хиджазом и Недждом осуществлялась беспрепятственно. В период уменьшения потока паломников это помешало росту цен. Далее, когда в течение пяти-шести лет в Аравии свирепствовал голод, вызванный страшной засухой, в Хиджаз все-таки поступало продовольствие из других стран.

Но посреднические операции хиджазцев и продажа товаров паломникам были главным видом торговли в

---

¹⁴⁹ J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, pp. 141, 214.

¹⁵⁰ Ибн Санад, *Тарих Багдад*, стр. 35.

¹⁵¹ J. L. Burckhardt, *Travels in Arabia*, vol. 1, pp. 355—360.

¹⁵² Абд ар-Рахман ал-Джабарт, *Египет под властью Мухаммада Али*, стр. 211; см. также: J. L. Burckhardt, *Travels in Arabia*, vol. 1, p. 349.

Хиджазе, а они пострадали больше всего. Торговля через Джидду сократилась. С одной стороны, это было вызвано резким уменьшением числа паломников, для которых и привозились многие товары. С другой стороны, торговцы кофе и индийскими тканями зачастую не решались появляться в порту, ибо к ним относились как к «многобожникам». Пришла в упадок торговля с Египтом. Все это почувствовали на себе не только богатые купцы, но и весь простой люд Джидды, Мекки и других городов, так как и он участвовал в торговле. Многие были разорены. Джидда обезлюдела, в ней даже начала разрушаться часть домов¹⁵³.

Ваххабиты отменили различные несправедливости и вымогательства со стороны шерифа Мекки или аги Медины. Зато они ввели в районах, не подчиненных шерифу, обязательный закят. Можно представить себе чувства бедуинов или жителей Медины, потерявших доходы от паломников, да еще вынужденных платить налоги.

Шерифу Мекки были оставлены его доходы. Но насколько они сократились в связи с уменьшением потока паломников, упадком торговли, запрещением собирать пошлыны с купцов-ваххабитов, не говоря уже о том, сколь тягостна для него была потеря политической независимости!

Обязательное участие в походах ваххабитов вовсе не прельщало жителей Хиджаза, привыкших добывать себе доходы более легкими способами. Достаточно сказать, что мединцы, владевшие лошадьми, немедленно их продали, чтобы избежать призыва в войско ваххабитов¹⁵⁴.

Строгие «пуританские» нравы, введенные в Мекке, противоречили обычаям и понятиям этого города¹⁵⁵. Новые порядки могли вызвать одобрение очень набожных улемов и искренних верующих, но для большинства жи-

¹⁵³ J. L. Burckhardt, *Travels in Arabia*, vol. 1, p. 25.

¹⁵⁴ Ibid., vol. 2, pp. 208—209.

¹⁵⁵ Принадлежность к священному городу создавала у мекканцев чувство превосходства над всеми прочими мусульманами, что предоставляло им готовые оправдания для некоторой распушенности. В Мекке находились целые кварталы проституток, даже плативших взносы со своей профессии. Была распространена педерастия. Спиртные напитки продавали чуть ли не у ворот Каабы, и пьянство не было редкостью (см.: J. L. Burckhardt, *Travels in Arabia*, vol. 1, pp. 233—234, 361—363, 377).

телей были тягостны. Также тягостным было чувство униженности из-за подчинения владычеству недждийцев впервые за многие столетия.

Все эти факты экономического, политического, психологического порядка создавали в Хиджазе обстановку вражды и ненависти к ваххабитам. Их авторитет и власть держались лишь на военной силе.

Достаточно было какого-либо мощного внешнего толчка, чтобы процессы распада государства Саудидов ускорились и противоречия, которые медленно изнутри подтачивали его, приобрели характер взрывчатой силы.

ГЛАВА V

ВОЙНА ЕГИПТЯН В АРАВИИ (Разгром ваххабитов)

Прелюдия египетской экспедиции в Аравию. Престижу турецкого султана в результате завоевания ваххабитами Мекки и Медины был нанесен огромный ущерб. Селим III практически лишился титула «слуги и покровителя двух священных городов». Его мусульманские подданные не могли осуществлять хадж — один из пяти столпов ислама, и султан, считавший себя также халифом, оказался не в состоянии что-либо предпринять.

После свержения Селима III новый султан, бывший игрушкой в руках янычар, стремился во что бы то ни стало вернуть Хиджаз в лоно Османской империи. Попытки толкнуть на активные действия против ваххабитов Багдадский пашалык оказались безнадежными. Занятые внутренними междоусобицами, войной с персами, багдадские паши не смогли бы воевать против ваххабитов, даже если бы захотели. Но они вдобавок явно не желали больше рисковать.

Слабые дамасские паши постоянно подвергались нападениям со стороны могущественных пашей Акки, растрачивали силы на междоусобицу и также не имели ни возможностей, ни желания выступить против государства Саудидов. «Порта сменяла одного пашу другим за их неспособность повести караван в Мекку». Наконец, в Дамаск был назначен Гендж Юсеф, который сумел подавить янычар, а также сепаратистские выступления в Сирии и укрепил свою власть. Но ввязываться в кампанию против ваххабитов он явно не желал¹.

---

¹ К. М. Базили, *Сирия и Палестина под турецким правительством*, стр. 79.

Единственная реальная возможность разгромить ваххабитов заключалась в использовании войск начавшего возвышаться египетского паши.

Когда Мухаммед Али утвердился в Египте и в 1805 г. добился назначения каирским пашой, Порты возложила на него задачу отвоевать священные города у ваххабитов. Новый паша, занятый укреплением власти, ликвидацией соперников, борьбой с мамлюками, защитой Египта от англичан, внутренними реформами, в течение нескольких лет не имел времени заниматься аравийскими делами. Но с конца 1809 г. он начал уделять серьезное внимание подготовке экспедиции².

Желание Порты не было ни главной, ни единственной причиной, толкнувшей практически независимого правителя Египта на долгую и дорогостоящую кампанию в Аравии. Захват Хиджаза означал бы весомое добавление к его владениям. Отвоюя священные города у «безбожников», Мухаммед Али рассчитывал укрепить свой авторитет во всей Османской империи, завоевать популярность и затруднить тем самым какие-либо махинации против него Порты. В планы каирского вице-короля, как и в свое время Али-бея, входила задача установить контроль над торговлей индийскими товарами и йеменским кофе, которая шла через Джидду, а потом завоевать и сам Йемен. Мухаммед Али намеревался также с помощью благочестивых лозунгов освобождения Мекки и Медины вывести из Египта солдат, которые поставили его у власти, но превращались в слишком опасную силу и стесняли его свободу действий. Наконец, в неофициальных переговорах Порты, видимо, обещала передать Дамасский пашалык одному из его сыновей, если только Мекка и Медина будут освобождены от ваххабитов³.

Мухаммед Али съездил в Суэц, чтобы изучить на месте возможности для организации экспедиции морем, и убедился, что практически все нужно создавать на пустом месте. Он заказал лес, якоря и другие материалы, необходимые для постройки судов. Их доставили из Турции в Каир, а отсюда перебросили на верблюдах в

---

² J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, p. 219.

³ Ibid., pp. 218—219; F. Mengin, *Histoire de l'Égypte...*, vol. I, pp. 342—343, 450; M. Sabry, *L'Empire Égyptien...*, p. 46.

Суэц. С перевозкой спешили, верблюдов загоняли до смерти, и вся дорога из Каира в Суэц была усеяна трупами животных. В Суэце на строительстве кораблей работало несколько сот рабочих, и к марту 1810 г. было готово два десятка судов⁴.

Расходы на увеличение военной мощи Египта, реформы Мухаммеда Али вызывали недовольство мамлюков и части населения. В стране начались волнения, подогреваемые мамлюкской реакцией. В результате экспедиция была отложена.

Тем временем было построено еще несколько судов, красноморский порт Кусайр египтяне превратили в главный армейский склад для снабжения экспедиционных войск, они усилили крепости в северной части караванного пути паломников из Египта в Хиджаз и направили в них гарнизоны из наемных магрибинских солдат. Бедуинским племенам роздали подарки⁵.

1 марта 1811 г. в каирской цитадели правитель Египта устроил массовое избиение мамлюков, которое продолжалось затем по всему городу⁶. Опасные соперники Мухаммеда Али в Нижнем Египте были уничтожены. Война в Европе временно снимала угрозу вторжения какой-либо европейской державы в Египет и благоприятствовала проведению аравийской кампании.

Во главе экспедиции был поставлен молодой храбрый сын каирского правителя — Тусун. Ему было в то время 16—18 лет⁷.

Стремясь заручиться поддержкой Галиба, Мухаммед Али начал с ним секретную переписку, и мекканский шериф обещал ему полное содействие. Накануне выступления Тусуна в Хиджаз был послан специальный разведчик лаши для связи с Галибом, изучения обстановки на месте и выяснения настроений кочевых племен. Он вернулся в Каир со специальным посланником Галиба. Сведения, добытые для Мухаммеда Али, казались утеш-

---

⁴ F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 1, pp. 342—343; J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, p. 220.

⁵ J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, pp. 220—221; F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 1, pp. 343—344.

⁶ F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 1, p. 360.

⁷ Ibid.; J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, p. 223; Абд ар-Рахман ал-Джабарт, *Египет под властью Мухаммеда Али*, стр. 300; Ахмед Дахлан, *Хуласат аль-калям*, стр. 301.

тельными. Шериф изъявлял готовность помогать египетским войскам. Население Хиджаза было настроено враждебно к ваххабитам и якобы ожидало турок как избавителей. Подобные сведения поступали к египетскому вице-королю и из других источников, и он решил, что удобное время настало⁸.

Разгром Тусуна в Вади Сафра. Если оценить положение государства Саудидов к концу первого десятилетия XIX в. с внешней стороны, то можно заметить общее ослабление его динамизма, вызванное рассмотренными выше обстоятельствами. Действительно, после разгрома Кербелы и завоевания Хиджаза на счету ваххабитов уже не было столь ярких успехов. Англичане в союзе с маскатцами нанесли ряд тяжелых поражений ваххабитам на суше и на море и позволили Бахрейну выйти из подчинения Дерийи. Угли недовольства постоянно тлели в Омане, вспыхивая иногда ярким пламенем восстаний. В Ираке ваххабиты еще совершали грабительские рейды против кочевников и незащищенных деревень, но останавливались в бессилии перед укрепленными городами.

Какую-то роль в ослаблении динамизма государства Саудидов сыграли многолетняя засуха и голод в Аравии, продолжавшиеся до 1809 г. Они дополнились также эпидемией холеры. В одной Дерийе от холеры умирало каждый день несколько десятков человек⁹.

Власть Саудидов подтачивалась и изнутри из-за разногласий в правящей семье. Впервые за полстолетия авторитет имама начали оспаривать его родственники. Сауд удалил от себя родных братьев, видимо опасаясь их соперничества, и приблизил единокровных братьев — сыновей от других жен Абд аль-Азиза. Это вызвало недовольство многих членов королевской семьи; во главе оппозиции стал некий Абдаллах, которого Ж. Раймон и Л. Корансез называют дядей Сауда. Он был, сообщает Л. Корансез, губернатором столицы¹⁰. Когда же после

---

⁸ F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 1, pp. 359, 373; J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, p. 221.

⁹ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 131—134; [L. A. Corancez], *Histoire des wahabis...*, p. 140; Ахмед Дахлан, *Хуласат аль-калям*, стр. 285—292.

¹⁰ J. Raymond, *Les wahabys...*, p. 31; [L. A. Corancez], *Histoire des wahabis...*, p. 46.

смерти Сауда в 1814 г. престол должен был занять его сын Абдаллах, против него также выступил некий Абдаллах, которого И. Буркхардт называет братом Сауда. Его поддержала часть дерийских улемов¹¹.

О появлении трещин в прежде спаянной правящей верхушке свидетельствовал бунт молодых эмиров, детей Сауда. Недовольные тем содержанием, которое им предоставил отец, Турки, Насыр и Саад убежали из дому и с небольшим отрядом направились в Оман (в 1810/11 г.) в поисках приключений и добычи. Они собрали вокруг себя значительное войско и проникли далеко за Маскат на юг и юго-восток полуострова. Взбешенный Сауд приказал отвести ваххабитские отряды из Омана, оставив молодых принцев без поддержки. Сыновья эмира добрались до Хасы, но не решались показаться в Дерийе, страшась гнева отца. Дело в конце концов кончилось примирением¹².

Государство Саудидов тем не менее сохраняло некоторые свои сильные стороны. Еще не исчерпал себя боевой фанатизм ваххабизма. Правители Дерийи еще могли опираться на стойкие отряды из оседлых жителей Неджда и на некоторые племена бедуинов. Власть ваххабитов держалась на страхе и терроре. Репутация победоносных воинов еще не была потеряна ими. Наконец, на стороне ваххабитов в борьбе против внешнего врага была сама суровая природа Аравии.

Египетская армия состояла из турецких, албанских, магрибинских наемников. Многие ее командиры имели опыт войны с французами и англичанами, познакомились с европейской военной тактикой. Армия имела на вооружении артиллерию. Дисциплина и моральный дух армии, однако, были в то время невысокими.

В августе 1811 г. часть войск была отправлена в Хиджаз морем с целью захватить при помощи десанта Янбо, а кавалерия во главе с Тусуном выступила туда же сухим путем. И. Буркхардт сообщает, что морем было отправлено 1500 солдат, а с Тусуном шло 800 всадников. В качестве военного советника Тусуна и фактического командующего отправился один из лучших воен-

---

¹¹ J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, p. 288.

¹² Ибн Бишр, ч. 1, стр. 152—154. Несколько другие детали этого события приводит Ибн Разик (*Salil-ibn-Razik, History...*, p. 318).

чальников Мухаммеда Али — Ахмед-ага, прозванный Бонапартом. При экспедиционном корпусе находился один из самых богатых египетских купцов — Мухаммед аль-Махруки, лично заинтересованный в красноморской торговле и несколько раз посетивший Мекку. Ему Мухаммед Али предназначал роль политического советника Тусуна. С войсками были направлены также каирские улемы¹³.

Египетский морской десант в октябре того же года занял Янбо. В городе не было ваххабитских войск. Небольшой отряд, подчинявшийся шерифу Мекки, не оказал практически никакого сопротивления¹⁴. «Солдаты разграбили все, что нашли в Янбо из товаров, денег, тканей, кофе, обесчестили женщин и девушек, живших в порту, захватили их в качестве пленниц и торговали ими, продавая их друг другу»¹⁵. Такое поведение солдат вряд ли могло вызвать благожелательное отношение к ним местных жителей. Но главная задача первого этапа экспедиции была выполнена — захвачен важный плацдарм для дальнейших действий против ваххабитов.

В ноябре в Янбо прибыл также и Тусун со своим отрядом. Ибн Бишр сообщает, что всего в Янбо собралось более 14 тыс. человек¹⁶. Даже если учесть, что И. Буркхардт несколько преуменьшает силы египетских войск, и тогда несоответствие его цифр данным недждийского летописца будет разительным. Очевидно, по дороге к Тусуну присоединились гарнизоны, ранее посланные Мухаммедом Али в крепости по караванному пути, и некоторые бедуины. По суше солдаты отправлялись отдельными партиями¹⁷. Поэтому непосредственно с Тусуном действительно могло быть 800 всадников.

Тусун несколько недель оставался в Янбо. Получив

---

¹³ J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, pp. 223—225; F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 1, p. 375 (У Ф. Манжена выступление Тусуна — октябрь 1811 г.).

¹⁴ J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, p. 225; Абд ар-Рахман ал-Джабарти, *Egynet pod vlast'yu Muxammada Ali*, стр. 317 (аль-Джабарти взятие Янбо относит на сентябрь).

¹⁵ Абд ар-Рахман ал-Джабарти, *Egynet pod vlast'yu Muxammada Ali*, стр. 317; F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 1, pp. 375—376.

¹⁶ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 155.

¹⁷ G. Finati, *Narrative...*, vol. I, p. 136.

подкрепления из Египта, он повел свое войско на Медину.

Сауд был осведомлен о военных приготовлениях Мухаммеда Али через своих шпионов в Каире. Видимо, этим и объяснялись его постоянные заботы об укреплении Медины. Когда же Тусун занял Янбо, Сауд мобилизовал все находившиеся в его распоряжении силы и послал их в Хиджаз во главе со своим сыном Абдаллахом. У ваххабитов было 18 тыс. солдат, включая 600 конников. Абдаллах занял позиции у Вади Сафра, на полпути между Янбо и Мединой¹⁸.

Решающее сражение произошло в декабре. Армия Тусуна, преследуя бедуинов харб, с которыми он не установил дружеских связей, зашла в узкий горный проход у Вади Сафра и попала под удары отборного войска ваххабитов, о прибытии которого Тусун не имел ни малейшего представления. Египетская армия, насчитывавшая восемь тысяч человек, обратилась в бегство. Личная храбрость Тусуна не спасла положения, и его войско было наголову разгромлено, потеряв более половины состава. Лишь увлеченность ваххабитов грабежом покинутого лагеря избавила египетскую армию от поголовного уничтожения, и жалкие остатки войск Тусуна добрались до Янбо. Ваххабиты не стали атаковать город и сохранили тем самым в руках египтян важнейший плацдарм¹⁹.

Вот как описывает аль-Джабарти поведение солдат войска Тусуна при первых же признаках поражения:

«Вдруг солдаты, находившиеся внизу, увидели, что с гор спускаются солдаты, потерпевшие поражение. Все они обратились в бегство, ища спасения, оставив свои палатки, багаж и снаряжение и грабя что полегче из имущества своих начальников. Тот, кто посильнее, захватывал имущество своего ослабевшего товарища, его верховое животное, садился верхом, а может быть, и убивал более слабого, чтобы забрать верховое животное и бежать. Они устремлялись на побережье в Барайк (небольшой порт недалеко от Янбо. — А. В.) к судам, так как некоторое количество их из предосторожности стоя-

¹⁸ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 155—156; F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 1, p. 382.

¹⁹ F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, pp. 384—385; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 155—156; J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, pp. 230—232.

ло наготове. Их сердца были охвачены ужасом, и они были убеждены, что их преследуют, а на самом деле их никто не преследовал, потому что не преследуют отступающих в бегстве. Так как они отступали в беспорядке, то ни один из них не остался бы в живых, если бы их преследовали. На берегу моря солдаты стали криками звать суда. Когда к ним подходило судно небольшой вместимости, то солдаты, столпившиеся в огромном количестве, спускаясь на него, давили друг друга. Взбравшиеся на судно препятствовали доступу остальных своих сотоварищей, и если те не отставали, то пускали в ход ружья и пули»²⁰.

Аль-Джабарты, как представитель азхарской оппозиции Мухаммеду Али, в глубине души считавший правителя Египта безбожником, находит свои объяснения поражению египетского войска. «Некоторые из военачальников, — пишет он, — считающиеся благочестивыми и набожными, говорили мне: Как же нам победить, когда большая часть наших солдат различных вероисповеданий, и имеются среди них и такие, которые ни во что не верят и не исповедуют религии. С нами следуют ящики со спиртными напитками, в нашем лагере не слышно *азана* (призыва на молитву. — А. В.), предписания не выполняются, здесь о них и не вспоминают, понятия не имеют о религиозных обрядах. Враги же наши, как только наступает время призывов муэдзинов, совершают омовение и со смирением и покорностью становятся в ряды со своим единым имамом. Если же время молитвы наступит в момент, когда происходит сражение, то с трепетом все же совершают «молитву боязни» (сокращенная молитва. — А. В.) — один отряд выступает вперед и ведет бой, а другие, стоящие за ним, совершают молитву. Наши солдаты поражаются этому, так как они никогда не слышали о таком, не говоря уже о том, чтобы видеть это. Ваххабиты выкрикивают из своего лагеря: „Выходите на бой с нами, вы, язычники, вы, бреющие бороды, прославляющие распутство, содомский грех, вы, пьющие вино, забывающие молитвы, занимающиеся ростовщичеством, вы, убийцы, вы, позволяющие себе запретное!“»²¹.

²⁰ Абд ар-Рахман ал-Джабарты, *Египет под властью Мухаммеда Али*, стр. 320.

²¹ Там же, стр. 325—326.

Помимо чисто военных причин — неожиданности удара ваххабитов, плохой позиции египетского войска, высокого пока что боевого духа ваххабитов и никуда не годного морального состояния армии Тусуна — большую роль сыграла неспособность Тусуна в тот момент наладить дружеские связи с местными кочевыми племенами. Войско Тусуна проходило по местности, жители которой были союзниками ваххабитов и пока не решались против них выступить. Отсюда проистекала и неосведомленность Тусуна о передвижениях ваххабитских войск, и незнание им позиции неприятеля. Отсюда и его военная слабость.

Оккупация Хиджаза. Чтобы исправить положение и перетянуть чашу весов в пользу египетской армии, нужно было подкупить местных бедуинских вождей. Для этого требовались средства; вскоре они были присланы из Египта.

«Продолжающийся вывоз отсюда (из Александрии. — А. В.) съестных припасов, отправляемых в Мальту и Испанию, подает ему (Мухаммеду Али) способ поправить состояние своей казны и удобнее делать потребные издержки как для возобновления укреплений сего города... так и для важных приготовлений к походу против Вехаб, — писал Ш. Россетти. — Между тем из Турции приходят беспрестанно в Александрию новые войска, которые отправляет он малыми отрядами в Ембо через Суэц, не позволяя им здесь оставаться долго. Уверяют, что Вехаб со своей стороны принимает деятельные меры, дабы встретить сию новую экспедицию. Между означенным Вехабом и меккским шерифом существует великое неудовольствие...»²².

Ш. Россетти доносил также о слухах по поводу готовящейся войны между Францией и Россией. Это позволяло каирскому паше действовать пока что с меньшей оглядкой на европейские державы.

В Янбо поступили свежие подкрепления и военное снаряжение. Большими подарками Тусун привлек на свою сторону вождей местных кочевников — джухайн и харб — и многих оседлых жителей. Каждому из вождей племен было определено ежемесячное жало-

---

²² АВПР, ф. «Канцелярия», 1812, д. 2282, л. 128.

ванье²³. Недовольство ваххабитами в Хиджазе уже давно достигло стадии ненависти, поэтому такая политика Тусуна начала приносить плоды. Галиб поддерживал переписку с египтянами, хотя внешне проявлял все знаки почтения по отношению к Сауду и его сыну Абдаллаху²⁴.

Осенью 1812 г. Тусун с большим войском выступил по направлению к Медине и подошел к ней в октябре, не встретив сопротивления по пути следования²⁵. Город защищал семитысячный гарнизон ваххабитов. Но, как сообщает Ибн Бишр, большая часть солдат была больна. А жители города не имели никакой охоты сражаться на стороне ваххабитов.

После прибытия под Медину Тусун начал артиллерийский обстрел города, взрывами были проделаны бреши в стенах. Медина капитулировала. Ваххабитский гарнизон укрылся в городской крепости, но через три недели, в ноябре, голод вынудил его покинуть цитадель. Тусун обещал беспрепятственную эвакуацию остатков ваххабитского гарнизона на почетных условиях²⁶. По сообщению Ф. Манжена, египетские солдаты якобы вели себя очень благородно²⁷, но И. Буркхардт, ближе знакомый с ходом кампании, сообщает, что по дороге солдаты Тусуна убили или ограбили большинство ваххабитов²⁸. В Каир было послано «4 тысячи ушей, отрезанных у ваххабитян, кои уповательно будут отправлены в Константинополь»²⁹. Мединский ага Хасан переметнулся на сторону египтян, но это не спасло его. Он был арестован, выслан в Стамбул и там казнен. На его место губернатором Медины был назначен ренегат Томас Кейс, шотландец, захваченный в плен в Египте и принявший ислам³⁰.

---

²³ F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 1, pp. 384—388; J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, p. 237; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 157—158; Абд ар-Рахман ал-Джабарт, *Египет под властью Мухаммада Али*, стр. 321, 390.

²⁴ J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, pp. 242—245; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 157.

²⁵ Ахмед Дахлан, *Хуласат аль-калям*, стр. 295.

²⁶ J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, pp. 237—240; F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 1, pp. 390—396; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 158—159; Абд ар-Рахман ал-Джабарт, *Египет под властью Мухаммада Али*, стр. 346.

²⁷ F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 1, p. 390.

²⁸ J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, pp. 240—243.

²⁹ АВПР, ф. «Канцелярия», 1813, д. 2285, лл. 67—68.

³⁰ J. L. Burckhardt, *Travels in Arabia*, vol. 2, p. 286.

Шериф Галиб вел двойную игру. Он был рад поражению ваххабитов и рассчитывал сбросить их гнет с помощью египтян, но слишком большое усиление позиций каирского паши в Хиджазе меньше всего соответствовало его желанию. Идеальным вариантом для Галиба было бы истощение египетских войск и ваххабитов и возвращение в его руки реальной власти в Хиджазе. Дальнейшее развитие событий заставило его горько разочароваться в своих надеждах.

Пока что он вновь поклялся в верности Сауду, совершившему в конце 1812 г.³¹ последний хадж, и начал готовить сдачу Мекки и Джидды войскам каирского паши. В это время недалеко от Мекки стояло лагерем войско Абдаллаха. Но хроника Ибн Бишра и прочие источники не сообщают о какой-либо подготовке ваххабитами военных действий против неприятеля. Такая пассивность Сауда и его сына не означала, что они не понимали грозившей им опасности. Только внутренним состоянием ваххабитского государства, неустойчивостью тылов, ненадежностью бедуинов можно объяснить их бездельность.

Небольшой египетский отряд в январе 1813 г. без боя занял Джидду. Абдаллах, опасаясь предательского удара со стороны Галиба, вывел из Мекки ваххабитский гарнизон и отступил со своей армией в Хурму. Осман аль-Мудайфи с семьей бежал из Таифа. Мекка, а через несколько дней и этот город попали в руки Тусуна без боя³². Галиб, а вслед за ним хиджазские кочевые племена заявили о верности новым хозяевам.

Египтяне отняли Хиджаз у ваххабитов, несмотря на свое тяжелейшее поражение, практически без серьезных военных усилий.

Решающую роль в этом сыграли враждебность хиджазцев ваххабитам и ваххабизму, египетское золото, щедрой рукой распределяемое среди кочевой аристократии и всех бедуинов, и, наконец, переход мекканского шерифа на сторону каирского паши.

---

³¹ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 159; Ахмед Дахлан, *Хуласат-аль-калям*, стр. 295.

³² F. Mengin, *Histoire de l'Égypte...*, vol. 1, pp. 391—399; J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, pp. 244—247; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 159—160; Абд ар-Рахман ал-Джабарт, *Египет под властью Мухаммада Али*, стр. 391—393.

В Каире по случаю взятия священных городов были устроены пышные празднества с пушечным салютом и фейерверком. Посланник Мухаммеда Али отправился в Стамбул с набором ключей, которые, как утверждали, были ключами от Мекки, Медины и Джидды. «Сын Али-паши Египта прибыл в эту столицу с ключами от Мекки, взятие которой у ваххабитов было ранее объявлено 20 апреля, — доносило российское посольство из Константинополя. — Он был встречен с большой помпой. Все члены оттоманского правительства приняли их в мечети Эйюб, а отсюда ключи были перенесены в Сераль к султану. В этот же день трижды прозвучали артиллерийские залпы всех батарей города, флота и пролива в Черное море, чтобы отпраздновать это событие. Празднование продолжалось семь дней»³³.

В награду за военные подвиги султан назначил Тусуна трехбунчужным пашой Джидды. Мухаммеду Али и шерифу Галибу были отправлены от султана драгоценные подарки³⁴.

Следующие месяцы принесли египтянам малоутешительные результаты. Весной и летом 1813 г. ваххабиты совершили успешные набеги в Хиджаз. Сам Сауд появился под Мединой, хотя города взять не смог. Оставшиеся верными ваххабитам асирцы нападали на египетские отряды почти под стенами Мекки и Джидды. Войско ваххабитов вместе с местными жителями отбросило отряды Тусуна, направленные им на захват важного в стратегическом отношении оазиса Тураба, нанеся большие потери египтянам. Также неудачной была вылазка из-под Медины в сторону Ханикийи.

Египетская экспедиционная армия теряла больше солдат от усталости, жары, непрекращавшихся инфекционных болезней, вызванных плохой водой и скверным питанием, чем в результате боев с ваххабитами. По данным Ф. Манжена, армия каирского паши потеряла за время кампании уже 8 тыс. человек и 25 тыс. верблюдов. Падеж верховых и вьючных животных лишал египтян возможностей маневра, дальних походов, своевременного

---

³³ АВПР, ф. «Канцелярия», 1813, д. 2285, л. 325.

³⁴ F. Mengin, *Histoire de l'Égypte...*, vol. 1, pp. 399—403; Абд ар-Рахман ал-Джабарт, *Египет под властью Мухаммада Али*, стр. 393—398; Ахмед Дахлан, *Хуласат аль-калям*, стр. 296.

подвоза снаряжения, продовольствия и боеприпасов. Бедуины, которые начали разочаровываться в намерениях египетского паши, неохотно сотрудничали с его войсками³⁵.

Осенью 1813 г. военное счастье снова улыбнулось Ту-суну. Ваххабитский военачальник Осман аль-Мудайфи совершил налет на Таиф, но потерпел поражение и бежал. Бедуины атайба схватили его и выдали Галибу³⁶. «Это он [аль-Мудайфи], осадив Таиф, воевал против него и захватил его, убивал мужчин, насиловал женщин, это он разрушил мавзолей Ибн Аббаса превосходной архитектуры, это он вместе с бедуинами сражался с войсками паши в районе ас-Сафра и ал-Джадида, нанес им поражение, рассеял их. После ареста его доставили в Джидду, где он оставался в темнице у шерифа, который тем самым хотел выслужиться перед турками»³⁷, — писал аль-Джабартти. Ваххабиты пытались выкупить столь ценного военачальника, но это не удалось. Аль-Мудайфи отправили в Каир, а затем в Стамбул, где и казнили.

Несмотря на некоторую активизацию действий в Хиджазе, военное положение ваххабитов летом 1813 г. резко ухудшилось в результате полного разгрома их армии в Омани местными повстанцами. Ваххабитский военачальник Мутлак был убит³⁸.

Политика Мухаммеда Али в Хиджазе. Правитель Египта понимал, что, несмотря на завоевание Хиджаза, с ваххабитами стнюдь не покончено. Он решил лично направиться в Аравию, изучить на месте обстановку и найти способы разгромить противника. Осенью 1813 г. Мухаммед Али, уверенный в устойчивости своей власти в Египте, выехал в Хиджаз. Заодно он намеревался совершить хадж. С несколькими тысячами солдат он прибыл в Джидду³⁹. Его встретил Галиб. Последовали вза-

---

³⁵ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 161; F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 1, pp. 403—407; J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, pp. 248—250.

³⁶ J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, p. 248; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 162; Ахмед Дахлан, *Хуласат аль-калям*, стр. 296.

³⁷ Абд ар-Рахман ал-Джабартти, *Египет под властью Мухаммеда Али*, стр. 406—408. Ахмед Дахлан, *Хуласат аль-калям*, стр. 296.

³⁸ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 162—163.

³⁹ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 163; Ахмед Дахлан, *Хуласат аль-калям*, стр. 296; F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 1, pp. 407—408; vol. 2, pp. 1—2; J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, p. 251.

имные клятвенные заверения в дружбе шерифа и паши, произнесенные в Каабе. Но между ними тем не менее назревал серьезный конфликт.

Прежде всего паша постарался захватить все сборы джиддийской таможни, а это лишало Галиба большей части дохода. Затем паша попросил Галиба оказать давление на бедуинов, чтобы они предоставили вьючных животных для египетской армии. Нехватка транспортных средств не позволяла наладить даже регулярные переброски снаряжения между Джиддой и Меккой. Шериф оказывал сопротивление планам паши. Положение правителя Мекки благодаря нескольким тысячам вооруженных рабов, наемных солдат и просто сторонников, контролю над мекканской цитаделью было достаточно сильным, чтобы не допустить открытых покушений на его власть ⁴⁰.

Хитроумный паша, однако, предательски арестовал Галиба якобы по требованию султана. Мухаммед Али заставил шерифа под угрозой лишиться головы отдать приказ его детям прекратить сопротивление, а затем выслал его вместе со всем семейством в Каир. На его место паша посадил Яхью ибн Сурура, родственника Галиба, ставшего марионеткой вице-короля. Мухаммед Али конфисковал в свою пользу всю собственность шерифа — наличные деньги, мебель, различные товары, кофе, пряности — на сумму 250 тыс. ф. ст. Это произошло в конце 1813 г.

Однако по приказу султана Галибу была возвращена часть имущества; он поселился в Салониках, где спустя несколько лет умер ⁴¹.

С точки зрения политики дальнего прицела — полного подчинения Хиджаза своей власти — Мухаммед Али несомненно оказался в выигрыше. Он лишил мекканского шерифа власти и влияния и гарантировал себя от возможного перехода Галиба на сторону ваххабитов. В руки

---

⁴⁰ J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, pp. 251—260; F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, pp. 2—3; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 163; Абд ар-Рахман ал-Джабарт, *Египет под властью Мухаммада Али*, стр. 450—451.

⁴¹ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 163; Абд ар-Рахман ал-Джабарт, *Египет под властью Мухаммада Али*, стр. 451—456, 477; J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, pp. 260—262; F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, pp. 3—16.

паши попали почти все прежние доходы шерифа, и это помогало ему финансировать дорогостоящую кампанию. Наконец, он выбивал из рук Порты возможность играть на его противоречиях с Галибом и использовать шерифа для ослабления безраздельного господства египтян над Хиджазом.

Но непосредственным результатом предательского поведения Мухаммеда Али было негодование жителей Хиджаза, в частности бедуинов, бегство к ваххабитам многих шерифских семей, опасавшихся за свою участь, и их активное участие в войне на стороне ваххабитов. В их числе был храбрый военачальник шериф Раджих. К ваххабитам бежала также часть гвардии Галиба⁴².

В военном плане Мухаммеда Али первое время преследовали неудачи. В конце 1813 — начале 1814 г. его войска потерпели поражение под Турабой и Кунфузой.

Под Турабой ваххабитами командовала женщина, по имени Галия, которой египтяне не замедлили приписать колдовские чары. По войску Тусуна с тыла ударили бедуины и отряды под командованием Раджиха. Снабжение войска Тусуна было прервано, и его поражение стало неизбежным⁴³.

Так же плачевно кончилась экспедиция в Кунфузу. Когда город был захвачен морским десантом, солдаты перебили многих беззащитных жителей, отрубили им уши, чтобы отправить в Стамбул в качестве свидетельства своей военной доблести. Как сообщает участник этого десанта Дж. Финати, иногда солдаты отрубали уши у живых, чтобы получить обещанное вознаграждение⁴⁴. Возмущенные поведением египтян, местные жители объединились вокруг Гами — эмира Асира. Тами лишил население Кунфузы воды, отрезав город от находившихся около него колодцев, а затем начал атаку. С криками

---

⁴² F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, pp. 3—16; J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, pp. 264—267; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 164—165.

⁴³ F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, pp. 12—17; J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, pp. 268—272; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 164; Абд ар-Рахман ал-Джабарти, *Египет под властью Мухаммада Али*, стр. 463.

⁴⁴ G. Finati, *Narrative...*, vol. 1, pp. 222—223. Ахмед Дахлан, *Хуласат аль-калям*, стр. 300.

«Спасайся кто может!» солдаты побежали на корабли. Многие были убиты, утонули или погибли в пути от жажды. Все снаряжение войска досталось победителям ⁴⁵.

Мухаммед Али понимал, что, если он не одержит в Аравии решительной победы, его положение в Египте пошатнется. Нисколько не обескураженный последовательными поражениями, он начал предпринимать решительные меры для продолжения кампании. Дополнительными налогами были обложены египетские крестьяне. Новые подкрепления, боеприпасы, снаряжение, продовольствие поступали в **Джидду**, ставшую главным армейским складом. Прибыло несколько сот конников из числа ливийских бедуинов, преданных паше. Ливийские бедуины, великолепно приспособленные к действиям в условиях пустыни, явились ценным подспорьем для Мухаммеда Али. Тысячи верблюдов, закупленных пашой в Сирии, а также привезенных ливийскими бедуинами, дополнили его транспорт. Он договорился с имамом Маската о поставках судов для перевозок войск ⁴⁶.

Были предприняты шаги для улучшения отношений с местным населением. Паша отменил некоторые особо обременительные поборы, уменьшил таможенные сборы в Джидде; он распределял деньги среди нуждающихся, производил ремонт священных памятников Мекки, делал подарки улемам и демонстративно проявлял свою набожность. Он приказал солдатам вести себя прилично, платить за взятые продукты. Отношение хиджазского населения к войскам пашы несколько изменилось в лучшую сторону. ⁴⁷

Но главное заключалось в том, что вновь возобновился хадж. Бедуины получили с сирийского каравана деньги, которые турецкие власти не платили им в течение 10 лет. Наплыв десятков тысяч паломников вновь восстановил умеренное процветание жителей хиджазских

---

⁴⁵ G. Finati, *Narrative...*, vol. 1, pp. 226—232; F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, pp. 17—19; J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, pp. 274—277; Ибн Баттута, ч. 1, стр. 177.

⁴⁶ J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, pp. 252, 278, 280—284, 290—294, 303—305; F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, pp. 26—29.

⁴⁷ Ахмед Дахлан, *Хуласат аль-калям*, стр. 300.

гополов⁴⁸. Поэтому даже монополия на продажу хлеба, установленная Мухаммедом Али, и насильственное введение обесцененных египетских пиастров не могли резко ухудшить их благосостояние⁴⁹.

На руку египетскому правителю сыграла смерть дерийского имама Саула, наступившая весной 1814 г.⁵⁰. Таланты Сауда как полководца и государственного деятеля были общепризнаны. Недждийский и другие историки, европейские путешественники отмечали и личные достоинства дерийского правителя.

Ибн Бишр не жалеет слов для его восхваления и рисует канонизированный во многих преданиях и арабской литературе образ идеального правителя. Его любили подданные. Он хорошо знал Коран и хадисы благодаря долгому учению у Ибн Абд аль-Ваххаба. Он боролся за ислам и доблестно вел войну [джихад]. Он писал советы подданным, в которых изумлял всех знанием богословия, подтверждал свои мысли изречениями из Корана, хадисов, ссылками на известных богословов. Он призывал не совершать всех запрещенных дел: прелюбодеяния, распространения сплетен, клеветы, ложных высказываний, ростовщических операций. Он был скромным, делал большие пожертвования, был прост в обращении со своими близкими. У него был блистательный ум. Он пользовался большой популярностью⁵¹.

Преувеличения здесь очевидны. Однако нет оснований считать, что отдельные черты Сауда, описанные Ибн Бишром, не были ему присущи. Возможно, они соответствовали действительности, аравийской действительности.

Исключение в этом вопросе — мнение Ж. Раймона и Л. Корансежа, которые пишут: «Сауд унаследовал могущество своего отца, но не его добродетели. Он не такой фанатик, это верно, но он гораздо больший дес-

---

⁴⁸ Там же: J. L. Burckhardt, *Travels in Arabia*, vol. 1, p. 82; vol. 2, p. 33; J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, pp. 286—287, 306.

⁴⁹ J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, p. 287; F. Mengin, *Histoire de l'Égypte...*, vol. 2, pp. 20, 27—29.

⁵⁰ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 176; Абд ар-Рахман ал-Джабарт, *Égypte под властью Мухаммада Али*, стр. 464; F. Mengin, *Histoire de l'Égypte...*, vol. 2, p. 20.

⁵¹ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 165—166.

пот»⁵². Сообщение И. Буркхардта об отдельных фактах вымогательства со стороны Сауда в известной мере подтверждает такой вывод, но не умаляет в целом высокой оценки дерийского правителя.

В составе владений Сауда Ибн Бишр называет Хасу, Катиф, Бахрейн, Оман, Вади Давасир, Хардж, Асир, Бишу, Ранью, Таиф и Хиджаз, Мекку, Медину, Янбо, Жебель-Шаммар и Джауф, Судайр, Касым, Вашм, Махмаль⁵³. Уже одно это перечисление говорит о том, что недждийский летописец не разграничивал строго различные районы и города ваххабитского государства по их значению. Поэтому рядом здесь оказались и целые провинции и некрупные города.

Ко времени смерти Сауда весь Хиджаз, Оман, Бахрейн, часть Тихамы были потеряны. Его сыну Абдаллаху досталось разрушающееся государство. Сломив некоторое сопротивление недовольных, он утвердился на троне и начал готовиться к продолжению войны с армией Мухаммеда Али. Большинство историков отмечают, что Абдаллах был храбрым воином, но по своему политическому чутью, гибкости и другим качествам государственного деятеля стоял ниже отца. Возможно, в этом есть доля истины. История осуждает лиц, терпящих поражение, как бесталанных, хотя зачастую обстоятельства бывают сильнее их.

Победа под Басалей и продвижение египтян в Асир. Политика Мухаммеда Али в Хиджазе начала приносить некоторые плоды. Он частично вернул расположение бедуинов.

Сообщение Ибн Бишра, что Абдаллах несколько раз нападал на хиджазские кочевые племена, верные паше, достаточно красноречиво. Дерийский имам вынужден был совершить карательный поход также на подразделение племен мутайр, которое начало проявлять при-

---

⁵² J. Raymond, *Les wahabys...*, p. 26; [L. A. Corancez], *Histoire des wahabis...*, p. 66.

⁵³ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 175. Население провинций под властью Саудилов автор «Блеска метеора...» (стр. 469—470) определяет в следующих цифрах: 300 тыс. жителей в Неджде, 400 тыс. — в Хиджазе и Тахаме, столько же — в Йемене, 200—300 тыс. — в «восточных областях» Йемена, 400 тыс. — в Хасе, Катифе, Катаре и на Бахрейне, кочевники в районе от Сирии до Медины насчитывали 400 тыс., население Омана — 200 тыс. Это первые сведения такого рода о населении Аравии.

знаки независимого поведения⁵⁴. В конце 1814 г. Мухаммед Али смог установить связи с Раджихом и уговорил его вернуться к нему на службу, заплатив шерифу огромную сумму и установив ежемесячное довольствие⁵⁵.

К этому времени в распоряжении паши уже было достаточно сил. И. Буркхардт численность войск Мухаммеда Али оценивал в 5 тыс. человек. Но Мухаммед Али считал, что у него было 20 тыс.⁵⁶. Видимо, истинная цифра лежит где-то посредине. И. Буркхардт не учитывал все вспомогательные силы и службы, без которых армия не может существовать, а паша приписывал к своей армии лиц, не имеющих к ней отношения.

В конце 1814 — начале 1815 г. ваххабиты сосредоточили у Басалья, недалеко от Турабы, огромную армию, которая, по мнению Ибн Бишра, насчитывала 30 тыс. человек, а по данным И. Буркхардта — 20 тыс. Более половины состава привел Сами ибн Шуайб из Асира. Во главе объединенных сил стоял брат Абдаллаха Фейсал. В январе 1815 г. произошло сражение, в котором войско Мухаммеда Али в союзе с бедуинами одержало победу. За каждую голову убитого противника Мухаммед Али платил 6 талеров. Паша отпраздновал победу, казнив в Мекке сотни пленных. Потери ваххабитов составили несколько тысяч человек.

Затем войсками паши были взяты Тураба, Ранья, Биша; после утомительного похода египтяне вышли на красноморское побережье и овладели Кунфузой. Асирский вождь Тами был выдан паше, послан в Египет, затем в Стамбул, где его казнили. Во главе бедуинов паша повсюду сажал покорных ему людей, т. е. переигрывал партию, начатую ваххабитами⁵⁷. В результате решительных действий Мухаммеда Али ваххабиты были разгромлены в Асире и в стратегически важных районах между Хиджазом, Недждом и Асиром.

---

⁵⁴ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 178.

⁵⁵ Абд ар-Рахман ал-Джабарт, *Египет под властью Мухаммеда Али*, стр. 483; Ахмед Дахлан, *Хуласат аль-калям*, стр. 300; J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, p. 286.

⁵⁶ J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, pp. 290—292.

⁵⁷ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 179—181; Абд ар-Рахман ал-Джабарт, *Египет под властью Мухаммеда Али*, стр. 487—491; Ахмед Дахлан, *Хуласат аль-калям*, стр. 298—301; F. Mengin, *Histoire de l'Égypte...*, vol. 2, pp. 30—32; J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, pp. 310—332.

Из Кунфузы паша направился в Медину, центр операций непосредственно против Неджда, которые пробовал осуществить Тусун. Через несколько месяцев он направился в Египет, откуда пришли сообщения о волнениях. Кроме того, после занятия союзниками Парижа и высылки Наполеона он опасался нового десанта англичан в Египте или нападения турок⁵⁸.

Вторжение Тусуна в Касым и перемирие с Абдаллахом. Первая попытка Тусуна проникнуть в Касым не увенчалась успехом. Узнав о появлении в Рассе Абдаллаха с большим войском, он повернул назад. Но в Касыме уже зрело недовольство властью ваххабитов. Знать Расса вступила в связь с Тусуном и обещала ему полное содействие, если он вторгнется в Касым. Тусун, действуя без промедления, с небольшим войском двинулся к Рассу и занял город. Здесь он разрушил часть укреплений, обложил население налогами и стал лагерем недалеко от города, обеспечивая снабжение армии продовольствием за счет местного населения. Регулярного снабжения из Медины он не смог наладить.

Абдаллах со своим войском находился в Анайзе. Ваххабиты совершали отдельные вылазки в сторону Рассы и перехватывали часть караванов из Медины. Так, отряд с подкреплениями во главе с Томасом Кейсом попал в засаду ваххабитов и был вырезан до последнего человека⁵⁹. Военные действия продолжались с переменным успехом несколько месяцев до лета 1815 г.⁶⁰.

Положение Тусуна было отчаянным. Мощный натиск ваххабитов мог бы кончиться для него разгромом. Ф. Манжен считает, что ваххабиты могли просто заморить его голодом. Но, видимо, Абдаллах опасался восстания касымцев у себя в тылу. Обе стороны желали мира. По мнению Ибн Бишра, начали прощупывать почву египтяне; по сообщению Ф. Манжена, первый шаг сделал Абдаллах. Перемирие было заключено на условиях, отражающих это неустойчивое равновесие сил.

---

⁵⁸ J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, pp. 338—339; J. L. Burckhardt, *Travels in Arabia*, vol. 1, pp. 133—136; M. Sabry, *L'Empire Egyptien...*, p. 48.

⁵⁹ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 181—182; F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, pp. 32—34; J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, pp. 339—343.

⁶⁰ Ахмед Дахлан, *Хуласат аль-калям*, стр. 301.

По соглашению военные действия прекращались. Армия Тусуна покидала Касым; египтяне отказывались от вмешательства в дела Неджда. Гарантировалась для всех свобода торговли и хаджа⁶¹. Эти данные о договоре сообщают как Ибн Бишр, так и И. Буркхардт. Но путешественник добавляет еще некоторые условия соглашения: все племена к востоку от Ханикийи должны были подчиняться Абдаллаху. Он сообщает также, что Абдаллах якобы согласился считать себя подданным султана. Об этом нет сведений ни у Ибн Бишра, ни у Ф. Манжена.

Посланники Абдаллаха прибыли вместе с Тусуном в Каир осенью 1815 г.⁶²

После ухода Тусуна Абдаллах начал «наводить порядок» в Касyme, смещая эмиров, проявивших колебания во время пребывания египетского отряда в Рассе или же прямо сотрудничавших с Тусуном. В качестве заложников в Дерийю были отправлены эмир Расса и некоторые другие знатные жители Касыма. Проводились большие работы по укреплению столицы государства Саудидов. В конце года Абдаллах собрал большое войско из Хасы, Вади Давасира, Джебель-Шаммара, Джауфа, касымцев и, как утверждает Ибн Бишр, даже оманцев и начал карательные экспедиции против изменивших ему бедуинов харб и мутайр. Бедуины рассеялись по пустыне, избегая столкновений.

Южнее — в районах Бишы, Турабы, Раньи, которые, по мнению И. Буркхардта, были исключены из действия соглашения между Абдаллахом и Тусуном, — продолжались столкновения ваххабитов с египетскими войсками⁶³.

Действия Абдаллаха вызывали недовольство в Касyme, не говоря уже о кочевниках, и Мухаммеду Али были направлены жалобы. В своей переписке с Абдаллахом каирский паша и его сын Тусун постоянно говорят о нарушениях ваххабитами условий договора⁶⁴.

---

⁶¹ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 182—183; J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, pp. 343—345; F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, pp. 34—48.

⁶² F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, p. 57; Абд ар-Рахман ал-Джабарт, *Египет под властью Мухаммада Али*, стр. 510—511.

⁶³ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 184—185; J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, pp. 346—356; F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, pp. 55—57.

⁶⁴ F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, pp. 56—57, 67—71.

С установлением контроля Египта над Хиджазом авторитет Мухаммеда Али в Османской империи необычайно возрос. В награду за успехи в Хиджазе паша начал требовать у Порты Сирию. Тем настоятельнее была для него задача укрепить положение в Хиджазе и в Аравии в целом, сокрушив до конца государство Саудидов⁶⁵. Без его окончательного разгрома Мухаммед Али не мог быть спокоен за обладание Хиджазом.

Завоевание Неджда Ибрагимом. Во главе экспедиции на этот раз был поставлен старший сын Мухаммеда Али — Ибрагим.

Сохранился анекдот, связанный с назначением Ибрагима главой новой экспедиции. Рассказывали, что Мухаммед Али перед началом кампании собрал в Каире своих министров и военачальников, чтобы обсудить с ними план военных действий. Затем Мухаммед Али указал на яблоко, помещенное в центре большого ковра, расстеленного в зале. «Тот из вас, — сказал он, — кто достанет яблоко и передаст его мне, не ступив ногой на ковер, возглавит войско». Приближенные паши легли на пол, но не смогли дотянуться до плода. Тогда сын паши Ибрагим, человек невысокого роста, подошел к коврику, свернул его, достал яблоко и передал отцу. Так он якобы дал понять Мухаммеду Али, что египетское войско под его началом будет свертывать «ковер» аравийских пустынь, обеспечивая свои коммуникации и хорошие отношения с местным населением⁶⁶.

Подобные принципы действительно легли в основу египетской политики в Аравии во время кампании Ибрагима. Он понимал, что без содействия бедуинов продвижение в глубь Аравии будет просто невозможным, и поставил задачей привлечь их на свою сторону. С этой целью Ибрагим отменил ваххабитский закят с бедуинов и за все услуги платил звонкой монетой. Расходы на кампанию были огромными, они требовали «сокровищ Креза и Хамана и эликсира Джабира ибн Хаййана»⁶⁷, — пишет аль-Джабарт. (Хаман — наместник фараона в древнем Египте, Ибн Хаййан — алхимик, якобы открывший элик-

---

⁶⁵ M. Sabry, *L'Empire Egyptien...*, pp. 44—46.

⁶⁶ Ibid., pp. 49—50.

⁶⁷ Абд ар-Рахман ал-Джабарт, *Египет под властью Мухаммеда Али*, стр. 638.

сир для превращения всех металлов в золото). Но так как подобного эликсира у Мухаммеда Али не было, то за победы Ибрагима расплачивались египетские феллахи. Ибрагим также знал, какую враждебную реакцию вызывали мародерство и распущенность его разноплеменных солдат в Хиджазе, и постарался произвести благоприятное впечатление на арабов набожностью, благородством, выполнением обещаний. Вплоть до разгрома Дерийи какие-либо насилия над местными жителями решительно пресекались. Он запретил в армии пьянство⁶⁸.

Тем временем государство Саудидов было значительно ослаблено. Проявляли недовольство и были готовы в любой момент изменить главные бедуинские племена. Почти полная приостановка притока награбленных богатств отталкивала от ваххабитов знать центральноарабских оазисов. Оседлое население роптало, измученное непрерывными полувековыми войнами и поборами. Авторитет Абдаллаха был уже не так высок, как авторитет его отца Сауда. Верной опорой Дерийи оставались повсеместно лишь ваххабитские улемы.

Египтяне не могли послать в Неджд многочисленное войско. Но их солдаты уже отличались от тех, которые шесть лет назад высадились в Хиджазе. Под командованием Ибрагима находились закаленные, дисциплинированные солдаты, обученные по европейским образцам. Они умели правильно вести осаду крепостей, строить редуты, защищающие от внезапных нападений, с немалым искусством применять артиллерию. У Ибрагима были наполеоновские инструкторы, европейские врачи⁶⁹.

Войско Абдаллаха оставалось тем же оазисным и племенным ополчением, что и раньше. По военной подготовке ваххабиты уступали египтянам. Они, правда, действовали в привычных климатических условиях, защищали на этот раз родные дома, пальмовые рощи и поля, но их «недждийский патриотизм» не был силен, а к Саудидам они питали в тот момент противоречивые, если не враждебные чувства.

Абдаллах, видимо, понимал сложность своего положе-

---

⁶⁸ G. F. Sadlier, *Account...*, p. 484; F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, pp. 77—82; M. Sabry, *L'Empire Egyptien...*, p. 49.

⁶⁹ J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, pp. 356—357.

ния. Он намеревался разгромить египтян в открытом бою, а в случае неудачи заставить их осаждать один укрепленный оазис за другим, отступая в Центральный Неджд. Трудности кампании в самом центре Аравии, далеко от баз снабжения, могли заставить египтян отказаться от намерения завоевать Неджд.

Осенью 1816 г. Ибрагим прибыл в Медину со значительными силами. Новые войска, продовольствие и снаряжение поступали к нему из Египта. Ибрагим привлек к себе на службу племена в окрестностях Медины и начал медленное продвижение в Неджд. Заняв Ханикийю, он создал в ней укрепленный лагерь. Он приглашал сюда вождей соседних племен, преподносил им подарки и демонстрировал мощь своей армии. В это время из Стамбула пришло сообщение о назначении его трехбунчужным пашой. Это могло польстить его самолюбию, но не означало какой-либо поддержки. Влияние Порты на аравийские дела в целом ограничивалось лишь показными жестами.

Положение египтян было нелегким. Еще не начав военных действий, Ибрагим терял солдат от болезней. В начале 1817 г. он сделал попытку добраться до Рассы, но вернулся назад⁷⁰.

Тем временем от Абдаллаха одно за другим откалывались кочевые племена. В частности, вождь мутайр Фейсал ад-Давиш явился к Ибрагиму и предложил свои услуги в обмен на будущее назначение эмиром Дерийи. Абдаллах прибыл в Касым, двинулся против египтян, но потерпел поражение. Много ваххабитов было убито, их уши отрублены и посланы в Каир. Спустя два года по дороге из Рассы в Медину Дж. Сэдльер видел много захороненных скелетов. Несколько новых атак ваххабитских отрядов на армию Ибрагима были отбиты при помощи артиллерии⁷¹.

Летом 1817 г. Ибрагим подошел к Рассе и начал осаду, которая продолжалась несколько месяцев. Осажденные доблестно защищались. Ни недждийский летописец,

---

⁷⁰ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 185—186; Абд ар-Рахман ал-Джабарт, *Египет под властью Мухаммада Али*, стр. 608; F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, pp. 77—95; J. L. Burckhardt, *Notes on the Bedouins...*, vol. 2, p. 356; G. F. Sadlier, *Account...*, pp. 484—486.

⁷¹ G. F. Sadlier, *Account...*, pp. 484—486; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 186—187.

ни европейские историки не сообщают, какой гарнизон был в городе. Но по ожесточенности сражения можно предположить, что Абдаллах, понимая стратегическое значение Расса, оставил там лучшее, что у него было под рукой. Во всяком случае, во время долгой осады Расса он находился недалеко от города, не в состоянии ему действительно помочь. Лишь два ваххабитских каравана пробились в город.

Потери Ибрагима дошли до трех с половиной тысяч человек. Осада проходила в разгар лета, что усугубляло трудности армии Ибрагима. Но на его стороне была артиллерия, разнообразная осадная техника, умелое руководство. И самое главное — к нему беспрепятственно прибывали подкрепления. Пути снабжения Абдаллах перерезать не смог. Ибн Бишр даже не сообщает ничего о его попытках действовать в этом направлении. Сказывалось египетское золото, расточавшееся Ибрагимом, и отмена zakat'a с бедуинов.

В октябре Расса капитулировал на почетных условиях. Весь оставшийся ваххабитский гарнизон проследовал с оружием в руках к Абдаллаху⁷². По сообщению Дж. Сэдлера, судьба Расса была несколько иной: город не капитулировал, а обещал присоединиться к египтянам лишь после завоевания ими Анайзы⁷³.

Во главе обороны Анайзы стояли близкие родственники дерийского имама. Ваххабитский гарнизон был хорошо снабжен провизией и амуницией. Но после нескольких дней осады город был взят; отдельные форты еще оказывали сопротивление, затем после взрыва порохового склада в крепости гарнизон капитулировал на почетных условиях. Ваххабитские воины с оружием в руках ушли к Абдаллаху⁷⁴.

Ваххабитский имам больше не пытался оказать сопротивление армии Ибрагима в открытом поле. Возможно, он еще надеялся истощить его, заставив последовательно осаждать один оазис за другим. Но за спиной Ибрагима была вся мощь Египта. Его наступление было медленным, но неотвратимым. После Анайзы капиту-

⁷² Ибн Бишр, ч. 1, стр. 187—188; F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, pp. 98—104.

⁷³ G. F. Sadlier, *Account...*, p. 486.

⁷⁴ F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, p. 105; G. F. Sadlier, *Account...*, p. 486; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 188.

лировала Бурайда, и весь Касым к концу 1817 г. заявил о покорности Ибрагиму⁷⁵. Паша писал отцу, что Худжайлна, престарелого эмира Бурайды, и Абдаллаха ненавидело все население провинции⁷⁶.

Абдаллах сначала отступил в Шакру, где шло быстрое строительство оборонительных сооружений, а затем в Дерийю.

В Бурайде Ибрагим оставался примерно два месяца, получая подкрепления. Затем он двинулся к Шакре. Ф. Манжен называет очень малую численность войска Ибрагима — тысяча солдат. Видимо, эта цифра явно преуменьшена. Потом он говорит о 4500 солдатах, хотя не уточняет, входили ли в это число бедуины. Остается фактом, что покорение Неджда Ибрагим осуществлял сравнительно малыми силами. Зато с ним в походе на Шакру принимали участие бедуины из племен мутайр, харб, атайба, бану халид. Это были кочевники, в последнюю очередь подчинившиеся ваххабитам и первыми отколовшиеся от них. Ибн Бишр с горечью пишет, что вместе с Ибрагимом шли многие вожди племен и знать оазисов Неджда в расчете на добычу и будущую независимость, но после падения Дерийи они жестоко разочаровались⁷⁷. Когда Ибрагим покидал какой-нибудь занятый город, он предварительно разрушал все укрепления и забирал с собой заложников. Его тыл был спокойным⁷⁸.

В январе армия Ибрагима прибыла под Шакру. После артиллерийского обстрела начался штурм города, но нападавшие были отброшены. Снова повторился артиллерийский обстрел. Через несколько дней Шакра пала. Ее разоруженный гарнизон был отпущен, но с обещанием не принимать участия в войне. В руках Ибрагима оказался весь Вашм⁷⁹. Затем практически без боя был занят Судайр с Маджмаа; Хураймиля и Махмаль заявили о покорности⁸⁰.

Из Шакры Ибрагим двинулся на Дурму, которую

---

⁷⁵ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 188—189; F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, pp. 106—107.

⁷⁶ M. Sabry, *L'Empire Egyptien...*, p. 52.

⁷⁷ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 197.

⁷⁸ F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, pp. 107—111.

⁷⁹ Ibid., pp. 111—112; G. F. Sadlier, *Account...*, pp. 487—488; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 189—191.

⁸⁰ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 190—192.

обороняли стойкие бойцы из Харджа. Паша начал регулярную осаду, применял артиллерию и осадную технику, однако не смог вынудить гарнизон на капитуляцию. Ваххабиты мужественно отбивали атаки его войска. Но силы были неравны. Солдаты Ибрагима ворвались в город и учинили страшную расправу над его жителями в наказание за сопротивление. У убитых, как обычно, отрезали уши и послали в Каир в качестве свидетельства военных успехов. Город был начисто разграблен. Это произошло в феврале — марте 1818 г.⁸¹ Путь на Дерийю был открыт.

Падение Дерийи. В апреле наступил последний акт трагедии государства Саудидов. Началась битва за Дерийю. Хотя оазисы и города Неджда один за другим попадали в руки завоевателя, в каждом из них находились убежденные ваххабиты, которые отвергали самую мысль мирно сожительствовать с «многобожниками». Они стекались в Дерийю для участия в последней битве. Сюда собрались все, для кого ваххабизм и преданность дому Саудидов были делом жизни.

Против египетского войска стояли отряды из Дерийи и других центральноаравийских оазисов. Ими командовали три брата Абдаллаха — Фейсал, Ибрагим и Фахд. В Дерийе находились контингенты из Манфухи во главе с мужественным ваххабитским военачальником Абдаллахом ибн Мазру, а также подразделения из Харики, Судайра. Мелкие опорные пункты оборонялись стариками из населения Дерийи. Отдельными подразделениями командовали члены дома Саудидов, члены семьи Муаммаров, другие видные военачальники⁸².

В распоряжении пашы было около 2 тыс. кавалеристов, 4300 арнаутов и турецких солдат, 1300 магрибинских кавалеристов, 150 артиллеристов, с ними полтора десятка различных пушек, а также 20 оружейных техников и 11 минеров⁸³.

Дерийский оазис узкой лентой протянулся вдоль течения Вади Ханифа на несколько километров. Сам город и оазис состояли из нескольких селений, слившихся воедино. Над местностью возвышалась цитадель Турайф

⁸¹ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 192—194; G. F. Sadlier, *Account...*, p. 488; F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, pp. 115—117.

⁸² Ибн Бишр, ч. 1, стр. 194—195.

⁸³ G. F. Sadlier, *Account...*, p. 488.

с мечетью и различными пристройками. С одной стороны она была защищена высокой скалой, с другой — каналом.

Ибрагим начал наступление вдоль вادي, намереваясь продвигаться шаг за шагом. После первых схваток с противником колеблющиеся покинули Абдаллаха и перебежали к Ибрагиму, сообщив ему сведения об укрепленных районах и положении в городе. Египетское войско медленно продвигалось вдоль вادي, занимая бастион за бастионом. Превосходство египтян в артиллерии позволяло разрушать укрепления ваххабитов, а от внезапных атак наступавшие защищались, строя здесь, как и раньше, редуты по европейскому образцу. Лишь один момент казалось, что ваххабиты смогут вырвать победу: у Ибрагима был взорван главный пороховой погреб; ваххабиты устремились в атаку, но их наступление захлебнулось.

Постоянный подвоз продовольствия, боеприпасов, подкреплений к Ибрагиму обеспечивал успех его медленного продвижения. Снабжение его войска осуществлялось не только из Медины. К нему прибыл также караван с продовольствием, посланный багдадским пашой. Больных и раненых из войска Ибрагима отправляли в госпиталь, устроенный в Шакре. Там они не умирали, как обычно, а иногда выздоравливали и возвращались в строй. Ибрагим заставлял присоединившихся к нему эмиров присылать под Дерийю солдат, которые сражались под его знаменами. На место убитых солдат Ибрагима становились новые, а ряды защитников Дерийи редели. Сказывалась также нехватка продовольствия в оазисе⁸⁴.

Положение ваххабитов становилось безнадежным. Участились случаи дезертирства. В начале сентября начался общий штурм города. Абдаллах и часть его родственников укрылись в цитадели Турайф. 9 сентября, зная, что все потеряно, Абдаллах решил на переговоры. Его дядя Абдаллах ибн Абд аль-Азиз и Али, сын вероучителя, а также Мухаммед ибн Мишари ибн Муаммар направились к Ибрагиму. Ибрагим потребовал пол-

---

⁸⁴ F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, pp. 118—131; G. F. Sadlier, *Account...*, p. 488; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 196—203; Абд ар-Рахман ал-Джабарт, *Египет под властью Мухаммада Али*, стр. 634; Ахмед Дахлан, *Хуласат аль-калям*, стр. 302.

ной капитуляции. Посланники Абдаллаха договорились о почетных условиях капитуляции для еще сопротивлявшихся жителей Дерийского оазиса. Еще два дня Абдаллах и его воины, засевшие в крепости, храбро сражались. Ибрагим подтянул сюда всю артиллерию, и 11 сентября Абдаллах сдался.

Шесть месяцев ожесточенных боев окончились⁸⁵. Во время сражения Саудида потеряли примерно два десятка близких родственников имама, в том числе его трех братьев. Общие потери ваххабитов Ибн Бишр оценивает странно низкой цифрой в 1300 человек, а потери Ибрагима под Дерией—примерно в 10 тыс.⁸⁶. В реляции в Каир и Стамбул Ибрагим сообщал, что ваххабиты потеряли 14 тыс. убитыми, 6 тыс. пленными, в число трофеев попало также 60 пушек⁸⁷.

В честь взятия Дерии в Каире в октябре 1818 г. состоялись празднества с фейерверками, гуляньями, пальбой из пушек⁸⁸. Вслед за этим, «узнав о поражении врагов мусульманской религии, султан выразил свое глубокое удовлетворение»⁸⁹.

Абдаллах был направлен через Каир в Стамбул, куда его привезли вместе с двумя приближенными в начале декабря. Вот как описывается их конец в донесении российского посольства из Константинополя: «Ваххабитский вождь, его министр и его имам, плененные в Дерию и недавно привезенные в столицу, были обезглавлены на прошлой неделе. Чтобы придать больше помпы триумфу над ожесточенными врагами городов, которые являются колыбелью исламизма, султан приказал в этот день со-

---

⁸⁵ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 206—207. Судя по подробнейшим деталям многомесячного сражения под Дерией, приведенным у неждидийского летописца, он или сам находился в то время в столице, или же собирал сведения об этом событии у широкого круга лиц. Дату капитуляции Абдаллаха Ф. Манжен относит на 9 сентября (F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, pp. 139—140). Это подтверждает Ибн Бишр, так как египтяне могли именно эту дату капитуляции города считать днем победы. Дж. Сэдлер называет 4 сентября (G. F. Sadlier, *Account...*, p. 488), а М. Сабри на основе неизвестных нам источников дает 15 сентября (M. Sabry, *l'Empire Egyptien...*, p. 55).

⁸⁶ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 207.

⁸⁷ АВПР, ф. «Канцелярия», 1818, д. 2321, л. 439.

⁸⁸ Абд ар-Рахман ал-Джабарт, *Egypte под властью Мухаммада Али*, стр. 636—637.

⁸⁹ АВПР, ф. «Канцелярия», 1818, д. 2321, л. 435.

брать режяб (ассамблею первых лиц империи) в старом дворце столицы. Сюда привели трех пленников, закованных в тяжелые цепи, в сопровождении толпы зевак. После церемонии режяба султан приказал их казнить. Вождь был обезглавлен перед главными воротами св. Софии, министр — перед входом в Сераль, а третий — на одном из главных базаров столицы. Их тела были выставлены с головами под мышкой, как то положено мусульманам. Через три дня их выбросили в море.

Его величество приказал совершить всенародную молитву, чтобы возблагодарить небо за победу султанского оружия и за уничтожение секты, которая опустошила Мекку и Медину и подвергла страху и опасности мусульманских паломников. Были выпущены на свободу все несостоятельные должники, и правительство должно было удовлетворить их кредиторов, которым заплатят за счет его величества. По его приказу большие суммы денег были розданы в мечетях и медресе (школах), чтобы возблагодарить небо за ниспосланную милость...

Несмотря на этот взрыв радости, разгром ваххабитов нельзя считать окончательным. Прямые сведения из Египта, сообщая об успехе армии паши, добавляют, что сильные подкрепления, посланные в Аравию до победы в Дерийе, ни в коем случае не отзываются и что, таким образом, возросшая армия будет преследовать остатки ваххабитов до завоевания всей их территории»⁹⁰.

Египетская политика в Аравии после разгрома ваххабитов. К семейству Саудидов Ибрагим еще проявлял уважение. Но ненависть его солдат к членам семьи Ибн Абд аль-Ваххаба была безграничной. Некоторых из них расстреляли из ружей, других привязывали к жерлам пушек и разносили выстрелами на куски. Третью пытали, выбивали зубы, издевались над их религиозными чувствами, заставляя слушать игру на гитаре. Ф. Манжен, правда, сообщает, будто потом несколько улемов после пыток были облагодетельствованы Ибрагимом и он взял их в качестве учителей своих мамлюков⁹¹.

Затем несколько десятков членов семьи Саудидов, семьи вероучителя, представители дерийской знати были

---

⁹⁰ Там же, лл. 479—480.

⁹¹ F. Mengin, *Histoire de l'Égypte...*, vol. 2, p. 136; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 210, 212—213.

высланы на жительство в Египет. Некоторым из них, однако, удалось бежать.

После падения Дерийи отдельные очаги сопротивления в Неджде были подавлены. Воспользовавшись гибелью государства Саудидов, несколько наследников семейства Арайаров захватили власть в Хасе. Ибрагим послал войско в Хасу, которое изгнало Арайаров, захватило все имущество дома Саудидов, беспощадно разграбило оазисы. Но багдадский паша Дауд добился эвакуации из Хасы войск каирского паши⁹².

Мухаммед Али послал Ибрагиму приказ сровнять с землей некогда цветущую столицу ваххабитского государства. Приказ был выполнен. Перед тем как сделать это, египтяне вымогали деньги у ее жителей и беспощадно их грабили. Фейсал ад-Давиш, увидев, как рухнули его планы стать эмиром Дерийи, покинул Ибрагима и откочевал из Неджда⁹³.

Англия, которая с недовольством наблюдала за ростом могущества ваххабитского государства и неоднократно вступала с ним в вооруженные столкновения, решила воспользоваться экспедицией Ибрагима в Центральную Аравию для достижения собственных целей. Трехтысячный десант был высажен с английской эскадры в Катифе. Отсюда капитан Дж. Сэдльер был послан на встречу с Ибрагимом, но тот в середине 1819 г. уже покинул Неджд и направился в Медину. Капитан Дж. Сэдльер пересек с востока на запад всю Аравию и, в частности, посетил развалины Дерийи. Совместные действия против ваххабитов, предложенные им Ибрагиму, уже не имели смысла. Египет, придерживавшийся антианглийской ориентации, вообще не стремился к сотрудничеству с Англией. После консультации с отцом Ибрагим отверг предложение англичан и осенью 1819 г. выслал Дж. Сэдльера из Джидды. Вскоре английский экспедиционный отряд, потеряв много солдат в результате болезней, эвакуировал Катиф⁹⁴.

Завоевав Неджд, египтяне перестали уже церемонить-

---

⁹² Ибн Санад, *Тарих Багдад*, стр. 50; Ибн Бишр, ч. 1, стр. 212—213.

⁹³ Ибн Бишр, ч. 1, стр. 213; F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, pp. 151, 158—162.

⁹⁴ F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, pp. 160—162; G. F. Sadlier, *Account...*

ся с местными жителями. Начались повальные грабежи и насилия. Недждийские города и оазисы были обложены налогами на содержание египетской армии. Египтяне спешили переложить на плечи недждийцев часть своих расходов, так как бремя аравийской кампании для Египта становилось слишком тяжелым. Ибрагим скоро убедился, что доходы со страны не могли обеспечить расходов на оккупацию, и решил эвакуировать большую часть войск. Египтяне в этом районе стремились прежде всего к контролю над бассейном Красного моря, а не над Центральной Аравией. Они сосредоточили войска в райсне Расса

Перед уходом они повсеместно разрушали все крепости, оборонительные сооружения в Центральной Аравии, угоняли стада. Вследствие уничтожения палм, разорения полей, гибели части мужского населения, нарушения деятельности налаженного аппарата государства Саудидов в Неджде начался голод. Дж. Сэдльер писал, например, о Манфухе: «Ее жители в то время были в более жалком состоянии, чем когда-либо в прошлом со времени установления власти ваххабитов. Стены оазиса, главная защита их собственности, были сровнены с землей, годичный урожай забрали турки, и здесь нельзя было купить ни пшеницы, ни ячменя. В деревнях не осталось ни единой лошади»⁹⁵.

Племенные и местнические разногласия возродились при открытом или косвенном попустительстве новых хозяев, начались взаимные набеги и междоусобица. Караванные пути стали опасными, и торговля сократилась. Даже в городах жители не решались выходить на улицу без оружия. Создавалось впечатление, что политика египтян состояла в том, чтобы погрузить Центральную Аравию в состояние хаоса, упадка, разорения и уничтожить возможности ее возрождения⁹⁶.

---

⁹⁵ G. F. Sadlier, *Account...*, p. 469.

⁹⁶ Ибн Бишр. ч. 1, стр. 210, 212—217; F. Mengin, *Histoire de l'Egypte...*, vol. 2, pp. 158—159.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После сокрушительного разгрома государство Саудитов лежало в развалинах. Перестал действовать важнейший фактор централизации — военная мощь государства, его административная машина. Ослабла прежде крепкая хватка религиозной дисциплины, ваххабитской доктрины. Развязанные в результате разгрома ваххабитов силы децентрализации, казалось, разнесли по кусочкам прежнее объединение. Оставшиеся египетские части действовали не как позитивный фактор централизации и порядка, а лишь как орудие разрушения, грабежа, вымогательств.

Процесс углубления классового деления в рамках аравийского централизованного государства был прерван. Долголетние войны Саудитов истощили незначительные ресурсы Центральной Аравии, а вторжение египетской армии и разорение Неджда отбросили назад производительные силы.

Но, используя для разгрома ваххабитов силы феодально-племенной анархии и децентрализации, египтяне после победы оказались не в состоянии совладать с этими самыми силами. Выпустив джинна из бутылки, они больше не могли его загнать обратно. Поддержание контроля над Недждом, постоянная борьба против восстаний, вспыхивавших то там, то здесь, нападения кочевых племен делали для них практически невозможной постоянную оккупацию Центральной Аравии. Это одна сторона дела. Но была еще и вторая.

Политика Саудитов действительно создавала как объективные, так и субъективные причины для недовольства самых различных групп аравийского населения. По-

сле же ликвидации объединенного государства исчезли не только его отрицательные стороны, но и многие положительные. И можно понять неждидских земледельцев, купцов и ремесленников, которые с тоской вспоминали прежние времена стабильности, безопасности личности, собственности и дохода. Успешные войны Саудидов и их богатейшая военная добыча оставили ореол вокруг их деятельности в глазах неждидской знати, проявлявшейся второстепенными разбойничьими набегами и грабежом соседей. Уцелевшие ваххабитские богословы поддерживали воспоминания о былой славе государства Саудидов.

Одновременно с феодально-племенной междоусобицей действовало течение консолидации, объединения Неджда с целью изгнания чужеземных оккупантов, восстановления благоприятных условий для жизни и хозяйственной деятельности. Последующее развитие событий показало, что существование мелких и мельчайших оазисов-государств в принципе изжило себя. Буквально через несколько лет после крушения Дерийского эмирата массовое народное движение против иностранной оккупации привело к восстановлению государства Саудидов со столицей в Рияде. Его эмиром стал Турки, представитель боковой ветви Саудидов. Турки сменил Фейсал.

Государство Саудидов было восстановлено в общем на той же самой основе, что и раньше: объединение оседлых феодалов для совместной военной экспансии, присоединение к ним с этими же целями части кочевой аристократии, организованное и упорядоченное подавление своего населения и его эксплуатация, создание нормальных условий для сельскохозяйственного производства и торговли, укрощение хищного нрава бедуинов. По-прежнему проявлялась тенденция преобладания оседлого населения в общественно-политической жизни, хотя с военной силой бедуинов и надо было считаться.

Будучи продуктом действия тех же общественно-политических тенденций, которые создали первое государство Саудидов, ваххабитский Риядский эмират унаследовал все его слабости и недостатки в увеличенных масштабах. Развитие нового государства оказалось недолговечным и незавершенным. В 1838 г. новая египетская экспедиция во главе с Хуршид-пашой нанесла поражение ваххабитам. Фейсал попал в плен.

На этот раз господство египтян над Недждом было еще менее продолжительным как из-за сопротивления недждийцев, так и по внешнеполитическим обстоятельствам (Восточный кризис и выступление европейских держав против Мухаммеда Али). Из египетского плена бежал риядский эмир Фейсал. Возможно, Мухаммед Али его специально выпустил в Аравию: передавая Хиджаз туркам, он хотел рядом с турецкими владениями в Аравии восстановить враждебное им государство ваххабитов, что наверняка ослабляло бы позиции Порты на Аравийском полуострове.

С помощью хаильского эмира Фейсал вернул себе Рияд, захваченный к тому времени его соперниками. Новый эмират Саудидов достиг максимума расширения в 50-х годах и охватил Центральную и Восточную Аравию и часть Омана.

Устойчивость Риядского эмирата подтачивали постоянные восстания в Касыме, возвышение прежнего вассала — Джебель-Шаммара со столицей в Хаиле, все усиливавшаяся экспансия Англии в княжествах Персидского залива и в Омани. К этому добавилась внутридинастическая борьба в семействе эмира после смерти Фейсала. В результате в 80-х годах прошлого столетия эмират Саудидов был ослаблен, разгромлен и поглощен эмиратом Рашидидов — Джебель-Шаммаром. Хаильский эмират был создан на тех же основах, что и прежние эмираты Саудидов, хотя и отличался большей религиозной терпимостью.

Уже в 1902 г. один из Саудидов — Абд аль-Азиз II — смог вновь захватить Рияд и Центральный Неджд, который послужил ядром для образования нынешней Саудовской Аравии. Но на этот раз вместе с еще живыми тенденциями, которые привели к созданию эмиратов Саудидов и Рашидидов прежних дней, начали действовать все умножающиеся факторы современного происхождения — изменялась экономическая база государства, развивалось его классовое содержание, появились принесенные извне технические средства централизации (радио, самолет и т. п.), изменилась международная обстановка; Саудовская Аравия поднялась на волне национально-освободительного движения.

Ваххабитское движение даже периода XVIII—XIX вв. на фоне упадка Османской империи показало, какие си-

лы таятся в аравийском обществе, пусть на средневековой базе, пусть в условиях отсталости. Это было психологически важным фактором для арабского национального движения, особенно в первые десятилетия XX в., когда Абд аль-Азиз II вел объединительные войны. В результате в арабском мире, исполосованном после первой мировой войны вдоль и поперек границами владений европейских империалистических держав, появилось довольно крупное самостоятельное арабское государство. Для национально-освободительного движения арабов это имело немалое значение. Речь, конечно, не идет здесь ни о дальнейшей судьбе Саудовской Аравии, ни о ее двойственной, часто реакционной роли в ближневосточных делах, ни о ее внутренней феодально-деспотической структуре.

Если рассмотреть ваххабизм с точки зрения эволюции ислама, то его роль опять-таки будет двойкой. Ваххабизм действительно боролся со средневековым исламом, с наслоениями, которые внесли в мусульманство средневековое богословие и религиозная практика. Но он вел борьбу против этого с позиции общества, которое еще не дошло до уровня средневекового феодального общества развитых стран Ближнего и Среднего Востока. «Очищая» ислам от средневековых наслоений, ваххабизм приводил его в большее соответствие с потребностями аравийского общества и уровнем его развития. Однако, замахнувшись на средневековую мусульманскую догматику и нанеся ей ощутимый удар, ваххабизм тем самым облегчил деятельность различных реформаторов ислама, которые попытались приспособить его к условиям современности, — как сектантов (например, бабиды), так и деятелей ортодоксального суннизма — от Джамала ад-Дина аль-Афгани до Мухаммеда Абдо и мусульманских реформаторов, группировавшихся вокруг журнала «Аль-Манар». В атаке на средневековых схоластов реформаторы и ваххабиты выступали нередко единым фронтом, хотя и с разных флангов.

В конце 20 — начале 30-х годов нашего века ваххабизм смыкался с левым крылом мусульманства еще в одном вопросе. Национально-освободительную борьбу против колонизаторов вели в арабских странах народные массы, отнюдь не порвавшие с исламом. Антиимпериалистические настроения поэтому были распространены и

среди части мусульманских служителей культа. Ваххабизм как идеология государства, яростно отстаивавшего независимость, вызывал у них симпатии.

Во внутригосударственном плане ваххабизм остается идеологией феодального класса и служит интересам феодально-деспотической власти.

Учение Ибн Абд аль-Ваххаба, казавшееся чисто арабийским феноменом, неожиданно нашло много последователей в странах, отделенных тысячами километров от Аравии. Его распространяли паломники, которые побывали в Мекке в начале XIX в. Такие призывы ваххабитов, как осуждение идолопоклонничества, культа святых, замаскированное под борьбу против беда, священная война против «многобожников» и «неверных», сочетание классовых и эгалитаристских лозунгов, находили почву в странах с различной общественной и политической структурой, соответствующим образом преломлялись; приспособлялись, трансформировались. Ваххабизм проник и в Индию, и в Индонезию, и в Африку.

Некоторые ваххабитские идеи использовал индийский мусульманский проповедник и политический деятель Сеид Ахмед Барелви, последователь известного мусульманского мыслителя Валиуллы-шаха. Проповедническая деятельность Сеида Ахмеда развернулась еще в первые годы XIX в. В начале 20-х годов он посетил Мекку, где обнаружилось, что его взгляды по многим внешним признакам совпадают с ваххабитским учением. Вернувшись в Индию, он сделал своей резиденцией Патну, занялся пропагандой. Со всей Индии к нему стекались толпы приверженцев. Их число умножилось после посещения Сеидом Ахмедом Бомбея и Калькутты. Приспособленные к местным условиям, ваххабитские призывы находили отклик среди индийских мусульман. Вся страна была условно разбита ваххабитами на районы, и в каждый из них Сеид Ахмед назначал своих доверенных лиц.

В 1824 г. Сеид Ахмед провозгласил джихад против неверных и затем, в 1826 г., войско ваххабитов вторглось в Пенджаб и начало громить сикхов. К 1830 г. ваххабиты заняли Пешавар, создали свое государство, даже начали чеканить монеты с именем Сеида Ахмеда. Но в следующем году имам ваххабитов был убит. Его последователи активизировали выступления в мусульманских районах Индии, особенно на севере и в Восточной Бенга-

лии, и объявили священную войну английским колонизаторам.

«Обещая верующим избавление или рай, проповедники-бунтовщики подогрели до воспламенения ненависть к англичанам, которую питали некоторые индийские мусульмане. Этой ненавистью дышала каждая молитва. Так политика подчинила себе религию, и введенных в заблуждение людей заставили верить, что они будут служить богу, восставая против британского правительства»¹, — с горечью писал английский автор XIX в.

Борьба ваххабитов против английского господства была существенным вкладом в антиколониальное движение индийского народа. То затухая, то вновь усиливаясь, она продолжалась несколько десятилетий. Известна большая роль ваххабитов в народном восстании 1857—1859 гг. против колонизаторов².

Дольше всего отбивал атаки колониальных войск ваххабитский центр в Ситтане, на северной границе. Англичане послали против него 20 карательных экспедиций, в которых участвовало 60 тыс. солдат регулярной армии. Лишь к 1863 г. Ситтан был разгромлен. Но деятельность ваххабитов продолжалась и после этого.

Английские власти считали ваххабитов, «постоянно находившихся в состоянии мятежа, группой... которая, по мнению всех сменявшихся правительств, была источником постоянной опасности для Индийской империи»³, — писал английский историк У. Хантер.

Ваххабизм вдохновил на реформаторскую деятельность некоторых индонезийских паломников, посетивших Мекку в первом десятилетии XIX в. На Суматре началось религиозно-политическое движение, которое использовало ряд ваххабитских лозунгов. Сначала оно было направлено против местных немусульман, затем приняло антиголландский характер. В течение полутора десятков лет начиная с 1821 г. голландские колонизаторы вели войну против ваххабитов Суматры.

Некоторые исследователи считают, что и на движение

---

¹ E. Rehatsek, *The history of the Wahhabys...*, p. 361.

² См.: К. М. Ашраф, *Представители мусульманского, Возрождения и события 1857 г.*

³ Цит. по: К. М. Ашраф, *Представители мусульманского Возрождения и события 1857 г.*, стр. 145.

Османа даи Фодио в Западном Судане в начале XIX в., которое привело к образованию обширного государства Сокото, и на сенуситов Ливии также в какой-то степени оказывал влияние ваххабизм ⁴.

* * *

Такова судьба ваххабизма, религиозной доктрины и социально-политического течения, родившегося в довольно примитивном обществе Аравии XVIII в. в далекую от нас эпоху. Он дожил до наших дней и остается живым участником современной идеологической и политической борьбы. Изучение его корней и ранней истории может помочь глубже понять его место и значение в жизни Ближнего и Среднего Востока.

---

⁴ Мухаммед Абдаллах Мады, *Ан-нахдат аль-хадиса*, ч. 1, стр. 62—68.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Абд ар-Рахман ал-Джабарти, *Египет под властью Мухаммада Али (1806—1821)*, М., 1963.
- Адамов А., *Ирак арабский. Бассорский вилайет в его прошлом и настоящем*, СПб., 1912.
- Архив внешней политики России, ф. «Канцелярия», 1800—1818 гг.
- Ашраф К. М., *Представители мусульманского Возрождения и события 1857 г.*, — сб. «Народное восстание в Индии 1857—1859 гг.», М., 1957.
- Базили К. М., *Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях*, М., 1962.
- Бартольд В. В., *История изучения Востока в Европе и России*, Л., 1925.
- Беляев Е. А., *Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье*, М., 1965.
- Васильев А. М., *Идеология раннего ваххабизма*, — «Народы Азии и Африки», 1965, № 6.
- Васильев А. М., *Первое государство Саудидов в Аравии*, — сб. «Арабские страны. История. Экономика», М., 1966.
- «Вестник Европы», 1803, ч. IX, стр. 68—69; 1819, № 7, стр. 217—228; № 8, стр. 303—315.
- [Волней К. Ф.], *Путешествие Волней в Сирию и Египет, бывшее в 1783, 1784 и 1785 годах*, ч. 1—2, М., 1791—1793.
- [Давлетшин], *Отчет штабс-капитана Давлетшина о командировке в Хиджаз*, СПб., 1899.
- Крымский А., *История арабов и арабской литературы*, ч. 1—2, М., 1911—1912.
- Луцкий В. Б., *Новая история арабских стран*, М., 1965.
- Миллер А. Ф., *Мустафа-паша Байрактар. Османская империя в начале XIX в.*, М.—Л., 1947.
- «О секте ваабиев, отпавших от магометанства», — «Журнал различных предметов словесности», 1805, т. 2, № 1, стр. 18—34; № 2, стр. 24—44.
- Першиц А. И., *Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX — первой трети XX в.*, М., 1961.
- Прошин Н. И., *Саудовская Аравия*, М., 1964.
- Ралли А., *Мекка в описаниях европейцев*, Ташкент, 1913.
- Степанова З. Н., *Борьба арабов за объединение Центральной Аравии и образование Саудовского королевства*, ЛГУ, 1950.
- Томара М., *Истоки ваххабизма*, — «Атенст», 1930, № 53, стр. 71—80.
- Чураков М. В., *«Новая история Неджда» Амина ар-Рейхани как источник по этнографии Центральной Аравии*, — «Советская этнография», 1960, № 1.

Щербатов А. Г. и Строганов С. А., *Книга об арабской лошади*, СПб., 1900.

Щербатова О. А., *Верхом на родине бедуинов*, СПб., 1903.

- Abir M., *Relations between the government of India and the shariif of Mecca during the French invasion of Egypte, 1798—1801*, — «Journal of the Royal Asiatic society», London, 1965, pt 1—2.
- Ali bey, *Travels*, vol. 1—2, London, 1816.
- Blunt A., *A pilgrimage to Nejd, the cradle of the Arab race*, vol. 1—2, London, 1881.
- Brydges H. J., *An Account of the transactions of His Majesty's mission to the court of Persia (1807—1811), to which is appended a brief history of the Wahaby*, vol. 1—2, London, 1834.
- Burckhardt J. L., *Notes on the Bedouins and Wahabys collected during his travels in the East*, vol. 1—2, London, 1831.
- Burckhardt J. L., *Travels in Arabia*, vol. 1—2, London, 1829.
- Burton R. F., *Personal narrative of a pilgrimage to al-Madinah and Meccah*, vol. 1—2, London, 1893.
- [Corancez L. A.], *Histoire des wahabis depuis leur origine jusqu'à la fin de 1809*, Paris, 1810.
- Dickson H. R. P., *The arab of the desert*, London, 1951.
- Dickson H. R. P., *Kuwait and her neighbours*, London, 1956.
- Didier Ch., *Séjour chez le grand-chérif de la Mekke*, Paris, 1857.
- Doughty Ch., *Travels in Arabia Deserta*, vol. 1—2, Cambridge, 1888.
- «Encyclopédie de l'Islam», Leyde—Paris, vol. IV, 1933.
- Finati G., *Narrative of the life and adventures of Giovanni Finati, native of Ferrara*, vol. 1—2, London, 1830.
- de Gaury G., *Rulers of Mecca*, London, 1951.
- Gibb H. and Bowen H., *Islamic society and the West*, vol. I, pt 1, 2, London, 1957.
- Goldziher I., *Le dogme et la loi de l'Islam*, Paris, 1920.
- Guarmani C., *Northern Najd. A journey from Jerusalem to Anaiza in Qasim*, London, 1938.
- Hogarth D. G., *The penetration of Arabia*, London, 1905.
- Huber Ch., *Journal d'un voyage en Arabie (1883—1884)*, Paris, 1891.
- Jaussen A., *Coutumes des Arabes au pays de Moab*, Paris, 1908.
- Kiernan R., *The unveiling of Arabia*, London, 1937.
- Longrigg S. H., *Four centuries of modern Iraq*, Oxford, 1925.
- Marston T. E., *Britain's imperial role in the Red sea area (1800—1878)*, Hamden (Connecticut), 1961.
- Mengin F., *Histoire de l'Egypte sous le gouvernement de Mohammed-Aly*, vol. 1—2, Paris, 1823.
- Miles S. B., *The countries and tribes of the Persian gulf*, vol. 1—2, London, 1919.
- Montagne R., *La civilisation du désert. Nomades d'Orient et d'Afrique*, Paris, 1947.
- Musil A., *The manners and customs of the Rwala beduins*, New York, 1928.
- Musil A., *Northern Nejd*, New York, 1928.
- Niebuhr C., *Description de l'Arabie d'après les observations et recherches faits dans le pays même*, Copenhagen, 1773.
- Niebuhr C., *Voyage de M. Niebuhr en Arabie et en d'autres pays d'Orient...*, En Suisse, 1780, vol. 1—2.

- Palgrave W. G., *Narrative of a year's journey through Central and Eastern Arabia (1862—1863)*, vol. 1—2, London, 1865.
- Pelly L., *A visit to the Wahabee capital, Central Arabia*, — JRGS, vol. 35, London, 1865.
- Philby H. St. J. B., *Arabia of the Wahhabis*, London, 1928.
- Philby H. St. J. B., *The heart of Arabia*, London, 1922, vol. 1—2.
- Philby H. St. J. B., *Saudi Arabia*, London, 1955.
- Pirenne J., *A la découverte de l'Arabie. Cinq siècles de science et d'aventure*, Paris, 1958.
- Raymond J., *Les wahabys. Document inédit de 1806*, Le Caire, 1925.
- Rehatssek E., *The history of the Wahhabys in Arabia and in India*, — «The Journal of the Bombay branch of the Royal Asiatic society», vol. XIV, 1878—1880, Bombay, 1880.
- [Reinaud], *Auszug aus dem Briefe des Hrn. Reinaud an Dr. Seetzen, Haleb, 2. Apr. 1805*, — «Monatliche Correspondenz zur Beförderung der Erd- und Himmelskunde», hrsg. von Zach, Bd XII, № XXII, Gotha, 1805.
- [Rousseau J.], *Description du pachalik de Bagdad suivie d'une notice historique sur les Wahabis et de quelques autres pièces relatives à l'histoire de l'Orient*, Paris, 1809.
- Sabry M., *L'Empire Egyptien sous Mohamed-Ali et la question d'Orient (1811—1849)*, Paris, 1930.
- Sadlier G. F., *Account of a journey from Katif on the Persian gulf to Yamboo on the Red sea (Read 24.4.1821)*, — «Transactions of the Literary society of Bombay», vol. III, London, 1823.
- Salil-ibn-Razik, *History of the imams and seyyids of Oman (661—1856)*, London, 1871.
- Tamisier M., *Voyage en Arabie. Séjour dans le Hedjaz. Campagne d'Assir*, vol. 1—2, Paris, 1840.
- Volenv C.-F., *Voyage en Syrie et en Egypte pendant les années 1783, 1784 et 1785*, La Haye, 1959.
- Wallin G. A., *Narrative of a journey from Cairo to Medina and Mecca by Suez, Araba, Tawila, al-Jauf, Jubbe, Hail and Nejd in 1845*, — JRGS, 1854, vol. XXIV.
- Wallin G. A., *Notes taken during a journey through part of Northern Arabia in 1848*, London, 1850.
- Wellsted J. R., *Travels in Arabia*, vol. 1—2, London, 1838.
- Wilson A. J., *The Persian gulf. An historical sketch from the earliest times to the beginning of the twentieth century*, Oxford, 1928.
- Zehme A., *Arabien und die Araber seit hundert Jahren*, Halle, 1875.
- Zwemer S. M., *Arabia. The cradle of Islam*, London, 1900.

* * *

إبن السويدي، المشكلات المضية ردا علي الوهابية (Stiftung Preussischer Kulturbesitz, Depot der Staatsbibliothek, Tübingen).

أحمد امين، زعماء الاصلاح في العصر الحديث، القاهرة، ١٩٤٩

أحمد بن زيني دحلان، خلاصة الكلام في بيان أمراء البلد الحرام،

مصر، ١٣٠٥

أحمد عبد الغفور عطار، محمد بن عبد الوهاب، مطبعة الاستقامة ١٩٤٣

أحمد على، آل سعود، مكة، ١٣٧٦-١٩٥٧

أمين الريحاني، تاريخ نجد الحديث، بيروت، ١٩٢٨

حسين بن غنام، تاريخ نجد المسمي روضة الافكار والافهام، الجز

الاول والثاني، مصر، ١٩٤٩

حافظ وهبة، جزيرة العرب في القرن العشرين، القاهرة، ١٩٥٦

سليمان بن سحمان، كتاب تنبيه ذوى الالباب السليمة عن الوقوع في

الالفاظ الوخيمة، مصر، ١٣٤٣

سليمان بن سحمان، كتاب الضياء الشارق في رد شبهات المازق المارق،

مصر، ١٣٤٤

صلاح الدين المختار، تاريخ المملكة العربية السعودية في ماضيها

وحاضرها، الجزء الاول، بيروت، ١٩٥٧

صلاح العقاد، الاستعمار في الخليج الفارسي، القاهرة، ١٩٥٦

عباس محمود العقاد، الاسلام في القرن العشرين، القاهرة، ١٩٦٠

عبد الرحمن بن حسن، فتح المجيد، شرح كتاب التوحيد، القاهرة،

١٣٧٧-١٩٥٧

عبد الله بن محمد بن عبد الوهاب، الكلمات النافعة في المكفرات

الواقعة، مجموعة التوحيد النجدية القاهرة، ١٣٧٥

عبد الله علي القصيمي، الثورة الوهابية، مصر، ١٩٣٦

عثمان بن بشر، عنوان المجد في تاريخ نجد، الجزء الاول والثاني،

مكة، ١٣٤٩

عثمان بن سند البصري، تاريخ بغداد المسمي بمطالع السُّعود بطيب

أخبار الوالي داؤد، بمبئي، ١٣٠٤

مجموعة التوحيد النجدية، القاهرة، ١٣٨٥

محمد بن عبد الوهاب، اربع رسائل، تسع رسائل في التوحيد له،

كتاب التوحيد له، كتاب كشف شبهات في التوحيد له

مجموعة، الحديث النجدية، القاهرة، ١٣٧٥

محمد بن عبد الوهاب، اصول الايمان، فضل الاسلام له، كتاب

الكبائر له، نصيحة المسلمين بأحاديث خاتم المرسلين له

محمد بن عبد الوهاب، الاصول الثلاثة وادلتها، مصر

محمد بن عبد الوهاب، مختصر سيرة الرسول، القاهرة، ١٣٧٥-١٩٥٦

محمد بن عبد الوهاب، مسائل الجاهلية التي خالف فيها رسول الله اهل
الجاهلية، القاهرة، ١٣٤٨

محمد بن عبد الوهاب، مفيد المستفيد في كفر تارك التوحيد، القاهرة،
١٩٥٤

محمد بن عفالق الاخسائي الحنبلي، رسالة في رد ابن عبد الوهاب
(Stiftung Preussischer Kulturbesitz, Depot der Staatsbibliothek, Tübingen).

محمد بن علي الشوكاني، البدر الطالع، الجزء الاول والثاني، القاهرة، ١٣٤٨

محمد بن هاشم، حضرموت، تأريخ الدولة الكثيرة، ١٣٦٧-١٩٤٨

محمد حامد الفقي، اثر الدعوة الوهابية في الاصلاح الديني والعمراني
في جزيرة العرب وغيرها، مصر، ١٣٥٤

محمد رشيد رضا، الوهابيون والحجاز، مصر، ١٣٤٤

محمد عبد الله ماضي، النهضة الحديثة في جزيرة العرب، ١- في
المملكة العربية السعودية، ١٣٧٢-١٩٥٢

محمود شكري الالوسي، تأريخ نجد، القاهرة، ١٣٤٣

الهدية السنينة والتحفة الوهابية النجدية، مصر، ١٣٤٢

أحمد بن ناصر بن عثمان المعمرى، الرسالة، عبد العزيز الاول بن سعود،
الرسالة، عبد الله بن محمد بن عبد الوهاب، الرسالة

British museum, OPB. لمع الشهاب في سيرة محمد بن عبد الوهاب
MSS, Catalogue ADD. 23343).

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение	3
Глава I. Аравия накануне ваххабизма (Хозяйство. Общество. Политика)	26
Глава II. Учение Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба	85
Глава III. Возвышение государства Саудидов	119
Глава IV. Общественный и политический строй Дерийского эмирата	170
Глава V. Война египтян в Аравии (Разгром ваххабитов)	219
Заключение	251
Источники и литература	258

Алексей Михайлович Васильев
ПУРИТАНЕ ИСЛАМА?
Ваххабизм и первое государство Саудидов
в Аравии (1744/45—1818)

Утверждено к печати
Секцией восточной литературы РИСО
Академии наук СССР

*

Редактор *М. Д. Панасьянц*
Технический редактор *М. А. Полуян*
Корректоры *Е. А. Мамиконян* и *М. З. Шафранская*

*

Сдано в набор 24/XI 1966 г.
Подписано к печати 2/III 1967 г.
А-00627. Формат 84×108¹/₃₂.
Печ. л. 8,25. Усл. п. л. 13,86.
Уч.-изд. л. 14,21. Бум. № 2.
Тираж 4500 экз. Изд. № 1750.
Зак. № 1632. Цена 85 коп.

*

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2
3-я типография издательства «Наука»
Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4